

ПРИЧАЛ

Литературный интернет-журнал

**Ярославское областное отделение
Союза писателей России**

*Редакционный совет: Алексей Серов,
Альберт Максимов,
Владимир Серов.*

*Главный редактор,
литературная критика, публицистика –*

Анатолий Смирнов.

Заместитель главного редактора по прозе –

Николай Гончаров.

Заместитель главного редактора по поэзии –

Лариса Желенис.

СОДЕРЖАНИЕ

Поэзия

Сергей Хомутов	«Сколько было всего...»	4
Ирина Гетманцева	Рогатое дерево	15
Олег Гонозов	«Я тебе скажу, а ты послушай....»	22
Михаил Корнилов	«Я вам опять напомню о войне...»	35
Нина Виноградова, Владимир Ильичев, Елена Ивахненко, Надежда Кудричева, Оксана Сабурова, Любовь Фоменко	«Мы рождены для вдохновенья...»	103
Ольга Андреева	О чём ты город?	137
Татьяна Шумилова	Високосный год	154

Проза

Владимир Мельников	Замполит и комбат	27
Альфред Симонов	Белый квадрат на чёрном фоне или Хаотичное движение муравья по белой плоскости	45
Олег Лукьянченко	Под салютом всех вождей	121
Надежда Кускова	Майский жук	144
	Голос брата	147
Геннадий Гусаченко	Огни Паттайи	159

Публицистика

Борис Зорькин	Куда ж нам плыть?..	178
---------------	---------------------	-----

Из старых журналов**«Очарованный**

странник» № 3	З. Гиппиус, Игорь Северянин, Рюрик Ивнев, М. Струве, Димитрий Крючков, Вадим Шершеневич, Кн. Шахназарова	173
---------------	--	-----

Юмор и сатира

Алексей Курганов	Не озлобляйте часового подозреньем!	187
------------------	--	-----

«Мы рождены для вдохновенья...»

Накануне минувшего Международного дня поэзии были подведены итоги первого ярославского областного поэтического конкурса «Мы рождены для вдохновенья...», организованного Ярославским областным отделением Союза писателей России и Департаментом культуры Администрации Ярославской области. В этом номере журнала мы знакомим читателей с творчеством победителей и некоторых участников конкурса среди поэтов в возрасте старше 35 лет. В следующем номере мы представим произведения победителей и некоторых участников конкурса в категории до 35 лет.

Сергей ХОМУТОВ

г. Рыбинск

Родился в 1950 году в Рыбинске, где живёт и сейчас. Окончил школу и техникум, печатался в местных газетах, коллективных сборниках Верхне-Волжского издательства. Здесь же в 1979 году вышла первая книга. В 1987 году закончил Литературный институт им. А. М. Горького. Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Молодая гвардия», «Огонек», «Октябрь», «Волга», «Дружба», «Север», «Новый мир», и других. Автор более 30 книг стихов, вышедших в провинциальных и столичных издательствах. Лауреат премий имени Константина Симонова и Алексея Толстого, премии «Поэт года», премии имени Сергея Есенина «О Русь, взмахни крылами». Заслуженный работник культуры РФ, действительный член Петровской Академии наук и искусств, член СП России. Подборка стихотворений принесла Сергею Хомутову первое место на первом ярославском областном поэтическом конкурсе «Мы рождены для вдохновенья...»

«Сколько было всего...»

* * *

Без труда, наверное, поймет,
Кто имеет в этом деле опыт, —

Если не засахарился мёд,
Значит, был он с хитрецою добыт.

Подмешали что-то для того,
Чтобы не лишить себя навару, —
Сколько мною куплено всего
Было непотребного товара.

Так что, правил принятых держись
И приобретай не где попало.
...Если «не засахарилась» жизнь,—
Здесь досужих рассуждений мало.

Даже если ты безгрешен сам,
Нет в уловках твоего участия,
Видно, постигал ее не там,
Как бывает, к сожалению, часто.

Оттого тоскливо на душе,
И вдвойне, от горького признанья, —
Что, пожалуй, ничего уже
Не исправишь после осознанья.

Ничего... Хоть каешься в грехах,
Да просрочил пору изобилья.
...И цветы опали на лугах,
И сносились крылья до бессилья.

ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМ...

Когда меж строчкой и судьбой
Уже стирается граница,
Всё, что написано тобой,
В душе, конечно же, хранится.

И чем питался в жизни ты,
Чем был пресыщен или выжат,
Легло не только на листы,
Оно в тебе живет и дышит.

То, что написано пером,
В душе оставило росточки,
И здесь уж точно топором
Тебе не вырубить ни строчки.

* * *

Тех возвысили вдруг, а других почему-то забыли,
Хоть, казалось, причины для этого нет никакой, —
Но эпоха и вечность всегда неуживчивы были,
Слишком трудно сходились, как будто свекровь со снохой.

Да нередка и прихоть властителей новых и кланов,
Что не в меру свое проявляют пристрастие в том,
Средоточие подлых уловок и пошленьких планов, —
Принимаешь такое рассудком, конечно, с трудом.

Если судьбами правят корыстные сводня за сводней,
Отметая бывшее, ни в чем никогда не винясь, —
Вечность смотрит на то всё печальнее, всё безысходней,
С тайной мыслью — однажды совсем отвернуться от нас.

* * *

*Сам себя я вызвал на турнир.
Осип Мандельштам*

Всё трудней, представ перед собою
С твердостью суровой, прямой,

Проявить свою готовность к бою,
Коль во мне самом соперник мой.

Все известны тайные стремленья,
Слабости, сомнения мои,
Потому на грани притупленья
Наши постоянные бои...

Самые решительные споры
Ничего не смогут разрешить,
Вынесем друг другу приговоры,
Я — себе, и дальше будем жить.

В этом бесполезном эпатаже
Никаких не разрубить узлов,
Если нечем защититься, — даже
Не от шпаги — от обычных слов.

НА УЛИЦЕ СВОБОДЫ

*Лишь с трибуны XX съезда
Объяснили нам: кто же мы есть...
Николай Якушев.*

В потертой за годы одежке,
В пивнушке отмерив свое,
Учитель по здешней дорожке
Ходил, не вмещаясь в нее.

Пусть не было больше неволи,
Былой не преследовал страх,
Но вдоволь ему этой боли
Отвесили на Северах.

Он прожитой драмы упрямо
Сторонним казать не хотел,
Держался свободно и прямо,
Презрев поднадзорный удел.

Травил анекдоты небрежно,
Копною волос потрясал,
Хотя и не с каждым, конечно,
Да пил, словно вызов бросал.

А слезы, что пролиты были,
Что не растворились в строках,
Лишь только потом находили
В суровых его дневниках.

Из давних бумаг извлекали
Мы каждый оборванный стих, —
Как будто породу копали
С крупинками слов золотых.

И сами слезами кропили
Его удивительный век...
Из нечеловеческой были
Пред нами вставал человек.

* * *

Как сердце мне твое сберечь,
С твоих некрепких сбросить плеч
Хоть часть навязчивых забот,
Ломающих из года в год?
Ты на себя всегда брала
Мои тревожные дела,

Не жалуясь, коль тяжело,
Да время, видимо, пришло,
Что сердце стало уставать,
Привычный перестук срывать.
Но трудно что-то изменить,
От прошлого оборонить,
Его отбросить в забытие.
Как сердце мне сберечь твоё?
Быть может, свыше нам дано
Одно лишь на двоих оно.

ОПОРА

Сколько было всего, сколько было,
Что случится ещё на веку?..
Посошок мой стирается быстро,
По камням скользя и песку.

Посошок мой — вещица скитальца,
Друг мой чуткий, прозреньё мое,
Всё тревожней касаются пальцы
Рукоятки, вращая в неё.

А, быть может, в руке и осталось
От того, что опорой зовём,
Только эта незримая малость,
Наделенная тайным чутьём.

С удивлением встречный моргает,
Не заметив диковину ту:
Человек по тропинке шагает,
Опираясь на пустоту...

* * *

Поздновато искупать
Похожденья дерзкие, —
Только странно проступать
Стали шрамы детские.
И припоминаешь ты,
Где они получены:
Тот — в полете с высоты
У речной излучины,
Этот — в пыльной борозде,
Где стекляшку бросили...
Вдоволь выпало везде,
По весне и осени.
Ну а летом больше всех —
В наслажденье волею...
Были слезы или смех,
Но того не более.
Не такая уж беда —
Эти метки ранние.
...Хорошо, что в те года
Нам сердца не ранили.

* * *

Деревня, город... Общего немного
В порядках двух не слившихся миров,
Один уже уходит одиноко,
Другой не слишком в наши дни здоров.

А я родился и встречаю старость
В окраинном завещанном краю,
Где сельские дела еще остались,
И берегают эту страсть свою.

Конечно же, деревней звать нелепо
Участок дачный, скромных грядок ряд,
Хоть всё растят, пожалуй, кроме хлеба,
Да не крестьянский все-таки уклад.

Здесь остаюсь, наверно, лишь душою,
Поскольку принял городской уют,
Но жизнь там часто кажется чужою,
И птицы под окошком не поют.

Непросто этот выбор мной оплачен
До самых крайних нынешних годков, —
Как будто, переводчиком назначен
С двух разных, но понятных языков.

* * *

Бесполезно больным отдаваться словам
И проклятья бросать на пути, —
Если эта житуха не нравится вам,
Попытайтесь другую найти.

Только где он, такой удивительный край,
Где всё к месту и все по местам?..
Это Ева с Адамом покинули рай,
Ну а мы-то и не жили там.

* * *

Хоть излишне и не горячился, —
Синяков да шишек нахватал...
На чужих ошибках не учился,
Вековую мудрость не впитал.

И сегодня сожаленье гложет,
Избежать бы мог, наверно, их...
Утешает лишь одно, — что может
Кто-то поучиться на моих.

* * *

Нелегко бывшее возвратить,
Если новым присягнул законам, —
Всё никак не научусь входить
В избы деревенские с поклоном.

Не случайно притока нам
Прививала правила простые —
Уважать людей, живущих там,
Соблюдать обычаи святы.

Обретаем смутную судьбу
В нынешней реальности поспешной.
...Вот опять отметочка на лбу
Неуча из этой жизни грешной.

ДЕКАБРЬ 2019

Мрачный выпал декабрь, потому что снега не сошли,
Чернотой обступает, и тьмой нависает сплошную,
Но куда ты сбежишь от единственной этой земли,
Что любой порой для тебя остается родною.

Нет иного исхода, когда мы живем по любви,
Да по верности, да по какому вышнему чувству.
В придорожных березах притихли совсем воробьи,
Лишь вороны еще предаются крылатому буйству.

Возле стылого поля и рощицы серых берез
Ты стоишь, а вокруг эта хмарь, непонятная ныне,
И мешаются нежность и боль, пробивая до слез,
И понять невозможно, что скрыто в небесной пустыне.

* * *

Не знаю, рад ли этому, не рад ли, —
Сколь в лучшем бы себя ни уверял, —
Теперь, бывое вспоминая, вряд ли
Пойму я, кто любил, а кто играл.

Мне каждая запомнилась, конечно,
Что, в общем-то, естественно вполне, —
Всё было удивительно и нежно,
И до сих пор еще живет во мне.

Но для чего гадать на каждый лучик,
На каждое томление души?..
Игра так часто удавалась лучше, —
Актрисы были слишком хороши.

* * *

В закутках нежилого столетнего дома
Тайны прошлого века незримо живут,
Обитают печально до сноса, до слома —
Дом уйдет, а вослед и они уплывут.

Кто вершит приговор золотому наследью,
Невозможному в будущем нашем скупом, —
Что могу я ответить быломu столетью,
Припадая к шершавому бревнышку лбом?..

Мать-окраина, давним восторженным летом
Я с тобою обрел и упрочил родство,
Ну а если рожден в мире солнечном этом,
То предать никогда не способен его.

Дорогие виденья... Взлетят, словно птицы,
Словно ласточки легкие из-под стрехи,
Но пока по углам и щелям, как монахи,
Стерегут их суровые крестовики.

* * *

Здесь удивляться вряд ли надо, —
Жизнь теплится в ином укладе, —
С кем ты сидел в пивной когда-то,
Сейчас лежишь в одной палате.

Пока укольчик принимаешь
И капельница над тобою,
Былые дни припоминаешь, —
Изрядно поиграл судьбою.

Глядишь, как в трубочку стекает
Не пиво, снадобье другое,
И что-то всё же предрекает,
Хоть и не ясное такое.

А что еще случится завтра,
Сегодня даже не гадаем...
Там — обнимались мы азартно,
Здесь — лишь задумчиво киваем.

Ирина ГЕТМАНЦЕВА

г. Ярославль

Ирина Гетманцева (Мудриченко) родилась 9 октября 1983 года в городе Шахты Ростовской области. Окончила ПИ ЮФУ по специальности «учитель истории». Публиковалась в газете «Донской писатель» и журнале «Дон новый»; в «Литературной газете», журнале «Ковчег», в сетевом альманахе «45-я параллель» и литературно-художественном альманахе «Связь времён» (Калифорния). Второе место на первом ярославском областном поэтическом конкурсе «Мы рождены для вдохновенья...»

РОГАТОЕ ДЕРЕВО

* * *

В карандашно-грызучем детстве
Я себя рисовать любила:
палка-палка-царапка тела-
зубы-когти-шипастый хвост.
А как стала возрастать,
у чудищ
появились рога и крылья,
чешуя и невесть ещё что
(в общем — нужное подчеркнуть).
Я выросла беззубой на редкость,
Ни шипов, ни когтей — на, кушай,
Милый хищник.
Но крылья были. Чешуёю пугая всех.
Только проку-то — быть крылатым
Испокон уж веков банально
(... кушай, кушай. Да подавись же!)
А как я карандаш возьму... —
Вечный вой: не дочь ты, не мать нам,
не жена, не идущий мимо..!

Обгрызу привычно я грифель,
Намазуюкаю кубик солнца
И ромашку на пол листа.

Солнце чёрное и ромашку
О семидес'ти двух зубах.

ДОМ С ЗЕЛЁНОЙ КРЫШЕЙ

Собирала почти по конфетным обёрткам.
— Эй, не путай меня, здесь когда-то был дом! —
Здесь чугунный вился шоколадом натёртым
козырёк над дверьми, уходя серебром

привиденческим в небо, не зрелое к ночи.
Собирала по ниткам (один к двадцати).
Вместо бело-зелёного нечта /не хочешь?/
Я могу шерстяных человечков сплести —

Будут мальчик и девочка... Выдохнуть: «Поздно»
даже некому. Полноте, не собралось.
Дура-дура, когда перестанешь, серьёзно,
из чужого креста выковыривать гвоздь.

* * *

Я вижу спящей тебя во сне
(Которую жизнь подряд),
Когда в дырявой сети небес
Полощется виноград

И гроздья, рыбы без плавников,
Белее, чем лунный нож.
Не ночь над садом моим — крыло
Коротких твоих волос.

«Причал»

Литературный журнал

Ты сонно кожицу мнёшь зеркал,
Как яблочный длишься хруст.
Да сколько клятв бы себе не дал,
Я знаю всегда: проснусь.

* * *

«И не с тобой, а ждать в тебе останусь»

Дан Негарэ

Нет людских языков —
Сказать — что такое «ты».
Разве — птичий крик
Со смятой и порванной высоты.
Разве то, о чём тепло молчат
Ангелы и коты.
Разве то —
Что разводят и сводят разрушенные мосты.
Ну а если есть «ты», то где-то должно быть «я» —
Безглагольная осыпь
Тугих лепестков дождя
(На которых гадают небо —
С ноября и до ноября)
В их трёхтактной жути — одно:
«Как же мне без тебя..!»
Хоть я знаю —
«как» — это моё всегда.
В подреберьях мостов
Дождевая цветёт вода.
Хоть я вижу — в небе: стального пера пробел.
Нет людских языков — сказать:
«Не с тобой, а в тебе».

ЯНТАРЬ

1

Неба полдневный мёд.
Лапкой не шевельнуть.
Кто по канве прошьёт
В бисерных солнцах ртуть?

Балтики жёлтый скол,
Третий ли дар волхвов...
Кто это сеть расплёл,
Но не вернул улов.

2. Зелёный янтарь

Пястью незрячей своей стволы
Липкий обшарил мох.
Время — что время? — кусок смолы:
Кто-то в нём взял и сдох.

«Кто-то» исправить легко на «я»
(Проще ещё на «ты»).

В талую льдинку небытия
Крошками врос хитин.

Руны ли, раны твоей коры,
Мшаный слепой наплыв...
Дохлик, пожалуйста, не реви —
Треснет кусок смолы!

ПЕРСЕФОНА

... а я очень даже мужняя —
того, кто придёт за мной,
ищите в сливовых лужицах,
под красною кожурой,

в сквозной колыбельке зёрнышка...
(червей и корней родство).
Живые /чужие/, мёртвые,
не ваша, ничья — его.

* * *

по лесу идёт рогатый,
по лесу идёт бодатый,
Шёрстка тёмно-золотая,
Не медведь, не волк, не лось.

Когтем (желтым от махорки)
Звонко щёлкает по звёздам,
Что примёрзли к сучьям неба
Красной смолкой ледяной

Я совсем не испугалась
И почти не закричала
(Сиплым шёпотом «ой, мама..!»
Не считается поди),

Лбом — как водится — с размаху —
Въехав в пузо меховое
(Замечтаться в буреломе —
это только мне дано).

Сверху вниз бодатый глянул —
Так болото часто смотрит,
Две тягучих чёрных топи
в жарах клюквенных тая.

И таращась очень храбро
(Не увязну, и не пробуй!),

Я вдруг брякнула: «Эй, дядя,
Дал бы что ли закурить?».

А потом из мха и листьев
Он мне сладил самокрутку.
Я, наивная, решила:
табачку-то пожалел.

После двух затяжек небо
Странно так перекошилось
Всеми лунными корнями,
Прорезаясь сквозь меня

И пока горячей хвоей
Тело ржаво осыпалось
В туго скрученную темень,
Мне додумалось как сон:

«Почему мои запястья
Как в обручье — в чьей-то лапе?
Это кто мои же руки
мне за голову завёл?»

РОГАТОЕ ДЕРЕВО

Зарываю медовым жёлудем
Месяц в снег, пятерней отмеренный.
Все заветные стёжки вспороты,
О, моё рогатое дерево.

Тихо-тихо края расходятся.
На рассвете не кровь, а изморось.
/кто-то молча ломает ножницы/
... Что ж из жёлтого снега вырастет?

ALTER(?) EGO

В час, когда над землёй сомкнёт объятия
Колдовская ночь с глазами кошки,
Из глубин душевных тогда восстанет
Страшное чувство.

Не унять его кандалами плоти,
Не убить молитвой и ядом рифмы —
Только сжав в оскал покрепче зубы
Взвыть бы по-волчьи.

Я уже не той становлюсь, что прежде
Улыбалась в глаза врагам и судьям
И за стенами спин искала взглядом
Серые лица.

...А теперь из тусклой зеркальной зыби
На меня Она беспощадно смотрит,
Со щеки стирая рукой дрожащей
Чёрные слёзы.

* * *

Я у Творца просила слов,
Как жадно просят о ребёнке.
И были призрачны и тонки
На прялке струн волокна снов.

Я у Творца просила сил
Для счастья, что страшнее муки.
И в пустоте дрожали звуки,
Тускнея холодом могил.

«Причал»

Литературный журнал

Я у Творца просила миг —
Последний и непоправимый,
Ножом страстей вонзённый в спину
По рукоять земных обид.

Я у Отца просила слов...

Олег ГОНОЗОВ

г. Ярославль

Подборка стихотворений принесла уже знакомому читателям «Причала» поэту и прозаику, члену Союза российских писателей Олегу Гонозову третье место на первом ярославском областном поэтическом конкурсе «Мы рождены для вдохновенья...»

«Я тебе скажу, а ты послушай....»

* * *

Дал же Бог мне родиться в России,
возле Волги, великой реки,
где в тумане по утренней сини
шли когда-то гурьбой бурлаки.

Ничего не дается здесь просто,
но в тяжелый безвыходный час
мои предки на тихих погостах
придавали мне силы не раз.

Пока сердце мое не остыло,
пока хочется верить, любить,
я спешу на родные могилы —
мне в России без них не прожить.

С МАМОЙ

У меня есть мама.
Пусть ей много лет,
мы с ней по сто граммов
приняли в обед.

На столе закуски —
впятером не съесть.
Не бывает грустно,
если мама есть.

А когда стемнеет,
встанем у окна.
«Чаю подогрею», —
скажет мне она.

Выставит варенье —
как тут отказать?
Словно в день рожденья
будем пировать.

У МОРЯ

Мне до моря — руку протянуть:
шёпот волн почти совсем не слышен...
От чего ж так странно щемит грудь,
словно знак какой-то послан свыше?

Я с морями был всегда на «ты»:
наслаждаясь предзакатным штилем,
наводил и разводил мосты,
говоря литературным стилем.

На чужом, далёком берегу
я в жару вдыхаю запах моря,
что потом навеки сберегу,
словно оберег от зла и горя.

СОБИРАЛСЯ К ДРУГУ

Собирался к другу
я давным-давно.
Дружескую руку
мне пожать бы... Но
шли дожди всю осень,
после выпал снег —
всё не так-то просто
в двадцать первый век.

В сельской глухомани
друг всю жизнь живёт,
старой его маме
девяностый год.
Поступил он круто,
как бы всем назло:
после института
укатил в село.

Укатил и спился,
развелся с женой...
Как-то мне приснился
друг мой дорогой...
И во сне без смеха,
побледнев лицом,
звал к себе приехать,
посидеть с винцом.

СОВЕТ

Я тебе скажу, а ты послушай,
помолчи и не перебивай!
Мужики сегодня водку глушат —
ты в их разговоры не встревай!

Я тебе скажу, а ты послушай,
знаю, когда всё они допьют,
запоют про яблони и груши —
ну и пусть хоть до ночи поют!

Я тебе скажу, а ты послушай,
станут материться, но ты знай:
надо отвести ребятам душу —
пусть отводят, ты их не ругай!

Я тебе скажу, а ты послушай,
когда мы останемся одни —
никого мои друзья не хуже,
я и сам такой же, как они!

ЗАСТОЛЬЕ

Мы весь день до полуночи пили,
как сапожники...
Хуже того:
кто не мог, тех позором клеймили,
и грозились прибить одного.

И когда совсем в пьяном угаре
мы сидели, не чувствуя тел,
самый трезвый в компании парень
почитать нам стихи захотел.

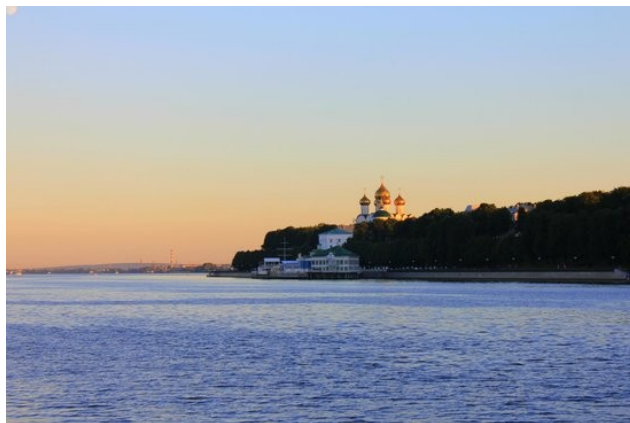
Он читал — мы понуро молчали,
вспоминая любимых своих...
И казалось, нет в мире печальней,
чем вот этот услышанный стих.

ЕДУ К МАМЕ

День сегодня выдался погожий —
солнце улыбается с утра.
Мне кивает головой прохожий,
как знакомый с нашего двора.

Рады мне приветливые клёны,
и троллейбус быстро подошел.
Я сажусь к окошку, как влюблённый
за накрытый в ресторане стол.

Я спешу, волнуясь... Это ж надо!
Еду к маме — всё вокруг поёт.
И кондуктор, как танцор эстрадный
исполняет медленный фокстрот.

К 75-летию Победы

Владимир МЕЛЬНИКОВ

Владимир Львович Мельников (1924-1998), ярославский журналист. Работал на ярославском телевидении, корреспондентом газеты «Северный рабочий». Печатался в центральных изданиях (газета «Известия», журналы «Наш современник», «Москва») с материалами по экологической безопасности, возрождению Нечерноземья, спасению гибнущих озер. Ветеран Великой Отечественной войны. Член Союза журналистов. Автор книги «Черноземы для

России» (1997). Начинал он свою творческую жизнь с произведений художественной прозы, которые, к сожалению, опубликованы в то время не были. В ярославском издательстве «Индиго» в 2019 году вышла книга его прозы «Тихое озеро».

ЗАМПОЛИТ и КОМБАТ

Быль

Наша часть вела тяжелые бои. Мы захватили одну сторону домов деревни, немцы удерживали другую. Нас разделяла пятидесятиметровая улица. И вот эти-то пятьдесят метров не удавалось перейти ни нам, ни немцам. Противник оказывал упорное сопротивление, а наш батальон был обескровлен. Немцы получали подкрепление за подкреплением. Нам же оно не шло. Силы, видимо, где-то были нужнее. Но нам приказывали овладеть селом, а мы не могли. Потом нас заменили. В этих боях за неизвестную деревушку погиб наш комбат, майор.

Мы отошли, имея менее трети личного состава. Отведен был весь полк. Мы чуток отдохнули, получили подкрепление. Полку придали танки Т-34, на каждом — стрелок. Готовили из нашего полка подвижную ударную группу. Отрабатывали быстрые и большие броски. За комбата оставался капитан Петров. Оригинален в своем роде. Трудно поверить, но, дослужившись до капитана, он был совершенно неграмотен. Удивительно, как он умудрился остаться совершенно темным человеком на протяжении почти двадцати пяти лет советской власти. Непостижимо. Он абсолютно

не умел ни читать, ни писать, только расписывался кое-как. Получая из штаба полка приказ, звал меня или кого-то другого из офицеров читать приказ. Карты тоже не мог читать. Что же он делал в армии? Почему стал заместителем комбата? Он занимал эту должность, точно специально для него придуманную, почти с самого начала войны, когда из колхоза был призван в армию. Он ничего не решал никогда, ни за что не отвечал. Но если батальону предстояло идти в бой, а комбату нужно было принять то или иное решение, тут-то Петров и оказывался незаменим. Его слово, а его всегда просили высказаться, было решающим, его идеи составляли костяк принимаемого решения. По его замыслам батальон проводил все операции, выполнял все задачи. И выполнял блестяще. Ни одной из операций, разработанных по замыслам Петрова, батальон не проиграл. Решения его, каждое, — гениальны. Это был самородок чапаевского склада и характера. И он не стал Чапаевым потому только, что время было уже не то. Подсказывая верные решения, он не умел их выполнять, потому что это требовало знаний. Он был только поставщиком гениальных идей.

Я задался целью ликвидировать остаток безграмотности в лице капитана Петрова. И занялся с ним азбукой так же, как занимался когда-то со своей бабушкой. Это была непосильная задача — легче кажется, дуб научить говорить, чем Петрова читать. Но все же к концу отдыха нашего он читал у меня и довольно бегло газетные заголовки. Тут-то нам и прислали нового комбата. Подтянутый и стройный капитан сразу произвел впечатление хорошего строевика, прошедшего всю войну на плацу. Это так и было в действительности. Шел сорок пятый год, мы были уже в Польше, а наш комбат только прибыл на фронт. У него, однако, на левой щеке виднелся шрам — след от осколка. Будучи кадровым офицером, в начале войны получил ранение в лицо, и с тех пор командовал где-то учебной ротой, пока не попал к нам. Сразу, при первом же взгляде, я почувствовал к нему что-то вроде неприязни. Уж очень самоуверен и слишком рисуется, хотя ему и нельзя было

отказать в уме и организаторских способностях. Он сразу навел в батальоне строгий порядок. Я его в этом поддержал, хотя и видел, что кое-кому из боевых офицеров это не нравилось. Столкнулись мы с ним на одном из совещаний. Зашел разговор о неудаче под безымянной деревушкой.

— Я бы взял эту деревеньку непременно. Пятьдесят метров всего — рывок и кончено.

Я вспомнил, сколько мы там потеряли людей, сколько раз бросались в атаку, заходили и с одного, и с другого фланга, и в лоб... Сила противостояла, сила. И хорошо, что немцы не решились сами выбить нас, а только оборонялись. Мы бы, конечно, не устояли. У нас не было уже сил, а к немцам все время подходили новые силы. А он говорит: рывок!

— И на будущее прошу запомнить: не в моем характере топтаться на месте и ползать на животах. Помните суворовский наказ: быстрота, глазомер, натиск. Натиск! Порыв! Вот что я считаю главным. И все бои будем проводить так. Батальон под моим командованием покроет себя немеркнувшей славой.

Я не выдержал и произнес:

— Скажешь «гоп», когда перепрыгнешь...

Получилось, конечно, грубо, прямо, без обиняков, пофронтовому, но это вырвалось из глубины души. Комбат осекся. Он не ожидал такой реплики. Она его огорошила, прозвучавшая тем более из уст подчиненного, ниже его по званию. Надо отдать должное его выдержке. Он не вспылil, а только сказал, просверлив меня горящими глазами:

— Посмотрим...

— Что ж, — ответил и я, — посмотрим...

Вскоре наш полк, а с ним и мы, выступил. Мы были ударной группой и действовали, в основном, по ближайшим тылам противника. Нас бросали с одного участка на другой. Особенно памятны мне бои за два моста. Первый мост мы захватили удачно. Его нужно было удержать для подхода наших передовых частей.

Комбат распорядился так: основные силы батальона оставил на берегу, обращенном к фронту, то есть на пути предполагаемого отступления противника. Мне с одиннадцатью автоматчиками приказал занять высотку на другом берегу. Петров советовал ему разделить силы поровну. Он считал высотку ключевой позицией, взяв ее, противник мог овладеть снова мостом и уничтожить батальон. Петрова поддержал и я. Новый комбат, уверенный в своей гениальности и не желавший занимать божественного промысла у других, не стал слушать Петрова. А тут еще и я поддержал его. Не будучи глупцом, он, может, и осознавал, что ему советуют дело, но не хотел отменять собственное решение. Ладно. Заняли мы с одиннадцатью солдатами ту высотку. Немцы, отступая, наткнулись на заслон у моста и не пошли в лоб, свернули в сторону, перешли реку вброд и полезли на нашу высотку. Петров, между прочим, как раз о возможности такого маневра и предупреждал комбата. Ну, мы их встретили дружно. У нас были станковый и два ручных пулеметы. Нам крепко досталось тоже. Особенно от фаустпатронов, которые они начали кидать, приблизившись, — хоть в землю зарывайся. Ну, отбили. Отошли немцы. Стали в лощине для новой атаки готовиться. А мы троих потеряли. Послал к комбату связного — подкрепление, мол, нужно. Ему это ничего не стоило: батальон лежит без выстрела. Хоть бы отделение. Ничего не дал. Держитесь так, передал, а не удержитесь — сам перестреляю.

Что ж будешь делать? Держимся. Поднялись гитлеровцы, мы встретили противника их же фаустами. Как только отбили первую атаку, я послал двоих солдат вниз. Они несколько брошенных немцами ящиков с фаустами приволокли. Хорошая игрушка. Ящики продолговатые, с веревкой, удобно за собой тащить даже ползком. Отбили и эту атаку, потом еще одну... Осталось нас трое: я, один коммунист раненый и еще один легко раненный. Коммуниста я, перевязав кое-как, у станкового пулемета расположил, а сам с ручным бегаю по траншее. И второй пулемет

разбит. Послал я снова за подкреплением, а в ответ опять — держитесь. «То ли, — думаю, — извести он меня хочет, то ли за себя боится: не отпускает ни одного солдата». А немцы готовятся к новой атаке. Дело к вечеру. Солнце в тучу уже садится, а они всегда под вечер наступают, потому что за ночь укрепиться можно. Это их правило я знал. Кинулся я в штаб сам. Ведь не удержать втроем высотку, ни за что не удержать. Ну, умрем мы тут все, что толку? Возьмут высотку, а потом мост и батальону в тыл выйдут. Ведь беда будет! В тылу врага зажмут в клещи, много ли надо — батальон расстрелять на открытом месте. Прихожу в штаб, комбата нет, где-то в роте. Искать я его не стал. Собрал всех ординарцев, связных. Под метлу. Человек десять набрал и на высотку. Веселее дело пошло. Отбили атаку и эту, последнюю. Потом немцы снялись. Видимо, плюнули на мост, да и перешли реку вброд все, пока мы тут на высотке дрались.

Собрал я своих людей. Привел все в порядок — и батальон догонять, который к селу уже двигался. Догнали в селе. Штаб в подвале, захожу, докладываю, а комбат на меня глазами сверкает:

— Где мой ординарец?

— Ранен, — его, как назло, ранило в грудь тяжело.

— Как ты посмел брать его без моего разрешения? Кто здесь хозяин? Я или ты? — и пошел... Так расходился, что поднял шпагу. Он все со шпагой, какой-то театральной, ходил, полководца из себя разыгрывал. Вот-вот, вижу, ударит. Машет у меня над головой. Вдруг в подвал полковник спускается. В руках суковатая палка от грушевого дерева. После ранения он ее не выпускает из рук. А комбат его не видит. Кричит, машет шпагой. Полковник поднял свою палку и выбил из рук разгневанного капитана шпагу. Развел нас и прочитал соответствующее наставление: почему не доложили, что у вас ненормальные взаимоотношения. Словом, дал нагоняй. Притих тут мой комбат, а потом мне и говорит:

— Ну, не я буду, если тебя в гроб не загоню...

— Дурак ты, — отвечаю, — и больше ничего.

Ну что ему в ответ скажешь?..

А до этого еще, когда мы на отдыхе стояли, он мне всячески досаждал. Мне надо к политзанятию готовиться самому и людей готовить, а он посылает то туда, то сюда. Нарочно. Пожаловался я комиссару. Он ему нагоняй хороший дал. С тех пор у нас еще сильнее пошли нелады. Ну, ладно. Приказали нам второй мост у немцев отбить. Через реку Дунаец в Польше, чтобы не взорвали его немцы.

Пошли. Вышли к деревне, что у того моста. Созвал он совет:

— Как делать будем, действовать и мост брать?

Ну, разные предложения стали высказывать. А Петров торопиться не советует, разведать сначала предлагает. Ведь ничего нам неизвестно: охраняется мост или нет, какими силами. Видна только батарея на высоте за мостом. Значит, охраняется, а, может быть, кроме батареи еще что есть. А комбат, как Кутузов в Филях, никого не слушая, вынес вердикт:

— Не так и не эдак. А сделаем вот как. Время не ждет, вот-вот наши должны подойти. Ударим внезапно, налетом. Натиск и кончено. Немцы не ждут.

И приказывает танкам с десантом ворваться в деревню, на полном ходу проскочить мост и завладеть. На переднем танке приказал быть мне. Я сел на броню, спрятавшись за башню. Сейчас вот у танков я не вижу на броне скоб, а тогда спереди, сзади, с боков и под башней приваривались скобы. Это для удобства десантников. Я привязался к одной из них ремнем, солдаты облепили танк, и мы помчались. За нами остальные три танка. За время наших рейдов у приданной нам танковой роты осталось три танка (взвод). Рота — десять танков. За танками на бронетранспортерах — весь батальон. Комбат бросил в эту авантюру все. Бронетранспортеры были немецкие. Мы их захватили больше десятка, разгромив на привале в одной из деревень фашистскую колонну. Верно, и на этот раз надеялся комбат на легкую удачу. Танки проскочили на мост.

Бронетранспортеры были встречены в деревне поднявшимися по тревоге немцами. Головную машину подбили гранатой, создался затор. Люди под перекрестным огнем соскакивали с машин, ложились в пыль дорожную и отбивались, неся потери. Можно было сделать иначе, меньшей кровью...

Мой танк несясь первым. Перед мостом поворот. Танк развернулся на полном ходу, и с брони сорвалось двое моих десантников. У меня лопнул ремень, но я удержался, вцепившись в скобу руками. За мостом на высотке, оказалось, стояла батарея, как и предполагал Петров. Они сумели изготовиться, и перед нашим танком взметнулся вихрь земли, потом — сзади. Но третий выстрел нас не догнал — танк наш проскочил мост и влетел в зону мертвого пространства.

На этот снаряд нарвался второй танк, на котором был комбат. Он стоял в открытом башенном люке, обозревая поле битвы. Снаряд ударил в броню, осколками капитану перебило горло и ключицу, его выкинуло прочь из танка. Он летел с моста и, разбив тонкую ледовую крошку полыньи, ушел под воду. Но ему удалось кое-как добраться до опоры и уцепиться пальцами за щель. Так он провисел часа два в ледяной воде, пока шел бой.

Наш танк проскочил мост и за ним другие. Мы обошли высоту. Раздавили батарею. Вернулись в село. И помогли пехоте справиться с засевшими в домах гитлеровцами. Несколько домов было танками разворочено по бревнышку. Когда затихла схватка и стали подбирать многочисленных убитых и раненых, хватились комбата. Танкист сказал, что он, наверное, был сбит на мосту, когда на броне разорвался осколками снаряд. Особого вреда танку он не принес, но капитан стоял в открытом люке, и потом его не стало.

Бросились на мост и обнаружили комбата по шею в воде, державшегося за опору. Подобраться к нему никак нельзя было. Кинули веревку, но он на нее даже головы не повел. Если б он опустил одну руку, чтобы схватить конец веревки — ушел бы под воду, а скорее всего он и не мог этого сделать: руки заоченели.

Приволокли лестницу. Один солдат, ползком добравшись до комбата, с трудом отцепил его и доставил на берег. Тут же на носилках — в машину и в госпиталь... Наши части уже подходили к деревне. По пути машину с комбатом встретил генерал Москаленко.

— Кто это?

— Комбат штурмового батальона.

— Что с ним?

— Ранен.

Генерал наклонился над раненым.

— Я хоть и погиб, но ваш приказ выполнен — мост через реку Дунаец взят!..

Москаленко подозвал ординарца и что-то ему сказал. В госпитале комбату в горло вставили два каких-то круга и резиновую трубку. Через восемь дней он умер. И на следующий день пришел указ Верховного Совета о присвоении ему звания Героя Советского Союза. Я написал теплое письмо родным его и жене, учительнице, работавшей на одном из сибирских заводов токарем.

Наш полк продолжал двигаться на запад. На одном из перекрестков у дороги на большом щите крупными буквами обозначено: «До Берлина 250 километров». И ниже от руки каким-то озорником-солдатом начертано от души: «Х...р с ним, все равно дойдем». Лаконично, даже восклицания не поставлено, но выразительно в высшей степени.

Михаил КОРНИЛОВ

г. Переславль-Залесский

«Я вам опять напомню о войне...»

* * *

Я вам опять напомню о войне...
Я понимаю — вам досадно это.
Ведь вы уже привыкли к тишине
Без громких строк мятежного поэта.

Вы понемногу стали забывать
То время.
Но, сверкнув в ночи зарницей,
К вам вновь вернётся память.
И опять
Возникнут в ней солдат погибших лица.

В тех лицах много света и добра,
Испуг и вера в скорый бой победный,
Решимость их
И робкий крик «Ура!»
Перед атакой первой... и последней.

И их любовь...
Пройдя сквозь рой смертей —
Трагических, но вовсе не напрасных,
В боях на безымянной высоте...
Они с улыбкой гибли за детей.
И даже смерть вдруг делалась прекрасной...

* * *

Я Книгу Памяти открою,
На фотографии взгляну...

Как много их!
Они — герои,
Нас защитившие в войну.

Но героизма нет в их лицах,
Лишь есть уверенность в себе,
Решимость с ворогом сразиться
И победить его в борьбе.

И пусть с тех пор промчались годы,
Для нас останется в веках
Им посвящённая строка:
«От благодарного народа!»...

* * *

Я жил в плену невысказанных снов
Среди озёрных голубых просторов...
И сотни раз ходил я вдоль валов.
Смотря на стены сказочных соборов...

Мне приходилось мчаться на коне,
И от натуги плавилась ладони...
Я даже верил: это не во сне —
И ратники вокруг, и эти кони!..

Я дважды в этой жизни поседел:
Раз — от войны. Второй — когда стал дедом...
Но счастлив тем, что всё ж глотнуть успел
Один глоток немеркнувшей Победы!

СУДЬБА

Молчат вековые камни —
Хранители русских былин.

Молчат переславские парни,
Которые брали Берлин...

Прошли они, горе изведав,
Дорогами русской земли —
И кто-то вернулся с Победой,
Но сотни других — не пришли,

В свой град не вернулись обратно.
Но Родину в битвах спасли...
И славу их подвигов ратных
Хранят для потомков валы.

И древние стены соборов,
И ширь Переславской земли...
Святыни,
Из сути которых
Мы черпаем мысли свои...

Истории нить предо мною —
Сплетенье событий и дат...
Мы дети сражённых войною,
Войну победивших солдат!..

* * *

*Памяти мл. лейтенанта Филиппова Ф. Г.,
отца моего друга Филиппова А. Ф.*

Год сорок пятый... Май...
Войны победный штрих.
А до того: Москва, Варшава, Одер...
И миллионы павших — за живых:
И среди них , и ты, Филиппов Фёдор!..

Приходит мысль: на кой тебе Берлин?
И ни к чему — немецкая чужбина...
Есть у тебя: и Родина, и сын...
Отец и мать... Жена — Екатерина!..

Но, вот — взвился ракет сигнальных столб
И мир померк с атакою бесстрашной
И ты рванул — во вражеский окоп,
И в бой вступил с фашизмом — рукопашный...

История твой подвиг сохранит:
Мир ликовал, который ты не предал
И за который подло был убит
Всего за сутки до святой Победы!..

...Где тысячи поверженных лежат —
Там и его друзья похоронили:
На кладбище.
При въезде в Лангенад...
Одиннадцатый номер на могиле!..

* * *

«Павлику», коню моего детства

Гусей скликал я: «Теги... теги»...
А мимо — бабы на покос
Шли под унылый скрип телеги,
Что конь по хляби жизни вёз.

Годами вёз — через ухабы,
Через колдобины войны.
И вслед коню молились бабы:
«Хоть дотянул бы до весны!..»

А конь трудился не для славы:
Он всё терпел, он всё сносил ...
Я думал , что на свежих травах
Весной он наберётся сил...

А он, преодолевая беды,
Четыре года одолел.
Но всё ж не дожил до Победы
Чуть — чуть...
В апреле окошел...

Коня мы помянули с дедом:
«Жизнь продолжается, внучок».
Средь криков радостных: «Победа!»
Мой затерялся голосок...

Был май...
Но в воздухе морозном
Снежинки падали, звеня.
И в небе высветились звёзды
Венком для нашего коня.

Ё-МОЁ

Внук пристал с вопросом к деду:
— Расскажи мне про жизньё,
Про войну и про Победу...
— Как бы вспомнить, ё-моё!..

Как мы жили?
Выживали...
Сам теперь соображай:
Мужики — те воевали...
Бабы ждали урожай!..

Я прошёл моря и страны...
Знал и радость, и печаль...
На груди — четыре раны,
И за каждую — медаль!..

Было: днями не обедал.
Было сутками не спал...
А Победа?..
За Победу
Я три года воевал!..

Встал и, кепку нахлобучив,
Дед закончит про жизнь:
— Так и жили...
Надо б лучше...
Внук ответит:
— Ё-моё!..

* * *

В день Победы, спозаранку,
По-крестьянски помолюсь
За погибших, чьи останки
До сих пор хоронит Русь!..

А потом мы до погоста
С другом медленно дойдём,
За Победу граммов по ста
Выпьем мы... и вспомним дом.

Выпьем мы за всех мальчишек,
Всех, оставшихся в войне,
За девчонок наших бывших,
Тех, что часто снятся мне.

За погибших... И за вечность...
По чуть-чуть. По пятьдесят...
Бабы нас поймут, конечно,
Встретят молча...
И простят.

* * *

Как громко сердце мамы билось
Ночами —
Слышало село!
Как будто на небо просилось,
Но, видно, время не пришло.

А мама Господа просила —
Устала кланяться спина...
Да, видно, братскую могилу
Надёжно спрятала война...

Судьба над нами изгалялась
Так, что сводила в крике рты...
От папы — слава мне досталась,
От мамы — вера и мечты...

* * *

Под окном моим берёза в инее.
Наглядишься за день — не уснуть.
А над нею небо звёздно-синее:
Синее — аж хочется глотнуть!

Заблудиться впору — время зимнее,
Звёзды начинают карусель...
А под утро на берёзу с инеем
Налетит февральская метель...

Иней облетит, и ветви голые
Потеряют красоту и власть...
Ах, какой была берёза гордою,
До того, как инею опасть...

* * *

Зима едвадохнула в окна,
И призадумалась река,
А снега белые волокна
Струят на землю облака...

Вот-вот мороз
Почти на грани
Давно натянутой струны...
И журавли плывут в тумане,
И доплывут ли... до весны?!

* * *

Горело солнце по утрам...
Огнём атласным.
Горел в деревне Божий храм
На радость красным.

В атаку шли большевики —
Как в море пена,
И чёрным шаркали штыки
По белым стенам.

Кровавым маревом закат
За лес свалился...
И шрамы россыпью наград
Легли на лица.

Не раз, не два я видел сам
Тот шрам у деда.
Он шапкой прикрывал тот шрам
И плакал следом.

... О месте, где стоял тот Храм,
Он мне поведал...

* * *

Я о себе вам честно говорю:
Да, я такой, я не всегда горю,
Да и в горенье — не всегда заметен...
Не заменю ни солнце, ни зарю...
Я просто вам бессмертие дарю
И веру.
Я в ваш мир пришёл за этим...

* * *

Разгулялся ветер по России
Вдоль путей, тропинок и дорог...
Всех встречает,
И, кого осилит,
С хохотом коварно валит с ног.

Он коварно расставляет сети,
Рвёт афиши, треплет провода...
Только жизнь меня,
Запомни, ветер,
Научила ветры побеждать...

* * *

Как живу?
Да сам не знаю...
Просто, плюнув на молву,
До сих пор не умираю
И, как видите, живу...

Альфред Симонов

г. Ярославль

БЕЛЫЙ КВАДРАТ НА ЧЁРНОМ ФОНЕ или ХАОТИЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ МУРАВЬЯ ПО БЕЛОЙ ПЛОСКОСТИ

Роман

Глава I

Ну всё, осилил, дочитал-таки до конца — проговорил Валентин, вставая с дивана и положив на журнальный столик толстый сиреневый том сочинений Пушкина, изданный аж в 1938 году, в том самом году, когда в стране бушевали политические репрессии, а здесь, звонкие строчки:

«Товарищ, верь, взойдет она звезда пленительного счастья!»

— Ого, юбилейное издание, к столетию схватки с Дантесом. Я понимаю, когда книгу издают ко Дню рождения, но чтобы отмечать так день гибели?

— Не лучший денёк! Хотя годик издания был тот ещё, не к ночи будь помянут, — громко произнёс Валентин, вставая с дивана, поскольку классика лучше осваивается лёжа.

— Ишь как тебя разобрало. С чего бы это? — спросила Валентина его сестрёнка, студентка-первокурсница, не отрывая глаз от учебника, открытого ровно посередине.

— С Онегина Евгения. Первый раз в жизни прочёл его до конца.

— Как первый? В школе же проходили, — не поняла сестра, удивлённо взглянув на брата.

— Вот я и прошёл. Мимо. И даже не поздоровался. Такой вот невежливый.

— А сейчас что? Влюбился что ли в какую-нибудь Ольгу?

Твой типаж, я заметила: глазки голубые, волосы кудрявые, — произдевалась сестра над братом.

— Отнюдь, графиня, — чуть грассируя, как это делали когда-то петербургские аристократы, ответил парень. — Жизнь заставила! Карьера! Шеф у меня — фанат Александра Сергеевича. Когда он говорит — у него из трёх слов в предложении одно слово — обычный ненормативный матерок, а затем цитатка из Пушкина. Ему это очень помогает, когда он втюхивает хрущёвку как комфортное жильё. В общем, велел осваивать живой язык риэлтора. Хотя, по правде говоря, дела у него идут так себе. Пушкин всё же рукописи продавал, а не жильё. Хорошо хоть зарплату пока платит, — грустно закончил свое объяснение парень.

Сестра уже давно перестала слушать брата, а тот вышел на кухню, открыл холодильник и долго вглядывался в его ледяную пустоту, но увидел там только лёгкий иней на морозилке и одну жалкую скрюченную сосиску, лежавшую уже давно, но её не выбрасывали. Нельзя же, чтобы в холодильнике ничего не лежало. Говорят, он от этого портится. Ну так, по крайней мере, в далёком детстве Валентину и его сестре объяснял такую бережливость их отец, когда приносил домой пакет с разной вкуснятиной — вроде копчёной колбасы и тех же сосисок, которые не часто гостили на их столе, но всё же иногда появлялись в те розовые годы застоя, как потом назвали то время. В животе у Валентина что-то недовольно буркнуло и он, придав интонации некую властность, старший брат всё-таки решительно произнёс:

— Ну-ка давай сгоняй в магазин. И уже с более доброй интонацией добавил слегка подправленную цитатку из только что прочитанного романа:

Пока задумчивый бредет

Не позвонил ему обед.

— Кстати, не знаешь, что такое бредет?

Он-то сначала предположил, что брегет — это что-то вроде слуги, но умная сестра объяснила ему, что это марка часов. До сих пор существует — проявила она запредельные знания.

— Да, сестра интеллектуюал! Как мне повезло.

— А дома есть нечего! Шаром покати, — вернулся он к прозе. — Лентяйка! Хозяйка будущая! Останешься старой девой!

— Сам иди! — осадила брата девушка. — Целый день на диване провалялся. Ты уже сзади выглядишь плоским, как подоконник. Учти, девушки этого не любят!

— Ишь ты, что углядела! Это говорит о моей усидчивости, — лениво закончил свои призывы Валентин, поскольку понял: что бы он сейчас не произнёс, идти придётся ему. Характер у сестрёнки был... Впрочем, подходящих слов он в данной ситуации подобрать не смог.

— Да не переживай, сейчас мама придёт — молочка принесёт, попьёшь козлик! — не унималась сестрёнка.

— Ну всё, закончили разминку, — оборвал паутинку шутивого разговора Валентин, вышел на кухню, чтобы сварить себе кофе.

— И всё-таки, что ты за классика-то взялся? Угадала я про девушку? — крикнула ему сестра, которую разбирало любопытство.

— Сказал же, шеф заставил. А спорить с ним себе дороже. А девицы, — он подумал немного и наконец выдал, — со сколькими я встречался — сейчас посчитаю — ну, около восьми их у меня было, и хоть бы одна хотя бы раз заикнулась о стихах. Или о Пушкине. Вы, женщины, только кажется романтичными, а на самом деле — всё считаете. В каждой из Вас живёт бухгалтер: приход-расход — и все дела! И всё равно, что там на дворе — социализм или капитализм, лишь бы устроиться хорошо.

— Да, сразу видно, что ты, братец, оголодал. На тебе орешков, поклюй — и тяжёлые думы покинут тебя, — сестра

принесла брату маленький пакетик с фисташками. И язвительно добавила. — Кстати, а тебе по-моему тоже всё равно, что там за окном, какое там тысячелетие на дворе.

— Валентин решил всё же закончить этот дурацкий диалог, но про себя думал: «Бросили нас, как котят в воду. Вчера социализм, сегодня капитализм. Люди вроде те же, а повадки-то всё больше напоминают волчьи. Вон уже займы друзья дают друг другу под проценты. К этому тоже привыкнуть надо, а не хочется. Теперь надо либо зубы показывать, либо стать хитрым, как библейский змей. Другого выхода нет, кроме как барахтаться, чтобы не утонуть».

Валентин вышел в коридор, где обои носили отметины, обозначавшие его рост, начиная лет этак с трёх и до восемнадцати. Он иногда любил их рассматривать, и сейчас задержал свой взгляд на этих чёрточках с подписями под ними: Валентину — 3 года, пошёл в садик, 7 лет — пошёл в школу, 10 лет — вступил в пионеры, 15 лет — вступил в комсомол, 17 лет поступил в институт. Далее летопись высотой в метр восемьдесят прерывалась. Детство кончилось. Сколько лет и событий вместили эти отрезки от одной чёрточки до другой... В основном счастливых. Юность!

— Ладно, всё, идти надо. Не сидеть же всем голодными. Мать ещё придёт не скоро, да и по магазинам ей ходить некогда. Сейчас надо быть настоящим следопытом, чтобы найти что-то съедобное. Революция, однако... Так, деньги, кажется ещё остались. Надо посмотреть.

Он вытащил из бокового кармана пиджака кожаный бумажник, который подарил ему отец на восемнадцатилетие с неразменной красной десяткой. Так она там и осталась.

— Эх, жаль, батька уехал. У него мы бы не сидели с пустым холодильником. Он вытащил старую десятку, повертел её в руках и положил обратно. Пусть лежит.

Отец у Валентина после выхода в отставку стал

заниматься тем, что ездил в ГДР освобождать из немецкого плена экспортные варианты «Лады», которые пока охотно покупали на Родине граждане, прожившие жизнь в условиях постоянного дефицита. Но эта лафа кажется уже заканчивалась. На рынок стали прорываться подержанные иномарки и народ сразу ломанулся покупать именно их. Кто же может отказаться от такого кайфа — проехаться по раздолбанным, давно не ведавшим ласковых поглаживаний дорожных катков, дорогам среди «Волг», «Москвичей» и «Жигулей» на каком-нибудь потасканном «Бентли» под восторженные взгляды собратьев-автомобилистов и просто прохожих, торопливо идущих от магазина к магазину в надежду на удачу: где-то может есть бараночки, где-то маргарин и турецкий чай, а где-то и нечто из мяса, называемое для простоты докторской колбасой. Кого и когда она вылечила, эта колбаса?

Валентин пересчитал деньги в бумажнике и скорбно поджал губы: не густо, но на еду хватит. Если только цены вдруг не поднялись, с этой шоковой терапией. Наших бы нынешних правителей полечить с помощью этой терапии, может быть протрезвели бы. Но они ходят по другим улицам. Там всё дешёво и качественно.

Раньше Валентин не слишком заботился о деньгах, на карманные расходы хватало и ладно. Но сейчас — другое дело. Он, следуя завету вождя «Шаг вперёд, два назад» начинал самостоятельную жизнь, даже подумывал снять однушку, чтобы уж совсем обрести независимость, да всё как-то тянул, стоило ему представить себе хлопоты по уборке, стирке, заботы о еде — нет, к этому он пока не был готов. И делал два шага назад. Да и с работой после вуза возникли проблемы. Тогда-то и проявилась опять родительская забота. После долгих звонков разным людям отец пристроил его наконец-то к своему бывшему сослуживцу, занимавшемуся продажей и обменом квартир. Бизнес, как известно, жёсткий, а подчас и с криминальным привкусом. Его

первый шеф, бывший офицер-афганец обладал кучей знакомых и хорошей хваткой, но ему, как заметил Валентин, недоставало главного качества для этого занятия — бессовестности, умения врать, фантазировать, изворачиваться, умения убедить клиента в том, что тот продаёт глинобитную хижину, а покупает дворец Амина. Ему, кстати, пришлось участвовать в его штурме во время Афганской компании.

А тут — знаток Пушкина, человек, прочитавший даже записные книжки Чехова, цитировавший целые страницы из Гоголя на спор и без единой ошибки — какое тут риэлторство? «Прогорит быстро» — понял для себя Валентин. Любовь к литературе и к деньгам в его сознании не сопрягались. Но он решил пока не искать себе ничего нового и хоть на чём-то набить руку в эпоху восходящего капитализма, выброшенного когда-то на помойку истории нашим не всегда устойчивым в убеждениях народом и там снова пустившим корни. Он, как сорняк, был живуч и неистребим: и тяпали его и дёргали, и асфальтом заливали, и идеологические заклинания использовали — всё равно пробился. Архитектурное образование Валентина оказалось невостребованным, а здесь, в риэлторской конторе он получал хоть какой-то опыт работы да и деньги ему платили неплохие. В стране намечалось великое переселение — одних, удачливых и богатых — в особняки, других, а таких было большинство, — в развалюхи, поскольку платить за нормальные двушки и трёшки, полученные когда-то от государства, становилось неважноту. Так что поле деятельности только увеличивалось. Перспективы замаячили хорошие, в «зелёных» тонах.

Пока Валентин топтался в прихожей, раздумывая — надеть куртку или пойти в свитере, в прихожей зазвонил телефон и он, зная, что сестра-лентяйка ни за что не подойдёт к аппарату первая, вернулся в гостиную и взял трубку.

— На проводе, — недовольным тоном произнёс он.

— Валька, видел по телику? Жуть! Доигрались! По Белому дому пуляли из танков! — услышал он взволнованную скороговорку своего лучшего друга Юрия. Там всё горит!

— Где, в Штатах что ли? Ну, наконец-то.

— Какие Штаты! Даже не в Чили. Это там не привыкать. В Москве. Грохнули по парламенту как в занюханной банановой республике. Вариант штурма Зимнего образца 1917 года. Только в семнадцатом-то пальнули холостыми, а здесь по-настоящему. Там целый этаж в огне, дым чёрный из окон валит.

— У тебя что с голосом, — прервал друга Валентин. — Тараторишь, как футбольный комментатор. Успокойся, как-то должно всё это было прорваться. Не переживай, перебесятся и те, и другие. Тянется эта бодяга больше года, договариваться не хотят, вот и грохнуло.

— У меня отец в Москве, два дня назад уехал поддержать советскую власть. Боюсь, он там в Белом доме и обороняется, если жив остался.

— Да, скверно, — Валентин немного растерялся, не зная, как успокоить друга. Оказаться там, где стреляют по тебе, да ещё из орудий — тут лотерея, как повезёт. Не для возрастных повстанцев, а Юркиному отцу к шестидесяти годам.

— И мать с ума сходит. Уж как уговаривала его никуда не ездить, всё равно укатил. И я то об этом случайно узнал, от знакомого. Думал он просто в командировку.

— Ладно, не истери, не война всё же. Пугнули я думаю. Там же с обеих сторон приятели да собутыльники, может всё обойдётся!

— Непохоже. Отец туда ездил 11 сентября, на совещание в Парламентском центре, куда съехались представители Советов со всей страны. Приехал довольный, говорил, сначала думал их всех арестуют, но потом что-то там случилось, договорились кажется, Ельцин с Хасбулатовым. Отец рассказывал, на входе в Парламентский центр было несколько колец оцепления, а когда

выходили — ни милиции, ни КГБ не видать было. Ну все и успокоились. А эти выгадали время и вдарили. — Голос у Юрки срывался и слегка дрожал, он, историк по образованию, понимал, что эти события могут развязать в стране гражданскую войну, где судов нет, а есть трибуналы и где пленных не будет.

— Ладно, не бойсь, надо ждать. От нас ничего не зависит. Все революции в столицах происходят, сам говорил.

— Прождали уже, всё прождали. Может заедешь к нам, если не боишься?

— Чего мне бояться. Не говори ерунду.

— Репрессии могут начаться против защитников Белого дома. Помнишь из истории, как было в Чили. Ворвались сторонники Пиночета во дворец Ла-Монеда и перестреляли всех. Остальных на стадион.

— Ну, полно, мы всё-таки европейская страна. Уладиться, я уверен. Сейчас зайду куплю что-нибудь на ужин и заеду, не дрейфь.

Валентин положил трубку на место и, крикнув сестрёнке, что пошёл к приятелю, поспешил на улицу, чтобы увидеть возможные признаки каких-то событий, происходящих в 200 километрах от родного города в огромной столице Великого государства, где, как ему казалось, была концентрация самых умных и талантливых людей, государственных мужей, умеющих решать самые тяжёлые и запутанные вопросы. А тут. До стрельбы довели. Умники! Неужели всё так плохо? В 1991-ом только побряцали оружием, а сейчас, значит, всё не понарошку.

Сестра, конечно, слышала весь разговор брата с приятелем, но даже не шелохнулась. Ей казалось, что всё это её совсем не касается, что самое главное — получить высшее образование, хорошую работу и удачно выйти замуж. А политика дело взрослых, пусть сами разбираются. Она встала из-за стола, заваленного книгами, конспектами и всякой девичьей чепухой, заварила себе крепкий кофе, намоллов его в стариной ручной

мельнице и продолжила читать монографию по «Слову о полку Игореве» — суровой военной поэтической прозе, главная мысль которой была в том, что наши князья никогда не умели ладить друг с другом.

Глава II

Когда Валентин вышел на улицу он не заметил никаких признаков того, что в стране происходят трагические события, грозившие перевернуть жизнь людей и необязательно в лучшую сторону. Старик Окуджава спел как-то в одной из своих песен, что «пряников в жизни всегда не хватает на всех». Как обычно, многим и не достанется, как бы не развернулась эта грузная, с непредсказуемыми выходками в самое неподходящее время тётка-история, которая даже не считает нужным как-то объяснить свои выкрутасы. Есть кому и без неё. Десятки учёных людей, — плешивых и волосатых, в очках и без них, молодых и стариков, — по прошествии лет расскажут про неё всё, либо восхваляя её ум, дальновидность и желание добра, либо с удовольствием вколачивал в неё гвозди острых суждений.

Ни танков, ни БэТээРов, ни даже усиленных нарядов милиции или военных патрулей он нигде не заметил. Некоторые люди даже улыбались, а какой-то парень, спасаясь от мелкого дождика-сеянца с девушкой под балконом старинного дома, даже рассказывал ей старую и вечную сказку, в которую и сам верил. Ну а содержание этой сказки знает каждый, у кого хоть раз перехватывало дыхание при виде предмета своей любви. И всё же и в природе и в человеческой жизни что-то происходило, едва уловимое, почти незаметное, понятное только знатокам. Навстречу Валентину попалась пожилая женщина, укутанная в плащ-болонью, которые вышли из моды лет тридцать назад, держа в одной руке старую авоську, набитую пачками соли и сахара, а в другой пакет с голливудской красавицей, из которого выглядывало несколько батонов.

У здания местного совета тоже было тихо и спокойно, как всегда, зато на перекрёстке он заметил чёрную «Волгу» с двумя нулями на номере, что означало её принадлежность местному начальству. Судя по положению, машина по привычке проскочила на красный свет. Около «Волги» стоял высокий, по современному одетый мужчина лет сорока, а рядом простоватого вида сержант-гаишник, видно, недавно перебравшийся из какого-нибудь посёлка в город и уже почувствовавший силу «волшебной» палочки в полоску. Валентин услышал обрывок их разговора.

— Отпусти, парень, нам некогда. На совещание спешу. Я председатель совета народных депутатов.

— Советской власти больше нет. Всё, дядя! Платите штраф, — не скрывая своего хамского торжества произнёс сержант, чья обязанность на этом перекрёстке раньше заключалась в отдаче чести проезжавшим начальственным машинам.

Чем закончился диалог этих двух людей, Валентин не услышал, но слова милиционера резанули его слух. Все двадцать два года его жизни прошли с сознанием того, что эта власть незыблема, чтобы не случилось. А здесь что? Нагловатый сержант будто произнёс приговор. И впервые за сегодняшний день Валентину стало не по себе, он как будто сразу продрог на холодном октябрьском дожде и, чтобы согреться, торопливо зашёл в маленький продуктовый магазин, где было тепло и малоллюдно. Да и понятно: купить там было почти что нечего. Раздосадованный Валентин, покинул магазин, сунув в карман куртки пару банок скумбрии в масле, которую он жутко ненавидел с первого курса, когда выезжал со стройотрядом возводить коровник.

Заработали они там неплохо, но не только деньги, а и гастрит, ну не все, конечно, а только особенно нежные. В сельмаге они съели залежи этой самой скумбрии, поскольку если

там что-то и появлялось, то не надолго и в малых количествах. Потом, правда, директор сжалился над ними и выделил им годовалую тёлку на съедение, но лишить её жизни предложил им самим. Все приуныли, а девушки сказали, что они это есть не будут, даже если им придётся умереть с голоду. Поиски палача длились целый день, пока Валентин, как человек догадливый, не достал из своего рюкзака запрятанную на случай простуды бутылку «Столичной» и не подкупил ею тракториста, молодого весёлого парня, отслужившего в армии, и не где-нибудь а в десантуре. Он-то и совершил это жертвоприношение. Прямо при них. Валентин хотел было уйти, да постеснялся прослыть слабонервным. И после этой экзекуции понял, что карьера забойщика скота ему точно не светит.

Телёнка они съели. Вместе с девушками. И только одна, нежная и голубоглазая Настенька (правильно сестра указала его типаж), упорно ела за обедом вместо чудного жаркого скумбрию в масле из слегка заржавевшей банки. Правда к вечеру и она сломалась, когда тракторист приготовил им настоящий шашлык, запах которого убивал мгновенно все моральные принципы. Валентин, взяв горсть шашлыка, подошёл к девушке, сидевшей в сторонке и покормил её, как птичку, прямо с ладошки. После этого случая что-то у них связалось, а потом развязалось на несколько лет. Учились-то они в разных вузах и в разных городах. А недавно случайно увиделись. Вот Валентина и потянуло на «Евгения Онегина». Тем более и предлог был подходящий — требование шефа.

Они не виделись с тех прекрасных пор, когда отпраздновав завершение строительства «коровьего дворца», как они называли то, что соорудили из брёвен, досок, гвоздей и шифера, на другой день разъехались по домам и их прогулки под наблюдением мрачноватой луны, обнимашки с поцелуями, которые и были пределом того, что они себе позволяли, остались в прошлом. Они тогда были юны, легкомысленны и твёрдо

уверены в том, что жизнь, как Дед мороз, будет дарить им только подарки. Да, с тех пор они и не встречались, хотя некоторое время позванивали друг другу, правда, всё реже и реже. Да и темы разговоров как-то быстро исчерпались. Валентин не то чтобы забыл о светловолосой ясноглазой и немного пугливой девчонке, родившейся по ошибке не в девятнадцатом веке, а в конце двадцатого, но... вскоре он познакомился с юной пианисткой Наташей, с которой ему пришлось регулярно ходить на концерты классической музыки, потом появилась Марион, студентка из Франции, изучавшая в России русский язык, потом... Ну, это долгая история.

А Настю он встретил случайно и ни где-нибудь, а в своём офисе. Она была не одна, а вместе с каким-то громилой, небрежно одетым парнем со спортивной стрижкой. Они сразу узнали друг друга, но душевной беседы у них не получилось. С ними работал сам шеф, подбирая подходящий вариант для них. Как понял Валентин, парочка хотела приобрести квартиру в Петербурге через их контору. У шефа с бывшим Ленинградом были налажены хорошие контакты и он охотно взялся за эту работу.

Валентин и Настя поздоровались, поулыбались и разошлись. Настя задала ему только один вопрос: «Ты что, здесь работаешь?» У него тоже вертелся на языке свой вопрос — кто этот верзила рядом с тобой, но он воздержался. Обговорив все варианты и заключив договор, его бывшая девушка, превратившаяся в клиентку, ушла. Валентин взглянул одним глазком в договор — фамилия у неё была прежняя. Значит не замужем. И ему почему-то стало весело, как будто что-то свалилось с души. Примерно так чувствует себя человек, внёсший последний взнос за ипотеку.

Валентин оторвался, наконец-то, от того винегрета, который был в его голове, поскольку он подходил к дому своего приятеля.

Юркин дом, где тот жил с родителями, находился в самом безопасном месте города — напротив огромного, мрачного, отягощенного дорическими колоннами здания, в котором располагались сразу два силовых ведомства — бывшее КГБ, которое начали регулярно переименовывать, и МВД.

В тот самый год, когда был издан прочитанный Валентином томик Пушкина, зэки, которые хотели выйти на свободу с чистой совестью, воздвигли это здание, покрасив его в подобающий ему серый цвет — цвет безысходности и безнадёги, чтобы сразу избавить людей от иллюзии по поводу его назначения. Народ сразу же и окрестил его «серым домом». Это привилось и не изменилось, даже тогда, когда в годы перестройки его перекрасили в радостные цвета, которые тем не менее смотрелись как варианты серого. Однажды его покрасили в солнечный цвет, но даже это не подвигло население назвать его «солнечным домом» или на худой конец «жёлтым домом». Он так и остался серым. Но ходить мимо него стало все же не так тягостно.

Валентин у которого вид здания не вызывал отрицательных эмоций — несколько приятелей отца там служили и были у них частыми гостями, пристально вглядывался в окна здания, но не увидел никаких признаков суеты и тревоги. Около самого здания смирно в ряд стояло несколько оперативных машин, никто не запрыгивал в них на ходу, снимая пистолеты с предохранителей. Людей в форме вообще не было видно, кроме одного лейтенанта в помятом кителе, который стоял на ступеньках возле главного подъезда и курил сигарету. В самом здании, как было известно Валентину от приятелей отца, курить запрещалось. Это спокойствие никак не вязалось с паникой и истерией, царившей на экранах, и немного успокоило Валентина, исповедовавшего философию тех, кто всегда считает, что бутылка наполовину полная, не наполовину пустая.

Он знал из истории своего государства, что все

революции начинаются у нас в столице, а провинция спокойно и без сопротивления подчиняется самоновейшим предписаниям, идущим из Питера или Москвы. Но выполнять их не спешили и на руководящих бумагах мудрые местные чиновники накладывали аккуратные резолюции, вроде: «Ознакомился», «Пр. ознакомить руководство» или уж совсем смелая: «Пр. переговорить!» О чём? Да мало ли о чём. Если спросят суровые люди из победившей стороны всегда можно объяснить, что поговорить хотели о погоде. Такая резолюция вроде спасательного круга. Многих она спасала в переломные годы. И многих ещё выручит. У нас очень не любят тех, кто не умеет угадывать. И что этим недогадливым делать потом.

— Может Юрка что-то не так понял, — предположил Валентин, входя в подъезд, где пахло чистотой, а стены не несли на себе никакой информации ни в виде слов, ни в виде рисунков. Дом был ведомственный и чужие здесь не ходили.

Юрка открыл ему дверь не сразу — заглянул в глазок и убедившись, что это свой человек, впустил. Но при этом он не выглядел человеком, нуждающимся в утешениях и сопереживании. Он широко улыбался, демонстрируя, что к дантисту попадёт еще не скоро.

— Отец только что звонил, — затараторил он. — Домой едет на электричке. Его задерживали, но потом отпустили после проверки документов. Но все данные записали. Заваруха, говорит, страшная. Снайперы работают, есть погибшие и раненые. Многих похватили и увезли куда-то. Главное он, невредим, — закончил Юрка свой взволнованный монолог.

Потом, понизив голос до конспиративного шепота, произнёс: «Я думаю, ему дома ночевать нельзя. Может к Вам его отправить на несколько дней, пока всё успокоится?»

— Да какие вопросы! Конечно, спрячем! — растерянно ответил Валентин; он никак не мог воспринимать всё это серьёзно.

Всё происходящее он продолжал воспринимать как какую-то опасную игру-недоразумение, связанную с амбициями двух лидеров, которые не хотели договариваться и в чём-то уступить друг другу, забыв заповедь, что политика — это искусство возможного. В эти месяцы войны двух ветвей власти ему казалось, что всё это временный разлад и что завтра или послезавтра протрезвевшие лидеры скажут: всё, хватит, восстанавливаем Союз и строим новое государство свободных и счастливых людей.

Поиграли в самостийность и довольно!

Но сегодняшний Юркин монолог и случайная реплика сержанта милиции настраивали совсем на другой лад: в их жизнь врывается, как холодный воздух в распахнувшуюся форточку что-то страшное и уже неостановимое. И ему впервые стало по настоящему жутковато!

Юрка, заметив состояние приятеля, вдруг предложил: «Давай-ка выпьем, у меня хороший коньяк, батькин, настоящий армянский, ещё с советских времён. Запах как поэма. Отец запас, когда возможность была. Напиток полковников и генералов.»

— Наливай, — сразу согласился гость. — А то действительно что-то не по себе.

— Да, не дай Бог все пойдёт по чилийскому сценарию, я ведь научную работу писал по перевороту в Чили. Дворец Ламонеда, президент Альенде с автоматом. Танков он не испугался, держался до упора.

— Его ведь застрелили, кажется...

— Да, убили за стакан молока.

— Как это?

— Он в этой тогда нищей стране ввёл закон, по которому каждый ребёнок должен был ежедневно получать стакан молока. Кто-то этого не мог пережить.

— Ладно, давай коньяком займёмся. Чили далеко и там все давно успокоились.

— Давай за мир во всём мире.

— И за высокие надои! Вся страна об этом мечтала, — засмеялся Юрка и медленно, как знаток, стал тянуть червонное золото настоящего армянского коньяка.

Валентин в этом напитке ничего не понимал, поэтому сразу опрокинул рюмку, как это и было принято на студенческих вечеринках.

— Ну, не в коня корм, — констатировал Юрка, увидев такое варварское отношение к благородному напитку.

— Сестрёнка, дайка нам что-нибудь закусить! — Крикнул Юрка. У него тоже была сестрёнка.

— Идите на кухню, сейчас всё приготовлю, — показалась в дверях девушка модельного роста, приветливо улыбаясь парням.

Она была студенткой-второкурсницей факультета журналистики. Да ни какого-нибудь скороспелого провинциального университета, а Петербургского, где учились когда-то лучшие умы России.

Девушка, её все звали Женя или Женька, стояла перед друзьями в одном домашнем халатике, открывавшего её бело-розовые коленки. Ну брат не в счёт, а вот Валентин волею-неволей остановил свой взгляд на этой детали, затем взгляд его пошёл вниз и он увидел, что девушка была босой.

— Женя, когда у тебя День рожденья? Я подарю тебе тапки, — великодушно предложил он.

— Не нужны мне твои тапки, а босой ходить полезно, вся отрицательная энергия уходит в пол!

— Ну не хочешь тапки, я сплету тебе экологически-чистые лапти. Я умею. Меня дед Андрей научил, сосед по даче. Он их на продажу плетёт. И покупают.

— Да ну тебя, — просто отреагировала девушка и ушла на

кухню, довольная тем впечатлением, которое она произвела на Валентина, с которым была знакома с раннего детства. И что греха таить — он ей немного нравился. Правда раньше.

— Ну и денёк, одни Евгении и все из Петербурга. Правда, фамилии разные. Утренний Евгений — Онегин, а дневная — Евгения Бельская. Какая у тебя всё же пышная фамилия. — сказал Валентин, тоже войдя в кухню.

Девушка удивлённо посмотрела на Валентина, потом подошла к нему, взяла его за плечи и заглянула в его глаза. Сделать это было нетрудно, поскольку роста они были одинакового. Женька даже, пожалуй, была на пол пальца выше. Прodelав всё это она тихо прошептала:

— Валька, ты читал Пушкина? Невероятно. Ты же его терпеть не мог, я же помню!

— Я Карнеги на днях прочитал. Это английский шпион, написавший книгу: «Как приобретать друзей?» Недавно её у нас издали, раньше, говорят, секретная была. Ну вот как следствие — читал Онегина. Надо с шефом как-то сойтись, а то, чувствую, выгонит он меня с работы раньше времени.

— Ну, я-то думала... — Она открыла холодильник и вытащила оттуда целую палку колбасы, которую быстро порезала на кружочки и выстроила из них небольшой макет, крепостной башенки.

— Ну, питайтесь, — сказала она и вышла из кухни, оставив после себя кроме колбасного архитектурного шедевра ещё и лёгкий запах французских духов, которые всегда водились в их доме, даже в годы господства «Красной Москвы».

Валька хотел разлить коньяк по чайным чашкам, но Юрий не зря носил такую звучную фамилию и принёс специальные бокалы.

— Женька может выпьет с нами? Давно уже совершеннолетняя, в университетской общаге, наверное, уже напробовалась.

— Нет, мы ей там комнату снимаем у дальней родственницы. Так что нравы общаги её не касаются, надеюсь. Так, Евгения? — громко спросил девушку брат.

— Поздно ты меня воспитывать начал. Без тебя воспиталась, сама. Я не переношу эту гадость, Как вы её только пьёте?

— Молодец, умница, — оценил девушку гость. После коньяка они с Юрием чуть покраснелись и слегка повеселели и события, развернувшиеся не так далеко от них уже не казались такими грозными и опасными. На этом обитаемом островке мира и благополучия им было хорошо и спокойно и не хотелось ни думать не говорить о чём-то тревожном, что могло ворваться в их жизнь и разрушить её.

— Женька, когда назад в Питер? — поинтересовался Валентин, дожевывая свой бутерброд и встав из-за стола.

— Завтра, отпустили всего на три дня. У нас строго. Да я и сама пропускать занятия не люблю. Мне интересно.

— А что сорвалась вдруг домой? Вроде у Вас ничего такого не случилось, к счастью.

— Коля на побывку приехал из армии. Загребли его в прошлом году, как не бегал от военкоматчиков, а всё равно попался. В институт провалился, сдал на тройки да четвёрки — ну и не прошёл по конкурсу. Ты ведь тоже не служил. Тебя, наверное, тоже ловят! — показала девушка своё маленькое жало, которое у них всегда наготове.

— Зря стараешься, у меня плоскостопие. Меня заберут, только если война начнётся, — серьёзно ответил Валентин, стараясь не показать, что этот разговор ему неприятен.

— Хитрый ты, Валька. С детства был хитрым, — засмеялась девушка. Выкрутился. Сколько стоит твоё плоскостопие, а?

— Причём здесь это! Подал Бог на бедность — отмазку от Красной армии, — пробормотал Валентин. — Не я ж себя

освободил, а комиссия. Я ведь даже не знал, что у меня это дело. Я бы бегать не стал, как некоторые.

— Вот и надейся на Вас, защитники, — опять уколола его девушка, явно пытаясь задеть за живое.

— Женька, убери жало и не надувай капюшон. — пресёк агрессию брат.

Валентин благодарно взглянул на друга, поскольку такой поворот разговор был ему неприятен. И не то, чтобы он стыдился чего-то, нет, времена сейчас не те, но всё же неловкость некоторую испытывал. Видно глубоко сидел в нём отголосок тех времён, когда девушки не выходили замуж за ребят, которых не взяли в армию. Не взяли значит — больной, а в таком случае какой из тебя муж! Но это было давно, очень давно, как писали в старинных сказках, даже старики не помнят.

Агрессия Женьки немного и обидела, и удивила Валентина. Девушка, сколько он её помнил всегда была тихоней. Слова лишнего не скажет — но Питер, кажется, начал менять её, тем более, что она готовилась стать журналистом — и как же тут без острого язычка.

— Ну ладно, потренировалась на мне, госпожа студентка, брат твой и ты в моих утешениях не нуждаетесь. Я у Вас поел и выпил — так что пойду. Дома такая же особа меня ждёт, только голодная, надеется, когда брат вернётся и покормит её. Юрка, приводи к нам отца, без проблем!

— Спасибо, мне действительно было не по себе, да и Женька задёргалась. Видишь сам, нервничает девчонка.

— Ладно, проехали. Кстати, когда у тебя собеседование?

— Через неделю. Хотя из-за этих событий в Москве всё может затянуться. Тем более — организация новая, только создаётся. У нас же её никогда не существовало даже во времена царизма. Тогда все налоги и так платили. Вот название мне не нравится — полиция. Термин в нашей стране скомпрометированный. Полицаями звать будут, вот увидишь.

— Ну, полно, привыкну Войдёт в обиход, никто и замечать не будет .

— А вообще там ещё ни коня, ни воза. Ну надо куда-то приткнуться. У нас в роду все государству служили. Да и в армию оттуда не заберут. Лучше уж здесь посижу, дома.

— Ладно не фантазируй. Давай, жду Вас вечером, устроим в лучшем виде нового подпольщика. Ну, пока без пароля обойдётся.

Валентин уже сунул одну руку в рукав своей куртки, как в дверь позвонили.

— Ну вот, демократическое ЧК, — неловко пошутил Юрка, чуть побледнев.

— Это ко мне, — крикнула Женька и побежала к двери, на ходу поправляя причёску и стараясь не потерять тапку с ноги. Этого гостя ей не хотелось принимать босой.

Глава III

Парни вышли в коридор вслед за девушкой, которая открыла дверь и в прихожую вошёл высокий, светловолосый парень в военной форме, замазанной свежей грязью на коленках и бушлате.

Привет, привет, ты что-то задержался! Где это так изгваздался? — затараторила Женька и, чуть покосившись на Валентина, чмокнула в щёчку своего солдата.

— Ну и королевство у нас, — привет Женя, — возбуждённо проговорил солдат, снимая бушлат.

— Прямо около Вашего дома попал в перестрелку, представляете? Рядом с МВД и КГБ. Чудеса, исчез страх Божий, исчез точно! Хорошо в армии кое-чему научили, бросился на землю, не разбирая, прямо в лужу. Но хоть не задело, вроде бы.

Он подошёл к зеркалу и начал себя рассматривать — нет, крови вроде не видно.

— Расскажи, как всё было-то, — спросил Юрка, взглянув

на сестру, которая стояла рядом с солдатом бледная и испуганная.

— Да как в дрянном фильме. Я иду, на светофоре притормозили две иномарки и из одной через окно начали палить из пистолета. А куда — я не понял. Секунды три — и все разъехались, никого вроде, не задело. Наглецы, там на светофоре сержант стоит с палкой, так тот даже не сумел среагировать. Пока свой пистолет доставал — всех уже след простыл. Там бабка какая-то в обморок упала от всего этого, так я скорую вызывал. Милиция почти сразу появилась, здесь же рядом. Меня опросили, адрес воинской части записали, сказали — вызовут, если понадобится.

— А ты когда в часть уезжаешь? — озабоченно спросил Юрка, опять взглянув на сестру, которая, ни слова не говоря, взяла солдатский бушлат и пошла в ванную отмывать его от грязи. Её, бедную, прямо трясло всю после всего услышанного.

— Через три часа мой поезд, сегодня, — ответил солдат, снимая ботинки и высматривая какие-нибудь тапки.

— Вот и хорошо, — искренне обрадовался Юрка. Это решает многие проблемы и сразу. Пойдём, я дам тебе свои джинсы, походи пока в них, а сестра обиходит твою амуницию. После этого дуй на вокзал и мотай отсюда как можно скорее, а то можешь попасть в такие жернова, что не обрадуешься. Милиция сама разберётся с этими бандюками.

— Ну что, уходя, уходи, говорил Козьма Прутков. Я пойду, — проговорил Валентин, до сих пор молчавший, — Звони, Юрка, вечером жду.

— А совет, правильный, — обратился он к Николаю. Времечко наступает — то ещё. Женька, привет, — крикнул он и вышел вон.

На улице, около светофора, где произошла перестрелка, он ожидал увидеть кучу милиционеров и зевак, но нет, всё было тихо, только один лейтенант с усталым лицом разговаривал со

старушкой, делая пометки в своём блокноте. Происшествие было настолько обыденным, что никого особенно и не взволновало. Главное, трупов не было, а постреляли так, для устрашения.

В это время вода, пройдя через сито небесное, обрушилась на город холодным и частым осенним дождём и смыла людей с улиц. Да и к лучшему, а то — здесь бандиты стреляют, в Москве из танков палят по Верховному Совету. В общем, ни за что можно получить свинцовую plombу на лоб. Природа, а скорее всего Бог, милосерднее людей.

— Да, знание «Евгения Онегина» может и не пригодится, — с усмешкой пробормотал Валентин. — Женька-то стала совсем невеста, — похорошела, симпатичная. А подростком была, как гадкий утёнок, — долговязая, тонконогая, жаловалась брату, что мальчишки с ней не дружат. Плакала даже. А сейчас, вон какого бойца зафрахтовала.

Она так взволновала Валентина, что он даже почувствовал нечто вроде ревности, поскольку всегда считал, что Женька к нему равнодушна с детства. А здесь — и приехала специально, подгадала под его отпуск, и видно ждёт его из армии. А он всё маленькой её считал, угловатым неловким подростком. А утёнок давно стал лебедем. Сейчас распушит крылья — и улетит.

Глава IV

Проводив приятеля Юрка взглянув на часы. Через полчаса приходит поезд, на котором возвращается его отец, слава Богу, целый и невредимый. Теперь только бы здесь все обошлось. С отца уже хватит таких выступлений: в 1991 году во время ГК ЧП из-за того, что высказался среди сослуживцев в его поддержку, со службы уволили, хорошо хоть пенсии не лишили. Ну, тогда этим всё и обошлось, а сейчас... Если уж начали танки применять, до чего они ещё могут дойти. Надо, пожалуй, встретить отца да отвезти его на несколько дней на дачу, что

осталось в наследство от тёти Лиды. Это вернее, чем к Валентину.

О ней никто не знает, это обычная домушка в дачном посёлке, построенном ещё в 1960-х годах, маленькая, тесная, но с печкой. Там всё есть, что надо. А потом видно будет. Уж больно призывы-то сволочные: «раздавите гадину». И что они лютуют? Актёры, режиссёры знаменитые. Сколько злобы. Это о власти, которая их учила, лечила, давала звания народных, деньги на их спектакли и книги. Правильно говорят, что до революции лицедеев даже нельзя было хоронить в пределах церковной ограды. Только за ней. Ну да ладно. Можно бы и на свою дачу, там покомфортней, да её все знакомые знают, многие там бывали на шашлычках. Поедут искать туда, если что!

Отец любил там проводить свой отпуск, порыбачить да с мольбертом побродить по окрестностям. В юности он мечтал стать художником. Впрочем, в юности редко кто не художник и не поэт, только с возрастом у большинства людей это проходит, как веснушки, а у избранных это остаётся и они создают либо «Девушку с персиками», либо «Евгений Онегин», а другие «Посещение (Сталиным, Хрущёвым или Брежневым)» колхоза «Путь Ильича» или поэму о трудовых буднях комбайнёров. Так было раньше. Сейчас, конечно, всё иначе. Он уже готовился к поступлению в художественное училище, показал свои работы профессиональному художнику, с которым познакомился на выставке его картин, побывал у него в мастерской, заставленной не проданными работами и бутылками, по которым можно было изучать географию нашей великой родины, послушал речи дышавшего перегаром мэтра и решил для себя — пусть я лучше останусь любителем. Мне этот мир не удивить.

— Зато он удивил своего отца, который сыну не перечил, но всё же желал ему другую судьбу: офицера, например. Хотя у него самого карьера военного не сложилась. В 1960-х он попал под сокращение армии на 1 миллион 200 тысяч, которое затеял

Хрущёв, тогдашний генеральный (или первый) секретарь ЦК КПСС. Кто уже это помнит...

В общем, отец Юрия окончил технический ВУЗ, много занимался общественными делами и вскоре стал комсомольским лидером. Впереди был светлый путь в лидеры партийные, — этот социальный лифт работал исправно, но в тот период шло обновление органов КГБ и ему предложили перейти туда на службу. Приглашение было сделано в такой форме, что отказаться он не мог. Да и не хотел. Путь этот оказался длиной в жизнь, но он об этом не жалел. Да и что толку жалеть? Жизнь не театр, не сыграешь на другой день в другой пьесе и в другой роли. Банально, конечно, но так и есть. Но мольберт он не выкинул, а оставил до тех времён, когда у него появиться время. Жизнь, как хрустальная вещица, переливается на солнце разными разноцветными искорками, манит, обещает праздник, но изначально это хрупкий подарок Бога — одно неловкое движение и на полу лежат бесполезные осколки, которые тоже сверкают радостно на свету, но кого это радует? Их подметут и выкинут. Может быть жизнь Юриного отца и превратилась бы в блестящие осколки, среди тускло светящихся полковничьих звёзд, отменённых орденов, и ещё всякой всячины, сопровождающей его жизнь. Но этого не произошло.

У него появилось время и он опять, как в юности, взялся за мольберт и пристрастился к охоте за красивыми пейзажами, которые потом и пытался перенести на холст. И ему стало всё равно, кто и что об этом думает, хотя, как человек разумный, он понимал, что все его картины чистой воды любительщина. Он щедро раздаривал их своим товарищам и некоторые даже рискнули их повесить на стенках в своих квартирах. Хотя он, профессионал-контрразведчик, подозревал, что их вывешивали в те дни, когда ожидали его в гости. Впрочем, мольберт вскоре был отложен в сторону и огромная воронка политических событий, образовавшаяся на огромном пространстве страны

втянула его внутрь и вскоре он неожиданно для себя выиграл выборы, стал депутатом, а потом и возглавил один из советов. А тут — новый Октябрь. А народ как обычно, забыли спросить, хочет ли он этого, нового Октября! Так уж сложилось со времён «Слова о полку Игореве».

Юрий вытащил сигаретку, прикурив от зажигалки, на боках которой был изображён звездно-полосатый флаг, и задумался о том, что ему делать с влюблённой парочкой: оставить их в квартире одних он не то чтобы боялся, но опасался. Женька, по его мнению, совсем ещё дурочка, не дай Бог случись что — залетит и всю жизнь себе испортит. Юрка наслушался и начитался таких историй, поскольку в районной администрации он работал в отделе писем и обращений граждан.

А туда эти короткие романы, написанные матерями-одиночками в страничку или две поступали регулярно. И всегда кончались одинаково: помогите получить жилплощадь, устройте на работу, дайте пособие, поскольку ребёнка нечем кормить. Раньше власть как-то с этим справлялась, а сейчас ей было не до того. Впору удержаться.

Хотя Женьке такая участь и не могла грозить — но брат решил, что бережёного бог бережёт. Вслух он бы никогда не сказал, что любит сестру, переживает за неё, что он не хотел отпускать её учиться в Питер — город тревожный, который сотрясали последнее время криминальные разборки, это было не в его характере, но он всегда охранял её, как хорошая собака, готовая облаять и укусить любого, кто приблизится к ней. Её нынешнего ухажера он знал с детства, Женька подружилась с ним ещё в школе, они даже уроки делали вместе, вместе готовились к выпускным экзаменами, поступали в один университет, но Кольке не повезло.

Докурив сигаретку, Юрка крикнул: Женька, Коля, идите сюда!

Женька и солдат, видно, только что оторвались друг от

друга, но, покорно прервав своё приятное занятие, вернулись в гостиную.

— Коля, сейчас я тебя завезу домой, возьмёшь всё, что нужно и на вокзал вместе со мной — и все, чтобы след твой простыл, понял.

— Юра, мне собираться две минуты, у меня всё на вокзале, в камере хранения, дома я уже попрощался. Там знают, что я к Жене поехал, — улыбнулся солдат, не сводя глаз с девушки, которая удивлённо смотрела то на брата, то на своего парня, не понимал, почему такая спешка.

— Вот и хорошо, предусмотрительный ты парень, как в воду глядел и что-то там увидел. Сейчас быстро вниз, в машину и вперёд. Мне ведь всё равно туда, хочу отца встретить с электрички.

— Всё понятно, командир. Женька, ты меня проводишь, — спросил солдат свою возлюбленную. Девушка, невольно взглянув на брата, молча пошла в свою комнату, чтобы переодеться и вскоре вся троица покинула свой островок безопасности и вышла в холодный осенний и опасный мир, где чаще всего берутся во внимание сила и деньги, а не любовь и порядочность. А когда было иначе? Может когда-нибудь и было! Или будет? Лет через сто. Такой срок отводил на переустройство России Чехов. Как в воду глядел — через 100 лет в 1990-х всё переустраивалось.

— Юрию, перед тем, как сесть в машину, пришлось немного задержаться, поскольку девушка и солдат замешкались в подъезде и не трудно было вычислить причину этой задержки. Когда они все же появились, немного смущённые и слегка порозовевшие, у Женьки прямо две розы распустились на юных щёчках и брат опять почувствовал нечто вроде ревности и не без некоторого злорадства подумал: «А сеструха-то чуть выше парня. Не пара они, мужчина должен быть выше... А в общем-то с глаз долой из сердца вон. Разъедутся и все дела.»

Они ещё долго рассаживались в их старой зелёной «копейке», поскольку у девушки дверью защемило плащ, потом машина, бывшая когда-то гордостью их семьи, сразу не завелась, видно, обиделась поскольку её давно не мыли, а любая машина не любит быть грязной. В конце-концов она всё же прокашлялась и запела свою монотонную песню и они не спеша поехали на вокзал, давая себя обогнать всем, кому было невтерпёж. А таких было большинство.

На вокзале Женька попрощалась со своим солдатом на редкость целомудренно, просто чмокнув его в щёчку — и всё. Воспитание у неё было, как шутил Николай, как у «смольной барышни». Ну, это он немного преувеличивал, рассчитывая, что Женька именно так и будет себя вести, пока он несёт службу за колючкой в ракетной части где-то недалеко от границ когда-то «братской» Польши, откуда опять полетели в нашу сторону проклятия, угрозы и требования извинений и покаяний. Полякам приказали забыть и огромные потери Советской армии при освобождении этой страны и территории, которые пожаловал им Сталин, дав выход к морю. Поэтому ракеты там были совсем не лишними.

Когда поезд тронулся, Юрка, всё время ревниво следивший за сестрой, заметил, что Женька вздохнула как будто с облегчением и если и взгрустнула, то всего на несколько минут. Девичья головка как танцпол — мысли там позволяют себе танцы мало похожие на те, что можно увидеть на школьных вечерах, на которых Женька почти всегда танцевала только с Николаем. Но потом судьба-разлучница показала ему рукой — тебе парень под Калининград, а тебе девушка в бывший Ленинград. Как в старой комсомольской песне: «Дан приказ — ему на запад, ей в другую сторону».

Сегодняшний поспешный отъезд, обозначивший то, в какое суетливое время мы живём, как тёплый ветерок расколол льдинку, на которой они стояли и трещина стала уже почти

непреодолимой. Да и неожиданный приход Валентина, превратившегося из студента-кавээнщика в статного молодого мужчину, уже не острившего по любому поводу, тоже внёс какой-то диссонанс в мелодию любви, которую едва можно было слышать среди шума бывшей столицы Российской империи, разжалованной за свои провинности в областной центр, снисходительно называемый московскими снобами культурной столицей.

Верх лицемерия.

Отца им пришлось ждать ещё целый час, поскольку электричка московская, по которой раньше можно было часы сверять, в этот раз опаздывала, причём её прибытие объявляли несколько раз, а она всё не прибывала. Это усиливало и без того нервную обстановку, которая чувствовалась на вокзале по напряжённым лицам сотрудников милиции и группам людей, кучковавшихся, чтобы обсудить последние известия из Москвы.

Юрий с сестрой не найдя места, чтобы присесть, прогуливались взад-вперёд, чтобы скрасить утомительное ожидание и волей-неволей слышали разговоры, которые вели взвинченные ожиданием люди.

Небритый мужчина в старомодной шляпе и плаще с погончиками объяснял своим слушателям, что такой бардак на железной дороге теперь надолго из-за протестов людей. Сославшись на начальника вокзала, с которым он якобы только что разговаривал мужчина заявил, что поезд задерживается из-за того, что под Ростовом люди перекрыли «железку», а милиция ничего с этим поделать не может.

Это никого не удивило, поскольку тогда такие перекрытия происходили часто и по любому поводу — люди понемногу втягивались в протестные действия, вызванные задержками в выплате заработной платы и пенсий, массовыми обманами финансовых пирамид, действиями чиновников, не умеющих или не считавших нужным объяснить свои действия. В

зависимости от ситуации перекрывавшим либо сочувствовали, либо честили на чём свет стоит и не рушится. В данной ситуации о сочувствии протестующим и речи быть не могло, поскольку людям приходилось торчать на вокзале и терять даром время.

— Мы-то чем виноваты, разогнать что ли их нельзя? — к этому сводились мнения уставших от ожидания электрички людей.

Наконец опять раздалось хриплое объявление, что поезд прибывает к первому пути и все сразу успокоились, пошли встречать своих близких, тревожно вглядываясь в приближающуюся тупорылую электричку.

Когда отец выбрался из вагона, Юрий едва узнал его, так он изменился за два тревожных дня — впалые небритые щёки с седой щетиной, тревожный взгляд, помятые брюки и оторванный клочок от куртки, наспех пришитый крупными стёжками, да ещё белыми нитками по чёрной ткани. Таким своего отца парень никогда не видел: тот всегда выглядел подтянутым и одетым с иголки. А здесь... Всё говорило о том, что человек побывал в нешуточной переделке. Чуть прихрамывая, отец вместе с детьми направился к своей машине, знавший и более спокойные и счастливые времена.

Они быстро переговорили, разместились и «копейка» на большой скорости рванула в сторону выезда из города.

— Ты куда это? — не понял глава семейства.

Забыл где дом?

— Я хочу тебя отвезти на тёткину дачу, спрятаться там на несколько дней. Вдруг здесь проявят рвение и устроят «охоту на ведьм». А там тебя не найдут. Пусть всё уляжется.

— Что ты несёшь, парень. Я, полковник КГБ, Буду прятаться от этих крыс? Не дождутся! Не так воспитан.

Он немного помолчал, а затем задумчиво сказал:

— Да ничего и не будет. Они сами до смерти испугались того, что натворили. Я старый контрразведчик, вижу... Всех, кого

повязали в Белом доме, кажется выпустили. Или выпустят... Да и руководят ими американцы, чувствую их руку. Наши амёбы вряд ли бы на это пошли без их ведома, струсил бы. Как и те, в 1991-ом, начали и бросили, страшно стало, да и характера не хватило.

— Ладно, отец, успокойся. Выбрался целым и невредимым — и хорошо. Сейчас домой, горячая ванна, обед, рюмочка коньяка.

— Я чувствую от тебя пахнет, ты что же это за руль сел под мухой. Я тебя этому не учил. Нехорошо, не приучайся.

— Да я немножко, стресс снять. Мы все тут извелись из-за тебя, особенно мать. Ты там где хоть был то?

— В Белый дом меня не пропустили через оцепление. Я и ещё несколько бывших военных с солдатами да милицией разговаривали, убеждали их не стрелять в людей, пытались усовестить. Ну тут нас и прихватили. Обыскали, нет ли оружия. Документы проверили, чуть не увезли куда-то, да у них автобус уже был битком набит. Нас двоих отпустили — меня и полковника милиции отставного. Да... Ну, давай домой, всё будет нормально. Но советской власти, кажется, конец. Профукали, как и СССР, — с горечью и дрожью в голосе сказал отец, и начал искать сигареты, но так и не нашёл их.

— Успокойся, отец, — опять проговорил сын, протягивая ему нетронутую пачку сигарет.

— Ты что же, закурил?

— Нет, так, держу на всякий случай, — отговорился сын.

— Ну, сейчас как раз этот случай, ответил отец, взяв сигарету и с наслаждением закурил.

— Пап, открой окно, я этот дым не переносу, — подала голос дочь, до этого сидевшая тихо, как мышка в норке. — И вообще вспомни свой возраст, за шестьдесят уже, тебе революции вредны для здоровья, как и курение.

— Да, точно, отец. Твои поля битвы уже распаханы и засеяны. И не тобой! Так что настройся на спокойную жизнь, —

сказал сын, подруливая к подъезду.

— Пап, а ты там не дрался?

Вон куртка-то порвана, — спросила дочь, выходя вслед за отцом из машины. Таким своего отца она тоже никогда не видела.

— Нет, — усмехнулся отец, — это я пытался вырваться, когда мне руку заломил сопляк какой-то, да не получилось. А тут их командир подошёл, посмотрел мой документ пенсионерский и приказал отпустить. Хороший парень.

А на другой день на всех телеканалах начался пир победителей!

— А что же Запад? — спросит наивный человек, свято верящий, что именно там находятся и всех судят самые справедливые арбитры, которые только и думают, как бы сделать очередное добро России.

Они промолчали! Они сделали вид, что ничего особенного не произошло, а стрелять из танковых орудий по парламенту — дело столь же обычное, как дождь да туман в Лондоне и обжигающее солнце в Калифорнии. Дело сделано! Забудьте! Цветная революция, о которой всё время твердили западные кремленологи — совершилось. Они так хорошо Ленина изучали. С пользой для себя.

А о Юркином отце так никто и не вспомнил. Зато он никогда не забывал того, что видел и пережил в те дни в столице.

Глава V

Валентин приехал на работу чуть раньше, желая показать шефу своё рвение. Знание некоторых заранее выученных строчек из Пушкина он уже продемонстрировал, за что удостоился скупой улыбки и дружеского похлопывания по плечу.

Да только зря старался. Пал Палыч — так его все звали, даже не обернулся на скрип открывавшейся двери. Он сидел за своим рабочим столом и тупо смотрел в одну точку, как будто

пытаясь разглядеть что-то.

Наверное так несколько миллиардов лет назад из подобной же точки, взорвавшейся под пристальным взглядом Творца, и родилась наша Вселенная, конечной фразой развития которой и стал этот стол с сидевшим за ним немолодым риэлтором Павлом Смирновым. Но под его взглядом точка осталась точкой. Здесь был другой случай, не космический, а земной, вернее, приземлённый.

Валентин поздоровался, и чтобы не мешать самосозерцанию своего патрона, прошёл на своё место и приготовился начать хоть что-то делать и даже включил компьютер... да всё напрасно. Состояние шефа, созерцающего Великую пустоту, передалось и ему каким-то неведомым воздушным путём.

Так они молча просидели несколько минут, не обратив внимание, что нудный октябрьский дождик прошёл и дружелюбное солнце протянуло им свой луч, как добрую руку, чтобы вытащить их из осенней депрессии.

Валентин первый отреагировал на это дружеское участие светила небесного и с трудом выдавил из себя: «Что случилось, как Пал Палыч?»

Ему очень не хотелось плохих новостей, и так последнее время их было с избытком.

Было ясно, что произошла какая-то дрянь, да не простая, а особенная. Шеф, человек вполне стрессоустойчивый, по пустякам не расстраивался. Тем более, что на любой случай жизни у него была приготовлена спасительная цитата из Пушкина, которая могла и убедить, и объяснить, и успокоить, и выход подсказать. Гений русской литературы несмотря на короткую жизнь, успел высказаться почти по любой теме. На то он и гений.

— Бандиты, что ли наехали на него? — пришла ему в голову вполне уместная в те времена мысль. Дело в таком случае

дрянь. Хотя до сих пор он как-то выкручивался.

Шеф внезапно потрянул головой, как будто вытрясая оттуда какие-то свои сомнения и произнёс:

— Все, Валька, кончилась наша работа! Я уезжаю. А здесь, в этой крысиной норе, пусть всё катится сам знаешь куда.

И он завернул такой изысканный матерок, что ему бы позавидовал сам Эрих Мария Ремарк — автор «бродячего кладбища бюфштексов». От этого шедевра устного неформатного народного творчества, казалось, зарделись бы даже белые щёчки сахарницы, стоявшей на его столе.

— А как же я? — вырвался у Вальки почти подростковый вопрос. По настоящему взрослые люди уже об этом не спрашивают. Что толку. Кто им ответит? Разве что соврут!

— С тобой я всё решил. Но как ты решишь — сам думай. Пал Палыч встал со стула и переместил своё грузное от пристрастия к хорошей еде тело в огромное кожаное кресло, в котором, по его мнению, можно было жить.

— А что, всё-таки, произошло, шеф? Нынешние события никак не повлияют на рынок жилья. Людям надо где-то жить, улучшать условия, разъезжаться — куда это всё денется. Даже стрельба в Москве этого не отменит.

— Ещё как отменит! Мой дружок из ОБЭП, который закрывал меня от бандитов, вчера был уволен. Нечистый его дёрнул оказаться в Белом доме. Как раз во время обстрела. Их потом всех и повязали. Он специально отпуск брал, думал не узнает никто. Куда там. «Телегу» прислали в Управление. Ну и всё. Слава Богу, самого хоть отпустили тогда. А без него меня так обложат — на трусы не хватит, ещё должен останусь. Я и криминал — две вещи несовместимые, как «гений и злодейство». В общем, поеду в родную Беларусь. Это же моя Родина, там поспокойнее, батька зажал всех, найду чем заняться. Бульбу начну выращивать. Или морковь, — задумчиво произнёс он, даже не улыбнувшись и забыв вернуть крепкое словцо.

Пал Палыч зачем-то снял с пальца свой золотой перстень с крупным чёрным камнем, который он привёз из Афганистана, и долго вертел его, а когда решил вернуть его на место, перстень, почувствовав свободу, никак не хотел налезать на палец.

Валентин с интересом следил, чем всё это кончится, а ветеран Афгана, поднапрягся и поставил на место изделие моджахедов, купленное в лавке в Кабуле. Самих моджахедов поставить на место он в своё время не успел — наши войска вывели.

— Как, кстати, батяня твой, привёз очередной самокат из бывшей рабоче-крестьянской Германии?

— Пять дней дома отдыхает. Заказ выполнил, деньги получил. Собирается подержанные иномарки перегонять. Уже договорился, вроде. Говорит, можно хорошо заработать. Выгодно, в общем!

— Выгодно — невыгодно. Какая всё чушь! Мы с ним два офицера, оба через Афган прошли, все в медалях, а чем занимаемся? Стыдобища. Торгашами стали. Сказал бы мне кто несколько лет назад такое — я бы ему приборную доску попортил. А сейчас — вроде как в порядке вещей. А Виктор — молодец, — заметил Пал Палыч после паузы. — Не побоялся, в самое пекло залез. После того, как Белый дом взяли — разные отморозки могли и стрелкнуть. Хотя он парень опытный, в Афгане участвовал в штурме дворца Амина, тогдашнего правителя. Я помню, когда ехали на операцию в БэТээРе, вдруг какие-то камушки застучали по днищу и по бокам. Думали, дорога гравийная. А бывалый солдат нам говорит: всё, ребята, нас обстреливают. Да, камушки. Теперь у нас эти камушки. Говорят в Москве погибшие есть. Не хочется верить в этакое...

— По телеку вроде ничего похожего. Все вроде спокойно из здания вышли, — вставил словечко Валентин.

— Да и не покажут, «демократы» — гуманисты, мать их.

Пал Палыч подошёл к шкафу, где на видном месте стояло

полное собрание сочинений В. И. Ленина, оставшееся от прежних хозяев. Здесь было какое-то государственное учреждение, упразднённое за бесполезность. Тома темно-синего цвета, добротные изданные и смотревшиеся очень солидно, поэтому новый владелец их и сохранил. Пусть стоят, есть не просят.

За свою жизнь на политзанятиях Пал Палычу приходилось много раз конспектировать работы вождя, потом отвечать на каверзные работы политрука; у того был любимый вопрос: расскажите главную мысль работы «Материализм и эмпириокритицизм». Последнее слово из этого названия редко кто произносил без запинки. Курсанты что-то отвечали и тут же забывали. Чтобы хорошо и грамотно воевать, им эта работа была без особой надобности.

Но однажды, в этом же кабинете, Пал Палыч взял из шкафа наугад томик Ленина с работой «Развитие капитализма в России». И зачитался, поскольку там точно было описано нынешнее состояние России, да и ближайшее будущее.

Когда он поделился своим впечатлением от этой работы с доцентом из университета, решившим продать доставшуюся по наследству квартиру, тот серьёзно сказал: «Это добротная вещь. По нынешним меркам на докторскую тянет.» Пал Палыч не удивился такой оценке, хотя и звучала она несвоевременно. Ленин из объекта поклонения превратился в объект критики. Здесь, как говорится, патронов не жалели, да что толку. Всё или почти всё отлетало от вождя, как «камушки» от того БэТээРа.

В этот раз Пал Палыч достал из шкафа из-за томов Ленина бутылку виски, из холодильника вынул кусочек льда и приготовился совместить шотландскую благодать и русскую замершую воду в одном стакане, но не успел. Открылась дверь и в офис вошёл невысокий плотный мужчина, одетый в «джеймсбондовый» плащ с погончиками. Воротник плаща был поднят, а старомодная шляпа надвинута на лоб. В общем,

персонаж из фильмов 1970-х годов только с бородой, усами и лицом, на которое надо долго смотреть, чтобы его запомнить.

— Пьешь в рабочее время, Семёнов! — громыхнул он командным голосом.

На губу захотел!

— Володя, — обрадовался вошедшему Пал Палыч. — Какими судьбами? Ты ведь вроде в Питере?

Хозяин пока произносил эту фразу, автоматически достал второй стакан, тут же наполнил его и только после этого подошёл к пришедшему. Они выпили до дна, затем обнялись, подчёркивая этим принадлежность к закрытой от посторонних корпорации людей, прошедших Афганистан.

Закусили они одной единственной печениной, лежавшей на тарелке уже дня три, аккуратно разломив её на две равные части.

— Ну, проходи, садись. Во время ты появился, очень кстати.

Затем обернувшись к Валентину, сказал:

— Иди, погуляй, нам с корешком поговорить нужно. А в отношении себя — не дёргайся, работу я тебе нашёл, по крайней мере, на полгода. А там как пойдёт. В общем — сегодня свободен, а завтра всё решим, — Пал Палыч хлопнул парня по плечу и бесцеремонно выпроводил его из офиса. — Иди повтори первую главу Евгения Онегина: «Мой дядя самых честных правил» — в общем, давай. Всё в жизни пригодиться, и Пушкин, и вон Ленин.

— Эх, дядя Паша, вот если бы набитый долларами бумажник — вот это бы в жизни пригодилось.

— А цены на Пушкина и Ленина упали на Нью-Йоркской бирже.

— Ладно, потом пофилософствуешь «наследник всех своих родных». Иди уж...

Свободное время, неожиданно свалившегося на Валентина, его не обрадовало, поскольку могло означать

неприятную вещь — он оказался без работы. В то, что Пал Палыч что-то ему подыскал, плохо верилось. С работой сейчас везде тяжело, а уж архитекторам и подавно. Производства сворачиваются, поскольку их продукция никому не нужна; инженеры, учителя и врачи поневоле становятся челноками и тащат в Россию огромные сумки со шмотками из Польши, Турции и других стран, насыщая рынок барахлом и обеспечивая хоть какое-то равновесие в этой жизни себе и другим.

Валентин стоял около офиса, не зная как убить время. Когда человеку говорят, что он может идти на все четыре стороны это чаще всего означает не то, что он свободен, а то, что идти-то ему некуда. Можно, конечно, домой...

— Юрке, что ли звякнуть, как у него дела? Может, присоветует что. А может и мне по его стопам — в налоговую полицию? Ну уж нет, лучше мешки таскать на овощной базе. Не моё. Хотя мешки — тоже из чужой биографии.

Юрка долго не подходил к телефону, но потом всё же трубку взял.

— Да всё о кей, оформляюсь!

— Что же не приезжал с отцом? Мы ждали!

— Да он меня просто осмеял с идеей конспиративной квартиры.

— Из администрации ты увольняешься?

— Да, на моё место уже девицу сосватали, хорошенькая, я с ней сегодня в театр иду.

— Шустрый ты мужичок. Жаль. Я хотел на твоё место попроситься.

— Что так? Здесь ни денег, ни перспектив!

— Кажется работу потерял.

Валентин подробно поведал другу о своём утреннем собеседовании с шефом.

— Вот и читай классику. Не помогло, стало быть. Ну не

горюй, образуется. Не в Америке живём.

— То-то и оно, — грустно ответил Валентин. — Там хоть пособие платят, а у нас только собираются. А у Пал Палыча что-то серьёзное. Похоже, бандюки на него наехали, я так думаю. «Крыша» у него исчезла — ну и всё.

— Так он же, вроде, афганец?

— Ну что, афганец. Это там он кем-то командовал, а здесь один на один с проблемой. На защиту милиции рассчитывать не приходится. Себя, вон, порой защитить не могут. Слышал, вчера вьетнамец пырнул ножом сержанта? За паршивую бутылку водки.

— Слышал, жаль парня. А ты что думаешь дальше делать?

— Ну, Пал Палыч мне вообще-то сказал, что подыскал мне что-то на полгода. В общем: «Ты спрашивала шёпотом, а что потом, а что потом», — ввернул он любимую цитату своего отца, который её использовал во время критических ситуации. — Завтра ясно будет. Шеф не сказал ничего определённого в отношении меня. Куда вывезет! Да и что ему заботиться. Они с отцом были когда-то приятелями, но это дело давнее. Сейчас только по телефону общаются.

— Слушай, а может по моему следу пойдёшь. Дорожку я протоптал, вместе учились, вместе послужим Отечеству нашему теперь уже окончательно свободному.

— Нет, исключено. Под погоны я не пойду.

Они меня к земле пригнут, а мне летать охота. Помнишь мультик?

— Ну, смотри, налоговая полиция в России — это теперь навсегда. Пока структура новая — карьеру можно сделать неплохую.

— Делай, делай, кто же против. Да, ты говорил, с девушкой познакомился. Как хоть зовут-то её, скажи. Имя — это судьба, как говорят знакомые аксакалы из Курган-Тюбе.

— Имя, простенькое Наташа. Ну, а сама — увидишь как-

нибудь...

— Как Женька? — как бы между делом поинтересовался Валентин, хотя вот это ему было по настоящему интересно.

— Всё ладушки. Вы как сговорились с ней. Вчера она звонила, о тебе спрашивала. Впечатление произвёл. Но учти, я тебя своим родственником не вижу. Только сослуживцем. Ну пока. Наташа сейчас должна звонить. Начну конфетный период.

— Да у тебя на хорошие конфеты ещё и денег-то нет. Заходите лучше ко мне. Отец видак привёз из Германии. Есть кассеты новые. И бутылочка мозельского, она точно такого не пробовала. Пусть подругу пригласит, а то у меня простой.

— А Настя, ты же виделся, вроде? Неужто так отпустил? На тебя не похоже. Такая любовь у вас была.

— Э, между нами всё порвато, все тропинки затоптаны. Кажется, она занята. Да и в Питере живёт теперь. Ну, решайся.

— Подумаю. Ну пока, я перезвоню.

— Пока, — разочарованно ответил Валентин, понимая, что приятелю сейчас не до него. Он вышел из телефонной будки, этого обшарпанного инвалида, от которого несло мочой за несколько метров, поскольку сооружение было именно двойного назначения — служило ещё и туалетом для людей с пониженным уровнем культуры и слабым мочевым пузырём.

Валентин уже притерпелся к тому, что после лета, когда закончились празднества по поводу окончания вуза и решился вопрос с работой, у него почти не оставалось свободного времени.

Работа из разряда «купи-продай» требовала постоянного движения и забирала всё время, поскольку именно ему приходилось водить клиентов по квартирам, предназначенным для реализации, либо осматривать и оценивать то, что люди хотели продать. Многие клиенты не могли оторваться от работы днём, поэтому все вечера у него были заняты. Да и сами смотрины были настолько нудной процедурой, что он приходил

с работы порядком вымотанный и шутливо говорил, что превращается в человека без желаний. Дома, конечно, было хорошо, — чистота, порядок, приготовленный матерью ужин сразу же появлялся на столе, когда он приходил домой и все же мысль о том, что как ни оттягивай, а надо будет что-то решать с женитьбой часто портила ему настроение. Девушки у него, конечно, были, но менялись довольно часто. Его избаловали вниманием в родном вузе, где на факультете преобладали студентки, а не студенты. Но сейчас он с удивлением обнаружил, что выбор у него резко сузился, а весёлые перезвоны и встречи, чтобы не потерять форму, с прежними возлюбленными, становились всё реже и реже.

От этих мыслей его отвлёк резкий крик в мегафон: «Все на митинг. Защитим свои права. Нет произволу!»

Он оглянулся. Мимо него нестройной колонной шло около сотни пожилых людей с красными знаменами, которые энергично шагали по направлению главной площади города, где ранее располагался обком партии, который уже два года скрывал в своих кабинетах представителей новой администрации. Лица у людей выражали решимость и ненависть, казалось, прозвучи какой-нибудь призыв что-то разгромить — разгромили бы... Но всё обошлось. Прохожие с любопытством и некоторой опаской смотрели на демонстрацию, но присоединяться не спешили, только изредка комментировали происходящее в том смысле, что после драки кулаками не машут, никакого толку всё равно не будет и что Ельцин всё равно всех задавит. Правда можно было услышать и другие реплики, дескать, коммуняк давно пора разогнать и пересажать. Несколько усталых милиционеров, сопровождавших колонну, напряжённо поглядывали по сторонам, готовясь пресечь любые провокации, но пока людская река не выходила из берегов и людской поток не смывал всё на своём пути.

Валентину всё равно было нечем заняться и он, ради

любопытства, решил сам стать частью исторического процесса и пошёл вслед за демонстрацией, стараясь держаться несколько в стороне, поскольку пока ещё не понимал на чьей он стороне. Скорее всего ни на чьей. Он был в данный момент из того молчаливого большинства, которое издали следит за схваткой, а потом примкнёт к победителю, найдя оправдание и предшествовавшим событиям и текущим. Выхода у них всё равно нет. Жить-то надо, не становиться же эмигрантом.

Вчера к отцу Валентина заходил его давний друг, который служил вместе с ним; в отставку он вышел рано, ещё и сорока пяти не было и неожиданно занялся политикой сначала стал депутатом местного совета, а затем и возглавил его. В своё время оба они подверглись так называемой департизации, поскольку служба под погонами и членство в партии стали невозможны и надо сказать, оба тогда очень переживали, но службу не бросили. После «упразднения» советов Василий Фёдорович продолжил свою политическую деятельность, но без особого успеха. Одно дело заниматься политикой, находясь под надёжным крылом власти, другое дело — быть в оппозиции, когда в любое время у тебя могут возникнуть куча неприятностей. Отец Валентина и его друг долго обсуждали политические новости, а затем ударились в воспоминания.

— Знаешь Николай, — чуть заплетающимся языком говорил приятель, — во время московских событий 3—4 октября я был на рабочем месте. За несколько дней мне не позвонила ни одна собака. Никто не позвонил, чтобы поддержать, ни одного словечка я не услышал. Правда, один звонок всё же был. Единственный. Звонил какой-то начальник из ФСБ, спросил, не собирается ли народ у здания нашего. У него, дескать, сигнал есть. Ну я его успокоил тем, что «народ безмолвствует». Это для власти самое лучшее — заткнулись — ну и хорошо. А скоро новый капитализм начнёт давить народ и к кому этот народ сунется за помощью? Нам, как евреям 2000 лет назад, остаётся ждать своего

мессию. Только дожждёмся ли. Христос уже приходил однажды, а когда придёт второй раз — никто не знает.

Этот мужик из ФСБ под конец разговора сказал: «Вы там не засиживайтесь. Сегодня придут — у вас там всё опечатают.»

— И ты ушёл? Всё бросил? — спросил с некоторым вызовом отец Валентина, уже порядком захмелевший к тому времени.

— Нет уж, я до конца был на месте. Пока официальную бумагу не принесли, что Советов больше не существует. Но резолюцию мы всё же успели принять о том, что всё надо вернуть в правовое поле.

— Резолюциями твоими одно место подтёрли. Что они могли изменить?

— Нет! Потом прокурор мне звонил, грозил разными бедами, да всё обошлось.

Не забуду с какой интонацией он произнёс: «Вам придётся отвечать за антипрезидентскую позицию». Кажется, человек удовольствие получал. Скажи мне откровенно, что — все так ненавидели советскую власть? Или большинство людей были скрытыми антисоветчиками? Не поверю. Спрашивал у нашего общего друга, чекиста. Ну, ты его помнишь. Он ведь занимался политическим сыском, антисоветчики — это его клиенты. И знаешь, что он мне ответил: «Да были такие, но их было немного, ворчали на власть, но в основном из-за продуктов, которые частенько пропадали. Хотя не все. Основные всегда были на прилавках, кроме мяса». Да с этим была проблема, была! Но это не повод власть менять.

— А ты не думаешь, что они просто плохо работали, или смотрели на это сквозь пальцы. Чего и кого ловить в провинции. Я понимаю — Сахаров. Величина, создатель самого разрушительного оружия. Ясно, что его слово — это Слово! Особенно против власти. Но таких в стране было раз два и обчёлся. Ну разве что ещё Солженицын, хотя его значение как

писателя преувеличено теми же диссидентами. Им нужны были и свои герои и свои идеологи. Писатель идеально подходил на эту роль. Ты хоть что-нибудь читал из его книг? Сейчас много всего издано.

— Попробовал на зуб «Красное колесо» и зуб сломался. Читаешь, как мешки носишь. Перемудрил он там, тяжёлый слог, много цитат. Но это же не историческое исследование, это роман.

— Видел, тут один деятель культуры как-то партбилет сжёг под телекамеру. Напугался что ли так? Я не понял. Но было противно.

— Ну, легко осуждать других. Творческие люди, сам понимаешь... Сегодня так, а завтра этак. Что там говорил Васуалий Лоханкин, помнишь? «Может в этом и есть великая сермяжная правда?»

— Да, эти два одессита умели сказать. На все времена!

Валентин вспомнил, что на этом политическая часть их выпивки закончилась. И они перешли к воспоминаниям о «Двенадцати стульях» и «Золотом телёнке», — эти романы они знали почти наизусть и могли цитировать целые страницы. Оба воспитывались в 1960-е годы под песни Окуджавы, стихи Вознесенского, Евтушенко, забойные мелодии Элвиса Пресли, которые проникли в их жизнь через музыкальный самиздат — самодельные пластинки на старых рентгеновских снимках. «Рок-на-костях» — так его называли ценители. Настоящие диски им только снились. Ну, и конечно, переизданные после многих лет перерыва, незабвенные романы Ильфа и Петрова, казавшиеся верхом свободомыслия, застряли в их памяти.

От приятных воспоминаний оба размякли и, учитывая, что хозяйки не было дома, исполнили дуэтом несколько песен из своего всегдашнего репертуара, где самые весёлые слова были только в послании из прошлого века «Однозвучно гремит колокольчик и дорога пылится слегка».

Когда оба охрипли и услышали стук по батарее от соседей, подававшим им сигнал: «хватит вокала», отец заварил кофе, который быстро вернул их к началу их посиделок, то есть они почти протрезвели, поэтому их разговор опять приобрёл серьёзный оттенок.

— Ну так что ты собираешься делать? Может в паре будем работать? Вместе и ехать веселее и безопаснее. Брось ты эту политику, перемажешься в этом дерьме.

— Нет, меня тут усиленно зазывают в разные партии. Подумаю. Кстати, тут предлагали в Штаты слетать, поучиться выборным технологиям. За их счёт. Ну, я староват, да и на подъём тяжёл.

— Слушай, внезапно осенило его, а почему бы твоему парню не слетать. Увидел бы цитадель мирового капитализма. Вот что они умеют делать здорово, так это проводить выборные компании.

— Да, поддержал его отец. И автомобили тоже. Обязательно куплю себе «форда», как подзаработаю.

— А насчёт поездки — это что, серьёзно? Без туфты? Что за благотворительность? Непонятно. Америкосы-благодетели?

— Знаешь, выборные технологии, вернее их значение и умение их применить — верный кусок хлеба с колбасой. Ещё и на макароны хватит. У нас теперь пойдут выборы за выборами. И везде будут богатые люди, которые мечтают попасть во власть. И дело это не дешёвое, уж поверь.

— Верю, верю, каждому зверю, а тебе, ежу верить погожу, — засмеялся отец Валентина.

— Вообще-то надо его спросить. — Он позвал сына, который сидел в соседней комнате и слышал весь разговор — в советских домах секретов друг от друга почти не было:

перегородки тонкие, стенки, как коррумпированные таможенники, пропускали всё, что только можно.

Валентин нехотя вышел, оторвавшись от телевизора, где крутился новый фильм, привезённый отцом из Германии. Он не любил разговаривать с нетрезвыми людьми, даже с отцом.

— Ну, слышал, в Штаты полетишь? — спросил гость. Я могу устроить.

— Сейчас не могу, — ответил Валентин. Работы много, а терять место не хочется. Деньги платят хорошие.

Подумай! Я бы будь помоложе, не упустил бы шанс. Карьеру можно сделать!

— Ладно, подумаю. Но уж больно просто. Раз и полетел.

— Ну, не просто, но у меня есть возможность всё устроить. Подумай, подумай.

— Ладно буду мыслить. Спасибо.

Валентин вернулся тогда в свою комнату и продолжил смотреть «Греческую смоковницу», о которой раньше много слышал, но никогда не видел. Оторваться от этого фильма было нелегко.

О том разговоре он почти забыл и только сейчас ему пришло в голову, что поскольку с работой у него возникла пауза, то он вполне мог бы... Хотя нетрезвый человек может сморозить всё, что хочешь. Мало ли какие глупости говорят люди из добрых побуждений... А мир посмотреть, конечно, хочется. Железный занавес подняли: поезжай куда хочешь, были бы гроши, а лучше злотые, а ещё лучше та самая зелень, которая растёт, к сожалению, на чужих огородах. Недавно его шеф впервые расплатился с ним не рублями, которые обесценились прямо на глазах, а долларами.

Доллар, как полагается наглому американцу, начал теснить рубль уже и на внутреннем рынке. Появилась даже такая невиданная ранее валюта, как у. е., те же доллары, только скрытые, закамуфлированные.

Валентин, получив три сотенные зелёные бумажки, сначала поворчал про себя, поскольку надо было искать

обменный пункт, чтобы получить рубли. В обычных магазинах доллары пока не брали, по крайней мере, опасались брать открыто. В памяти народной надолго засели урок, который преподавал валютчикам Хрущёв, при котором за спекуляцию валютой могли и к стенке поставить. Времена сменились, а страх ещё не выветрился, хотя были открыты, кажется, все возможные форточки, чтобы проветрить страну. Валентин прикинул сколько это будет в рублях и успокоился на неделю. Деньги ещё пока ему не требовались. Но через неделю он с радостью увидел, что количество рублей, которые ему причитались за триста долларов, резко увеличилось, поскольку инфляция была как резвый конь на скачках.

— Валентин, ты ли это? — отвлёк парня от его мыслей чей-то знакомый голос с характерными интонациями. Он оглянулся и увидел стоящего перед ним Бориса Загорского, с которым они когда-то учились в одном классе. Борис после школы поступил в какой-то московский ВУЗ. Иногда они перезванивались и по праздникам встречались старой компанией, но всё реже и реже, пока эти встречи не прекратились вовсе. Поговаривали, что Борис с родителями уехал то ли в Израиль, то ли в Америку, тогда многие рванули из ставшей опасной и непредсказуемой страны в иные земли на поиски кто покоя и тишины, кто успеха и процветания, а кто просто за компанию. Тем более, для того, чтобы попасть в рай, теперь не надо было переплывать Чёрное море на надувной лодке, сидеть в чемодане у дипломата, удирать от своей группы туристов в случае выезда в какую-нибудь самую захудалую капстрану, сбегать из группы артистов, гастролирующих где-нибудь в Париже или в Нью-Йорке. Последний вариант был, пожалуй самый ходовой и элитный, — самый верхний слой творческой интеллигенции охотно им пользовался. Правда, были случаи, крайне редкие, когда досаждавшим диссидентам, предлагали добровольно покинуть страну. Были такие. Часть из

них потом, когда стало можно, вернулась, но редко кому удавалось вернуть себе внимание общества. Их места заняли другие, а они этого не поняли. Вернее поняли, да верить в это не хотелось, а всё валить на КГБ уже не получалось — КГБ перестало существовать.

— Ну, Борис каким ты был, таким остался, — приветствовал одноклассника Валентин. — Что, дымком родным потянуло с Родины и ты решил посмотреть где и что горит? Заодно и погреться?

— Ну, Валька, и язык у тебя. Как ты с людьми уживаешься? Я здесь по делу.

— А ты отколь — из земли обетованной или с Нового света?

— Валька, кто из нас еврей, ты или я? Это моя привилегия изъясняться замысловато. Ну, ладно, закончили КВН, победила дружба. Я из Штатов. Там родители осели. Ну и я пока с ними. Но скоро опять в Израиль. Никак с духом не соберусь.

— А что не так на исторической родине?

— Да всё так, но мы ж советские правоверные евреи. А там, по сути, религиозное государство. Трудно, особенно бывшему кэвээнщику. Там если пошутишь над некоторыми вещами — попадёшь в изоляцию. Говорить с тобой перестанут. Уехали туда, где эта баба с факелом. Помнишь наш преподаватель по военному делу — Пындык, кажется его фамилия, называл статую Свободы памятником поджигателям войны? Круто, а? Я как тебя увидел — еле узнал. У тебя такое «прокисшее» лицо. Всё ли в норме? Поделись с другом.....

— Соскучился по нашим исповедам? Да ладно, ты ж не затем приехал, чтобы о моих проблемах слушать.

— А ты сейчас куда?

— Да хотел посмотреть, как это всё проходит — демонстрация, митинг. Никогда не видел в живую, только по телику.

— Пойдём вместе, а потом по чашке кофе где-нибудь. Приятно, что кафешек стало много, есть где посидеть. Меняется страна заметно, — предложил Борис.

— Ну, пойдём, если тебе интересно.

— Интересно, это как раз часть моей работы здесь.

— Ты что, в шпионы подался? — засмеялся Валентин.

— Ой, даже не шути так! Я пишу большую статью на тему событий в России. Мой журналистский опыт.

Разговаривая, приятели вслед за демонстрацией вскоре оказались на вместительной и очень уютной площади перед зданием администрации. Там уже вовсю шёл митинг так называемых демократов, которые хотели казаться хозяевами положения, но полной уверенности, что они победившая сторона, у них ещё не было, поэтому в рядах участников градус злости, по меркам температуры человеческого тела, зашкаливал за 40 градусов и не по Фаренгейту.

Приятели за полчаса успели послушать оба митинга. Ругань, угрозы...

Милиция создала между митингующими большую полосу, но это не помешало людям слышать друг друга. Лозунги и угрозы сливались в единый зловещий гул и школьным товарищам, вполне миролюбивым, стало не по себе. С одной стороны требовали «раздавить гадину», имея в виду тех, кто стоял неподалёку и призывал всех немедленно идти в «поход на Москву». Ну, что-то вроде похода Минина и Пожарского. Неизвестно, что бы могло произойти, если бы взвинченные своими ораторами люди действительно сошлись в рукопашной. Всё это происходило на двух относительно небольших пятачках, где концентрация ненависти зашкаливала. Но чуть в стороне стояли также небольшие группы «нормальных» людей, настроение которых выразил очень понятно пожилой интеллигент, смотревший на всё происходящее со страдальческим выражением лица и громко сказавший: «Опять

не дадут пожить спокойно. Снова толкают в задницу»... Валентин заметил, что Борис потихоньку записывал на магнитофон то, что им удавалось услышать.

— Эй, Борька, побить могут за это, — тихонько шепнул Валентин американскому гостю.

— Ну, я же здесь как корреспондент, объясню если что.

— С тебя объяснений никто не потребует. Дадут в пачку — и будешь дома писать всякие ужасы о нас.

— Ладно, выключил, всё, ты прав, — согласился Борис, сразу потерявший интерес ко всему происходящему. Да и холодновато становилось, зеваки стали понемногу расходиться, а прохожие шли через площадь, не останавливаясь. За годы перестройки все уже наслушались и насмотрелись подобных представлений и многие уже мечтали о спокойной и нормальной жизни, когда на улицах безопасно, а зарплату не задерживают и пенсии и стипендии платят вовремя.

Об этом же думал и ещё один человек, стоявший у окна своего кабинета в здании администрации. Именно ему предстояло найти пути решения, которые бы сделали смену режима по возможности, бескровным, не сказались трагически на судьбах как тех, кто до сих пор управлял этим регионом, так и тех кто просто жил и работал, зарабатывал хлеб наш насущный. Как сделать так, чтобы эти две встречные волны злобы и ненависти не сложились в силу, которая как цунами пройдёт по краю, сметая всё на своём пути. Так уже было однажды, в 1918 году, когда белые подняли мятеж против новой власти, а красные потом в прах раздолбали город и после победы ещё долго вылавливали мятежников по городам и весям. И горе было тем, кого ловили.

А после ГКЧП что творилось? Сколько судеб, сколько карьер, выстраиваемых годами, поломались в один момент, если человек добросовестно выполнял приказы своих начальников.

Нет, хватит, сейчас главное, не делать резких движений, спокойно и соблюдая хоть какую-нибудь процедуру осуществить трансформацию власти.

— Любовь Михайловна, — попросил он помощницу, — принесите мне тексты резолюций, которые приняли районные советы в городе и области перед упразднением.

— Они уже у Вас на столе, в папке, — ответила помощница, которая за годы работы с разными крупными начальниками овладела даром предвидения — она почти всегда угадывала, что может понадобиться, и у неё всё и всегда было наготове. Это потом пришла пора длинноногих красавиц, которые мало что смыслили в деловых вопросах, но зато украшали жизнь. Скажем так.

В резолюциях был презентован весь спектр мнений — от неприятия произошедшего до осторожной поддержки Ельцина и его команды. И всё же главным в этих лукавых бумажках была мысль о том, чтобы сохранить мир в страхе, остановиться хотя бы на этой точке. Руководитель внимательно перечитал все документы, понимая, как нелегко они рождались на свет, сколько криков и ругани было. Но это-то как раз нормально. Внутри власти никогда не бывает всё гладко. Но вот если кто-то бросает эту власть, как вкусную кость своре оголодавших собак, потерявших хозяина... И начинается вселенская грызня, летят клочки шерсти, кровят раны на боках соискателей кости. Будь эти собаки вежливыми да воспитанными они бы, конечно, на своём языке говорили друг другу:

— Позвольте Вам, предложить погрызть эту кость!

— Ну что Вы, только после Вас.

— Нет-нет, Вы больше проголодались, я подожду. Подожду, пока Вы подавитесь, а уж тогда.

Впрочем, что толку домысливать за собак. Люди не собаки! Они действуют иначе. Но всё равно, даже подковёрная борьба цивилизованной открытой грызни.

Валентин, пока стоял, созерцая эпизод исторического процесса, порядком продрог — пальтишко у него было летнее, но рассчитанное на Европейскую осень, когда в ноябре ещё тепло. Да и дождик начал накрапывать и люди, хотя и разгорячённые речами своих пассионариев, всё же стали потихоньку расходиться. И с той и с другой стороны преобладали люди среднего и пожилого возраста, менее всего склонные к силовым формами доказывание своей правоты. Площадь начала пустеть. Флаги и плакаты связали в вязанки и погрузили в машины — и площадь приняла свой обычный, довольно пустынный вид.

Валентин и Борис собирались тоже уйти и подыскать какую-нибудь кафешку, чтобы пропустить по чашке кофе и согреться и вернуться к мирной жизни. Из расходившейся толпы мимо них прошёл парень, одетый в тёмную куртку и бейсболку, натянутую на самые брови, лицо которого Борису показалось знакомым.

— Смотри-ка, вроде Мишка, или я обознался. А, ладно — и он хлопнул проходящего мимо парня по плечу.

— Привет, протестант!

— А привет болото, — узнал своих товарищей Мишка, ничуть не удивившись, увидев их здесь, в самом центре пустеющей на глазах площади.

— Почему ж болото? Хотя ты же поэт, у тебя вся речь, как ситчик ивановский, вся в цветочках. Помним, какой ты Цицерон был, — сказал Борис, протягивая руку приятелю юных лет.

— Конечно, болото, вечное болото, гниёте в стороне, разводите пиявок в стоячей воде. Слабо было в митингах-то поучаствовать!

— Ну это ты у нас поэт — глашатай, тебе и жечь глаголом, а мы скромные обыватели, — засмеялся Валентин. «Нам и в сторонке комфортно». И добавил: — Да, ладно, брось ты этот КВН. Ты как, где? Давно о тебе ничего не слышно — раньше хоть

в газетах твои литературные опыты встречал, а сейчас что-то не видно.

— Время, ребята, не литературное. Судьба страны решается, ну да вам до лампадки, знаю. Ты же Борис вроде в Америку уехал?

— Уже приехал, — имитируя рассказчиков еврейских анекдотов, ответил Борис. — Уже почти на исторической Родине.

— Поди уж и обрезали, — поддел его Мишка.

— Не тебе говорить, Михаил. Тебя ж, наверняка, ещё в детстве оприходовали.

— Было дело, меня не спросили. Ну, ладно, замнём эту тему. Парни, я хоть и плоть от плоти своего народа, человек бережливый, но на скромную выпивку в ресторанчике могу раскошелиться. Мы же не виделись почти год или полтора.

— А что, неплохо, я бы погрелся — сказал Борис. Только плачу я.

— Ну, разошлись мои еврейские товарищи. Все поровну, — решил задачу Валентин и все спокойно с ним согласились. Когда что-то делится на всех поровну — это всегда справедливо и не вызывает никаких запоздалых сожалений и неискренних возражений.

Вскоре они расположились за столиком в недавно открытом преобразовавшемся из захудалого кафе, где Валентин питался года два назад, причём там можно было купить единственное блюдо — пшённую кашу с маргарином. Больше гадости ему есть не приходилось ни до, ни после. И всё же народу там была тьма. Все просто тупо пили водку, поскольку есть все равно было нечего. А водка у людей была своя.

На этот раз в зале, где поработал хороший дизайнер, все столики стояли пустые. К ним сразу же подбежал юный официант, свято соблюдавший dress-kod. Приятели заказали бутылку водки и горячее. Привычки проводить время в ресторане у них ещё не было, поэтому все трое чувствовали себя

немного стеснённо.

Но после первой же рюмки пришло понимание того, что свобода — это главное достояние молодости и мало-помалу разговор у них начал клеиться, быстро соскользнув с воспоминаний о студенческих годах на женщин и в конце концов на политику. Политический невроз, как говорил Валентину знакомый студент-медик, начал стремительно развиваться у всего народа, за исключением, пожалуй, тех мест, где не было устойчивого приёма телевидения, то есть в деревнях отдалённых. Там люди продолжали заниматься земледелием, скотоводством, собирательством, сочетая это с умыканием остатков колхозной собственности. Заезжее начальство, ещё недавно говорившее проповеди по поводу перестройки, не поясняя, правда, что это для колхоза и колхозников значит, в конце концов вообще перестало там появляться. А без начальства — какая жизнь? И не жизнь вовсе! Просто работать стало негде, кроме как на своих огородах. Ну да не будет автор больше лить слёзы о колхозном прошлом, не сладким оно было, хотя и надёжным.

— Мы на площади-то из любопытства появились, а ты поэт, склонный больше к декадентству, чем к реализму, что там делал? — поинтересовался Валентин у Мишки, который курил сигарету за сигаретой.

— А хотел выступить на митинге протеста, свои стихи прочитать. Да организаторы не дали. Не до поэтов — желающих было много, политиков, депутатов бывших, ну и чокнутых, конечно. Куда же без них.

— Ну если тебе нужна аудитория, — великодушно предложил Борис, — мы к твоим услугам. Я давно стихов не слышал, да и не читал. Ты как голос Родины.

— Да ну Вас! Что Вы понимаете, — сначала ответил слегка захмелевший поэт, вытаскивая очередную сигарету. — Впрочем, хотите — слушайте, сами напросились. Да и мне выговориться

надо. Оба стиха прямо губы обжигают. Я ж готовился, два дня готовился...

— Да, валяй, поддержал эмигрант Валентина. У тебя были хорошие вещи, помню.

— О“кей, сейчас — Мишка допил остатки водки в своей рюмке, чуть задумался, а затем, встав во весь рост, начал читать:

Осень 93

Стоят несжатые нивы, и напевают вруны!

Затейливые мотивы, времён Гражданской войны!

Бывает, ты скажешь, бывает, в стране отказали рули!

И западный ветер срывает,

С берёз золотые рубли!

— И второе, — не делая перерыва торопливо сказал поэт, как бы опасаясь, что ему не дадут закончить:

Надломленные деревья,

Наполнены тихой болью.

Посыпана снегом деревня,

Как корочка хлеба солью.

Беда получила волю,

Но как бывало не раз,

Та корочка хлеба с солью

Спасёт от гибели нас.

Мишка сел, опять взял сигарету. Видно было, что о сильно разволновался. Он посмотрел на дно рюмки, но там уже не было не капли. Первым отреагировал Борис. Он молча налил рюмку Мишки, вылив туда остатки водки из графина. Взяв рюмку, он протянул её поэту со словами: «На, заслужил! Здорово ничего не скажешь! Всё бы сильно прозвучало на площади. Эти стихи как раз для площади. Там бы поняли. Но тебе надо было выбрать правильный митинг».

— Спасибо, ребята, — Мишка выпил свою рюмку и замолчал, глядя в окно, где дождь забарабанил по стеклу,

напоминая, что сейчас ноябрь и бабье лето кончилось. Парни тоже как-то приумолкли. Поэзия, как будильник для спящего: прозвенит и волей-неволей глаза открываются. И что он увидит? Красавицу жену рядом или дамочку в бигудях и ситцевой ночной рубашке? Остатки ужина на столе с пустой бутылкой и зачерствевшими корочками недоеденного хлеба?.. Кому как повезёт в жизни. А, может, и не увидит, а услышит какую-то ещё никем не сочинённую мелодию, которая настраивает на любовь и счастье... Всякое бывает... После стихов.

А в эту минуту парням стало грустно. Через услышанные строки незамысловатых стихов до них дошло, что им предстоит жить и выживать в стране, обещавшей им светлое будущее, но которое превратилось в одну сплошную неопределённость и не обещало уже ничего, кроме этой неопределённости. Государство играло в наперсток со своим народом, уверяя, что в одном из колпачков есть шарик. Стоит только угадать! Но выигрывал только владелец наперстков.

— Ну что мне пора, — первым прервал тишину Борис. — Пойду потихоньку, все дела в городе я сделал, завтра в самолёт и домой, в светлое капиталистическое сегодня. Там всё уже сложилось.

— А не боишься Борька, что в Израиле в армию загребут. «Израильская военщина известна всему свету, как мать говорю и как женщина и требую к ответу» — спел Мишка старую песенку из репертуара советского барда.

— А вряд ли. Здесь по здоровью не пропустили, там тем более.

— Если что, к нам обратно. Красной армии ты точно не нужен.

— Спасибо на добром слове. Я ведь там уже небольшой бизнес наладил, — похвастался Борис.

— То-то я смотрю у меня к тебе классовая неприязнь развивается, особенно когда водка кончилась, — засмеялся поэт.

— Пошли парни. Хорошо, что увиделись. Когда теперь свидимся?

— Не ной. Жизнь умнее нас. Всё наладится. Хныкать только не надо, — продемонстрировал свой оптимизм Валентин. Они расплатились, как и хотели, поровну и пошли. Когда-то они шли вместе и знали куда. А сейчас пошли в разные стороны, не зная цели, зная только направления.

Борис, как наиболее состоявшийся из них, схватил первую попавшуюся машину и, не торгуясь, сел в неё, помахав приятелям на прощание.

А Мишка и Валентин пошли к троллейбусной остановке. Но троллейбусы они ждали разные.

— Ты чем заниматься думаешь? Литература сейчас — это нищета, ничего не заработаешь.

— Ну, можно рифмованную рекламу сочинять! Даже Маяковский это делал. Помнишь: «Нигде кроме, как в Моссельпроме». Сейчас в издательстве работаю, редактирую книги. Но это не моё. Читать чужие вместо того, чтобы писать свои... Скучно. И материал на книжечку есть, да денег надо много на издание, а зарабатываю я гроши. Ну да не это главное!

— А что? Может ты уж разобрался и со смыслом жизни, — сыронизировал Валентин, который считал, что хороший заработок сейчас это главное.

— Не болтай глупости. А вот страну жалко. Я здесь жизнь прожить собираюсь. И никуда не свалю, это уж точно. Хотя мог бы, как Борис, — раз и свинтил на землю обетованную. Но я слишком русский, чтобы жить там. У них своё, у нас своё. Хотя всё может быть, всё...

В это время подошёл троллейбус, они торопливо попрощались, и Мишка заскочил в салон. Двери, проскрипев какую-то мелодию, закрылись и он уехал. А Валентин, загрустив, решил пройти пешком, тем более что торопиться было некуда. Офис закрыт, а домой ещё рано. Дождь закончился и, как это

бывает в начале ноября, в небольшую дырку в тёмных клочковатых облаках протянулась к земле солнечная длинная рука и погладила по голове первых попавшихся прохожих, приунывших было от наступившей осени.

«Мишка сейчас что-нибудь сказал бы по этому поводу. Поэт. Кому сейчас это нужно? Пропадёт парень, сопьётся, как спились многие талантливые люди. Россия страна талантливых пьяниц, хотя... Всё может быть. Может и повезёт, удержит его другая часть его крови — еврейская. Они люди рациональные. Мишка — рациональный поэт! Смешно. Как там у Пушкина — «Но можно рукопись продать». Я становлюсь, как мой босс, — начал цитировать классика. Да у меня тоже не пойми чего. С работой полный туман. И разве я о том мечтал, думал, надеялся. Выиграв российский конкурс на лучшую студенческую работу по архитектуре и вот итог — помощник риэлтора! Учи цитатки, освежай в памяти исторические примеры, чтобы удобнее охмурять клиентов. Нет, всё же хорошо, что моё риэлторство кончается. Втянешься, а потом что? Нетушки, нетушки. А ребята хорошие, умные, Мишка вообще был звездой в институте, всегда в лидерах. Даже в КВН был в капитанах. А я, вечный член команды. Неужели моя роль — человек из толпы с неузнаваемым лицом?.. Красиво сказал». — похвалил себя Валентин, у которого хмель никак не выветривался.

Солнце отдёнуло руку от земли и опять всё стало мрачноватым.

Валентин стоял на перекрёстке двух улиц со звонкими названиями Республиканская и Свободы и решал, что ему делать: идти домой не хотелось, а змий, которого он допустил к своему уху, нашёптывал, что неплохо бы сейчас встретиться с какой-нибудь девушкой, поболтать о чём-нибудь лёгком и весёлом, и отвлечься от навалившегося на него груза проблем. Он покопался в боковом кармане пиджака, где лежал его похудевший бумажник и старая записная книжка, которую он

«Причал»

Литературный журнал

завёл ещё в студенческие годы, и где хранились в покое, как в архиве, телефоны его бывших друзей. Он долго листал книжечку: эта уже замужем, с этой говорить не о чем, эта — дело прошлое — не стоит ворошить и всё в таком же духе, пока ему не встретился адрес Насти со старым, наверняка уже не актуальным телефонным номером. А поскольку даже малая доза алкоголя растворяет фильтрующую сеточку здравого смысла и все, что приходит в эти моменты в голову кажется простым и легко достижимым, он резко повернулся и направился на междугороднюю телефонную станцию. Мобилы тогда ещё были редкостью и роскошью, которая не каждому по карману.

(Продолжение в следующем номере)

КОНКУРС: «Мы рождены для вдохновения...»

Нина ВИНОГРАДОВА

п. Волга, Некоузский район

ПРО СЧАСТЬЕ

Опять проснуться с любимым рядом,
В шальное утро шагнуть с порога —
Как мало людям для счастья надо,
Как в этом мире дано им много!

Возможность видеть, как по аллеям
Резвится дождик ребёнком малым,
И свежий ветер вдыхать, пьянея,
И укрываться закатом алым.

Ловить снежинки в свои ладошки,
Букет ромашек дарить кому-то,
А ночью звёздной под плач гармошки,
Как в детстве, снова поверить в чудо.

Добром делиться и на рассвете
Весь мир раскрасить цветами радуг.
Как много людям дано на свете!
И как им мало для счастья надо!

Владимир ИЛЬИЧЕВ

д. Коробцово, Борисоглебский район

ПО-ДРУГОМУ

А. Е.

Я тот ещё Наполеон.
Самолюбив! Талантлив! Мелок...

Нетленным чувством окрылён
среди летающих тарелок.

Великий тактик и стратег.
Надысь грозил пришельцам саблей.
Но что я вижу из-за тех
тарелок, дронов, дирижаблей?

Историк режет Красоту,
готовый к славе и дурдому.
А я, наверное, расту,
съедая ревность по-другому.

Да что ни дом — то жёлтый дом
от непроглядности и смога,
лишь на погоне золотом
играет солнышко немного.

Не Изабель, но Анабель
меня на подвиги толкает,
и вновь ложится на постель,
едва возвышусь над полками.

Как хорошо, что мне пока
не ближний свет — до полувека,
что дело ближе к сорока,
что век — инфо, а кожа — эко.

Как хорошо, что я отдал
врагу-мерзлятику пустыни...
Зима... Снег — та ещё вода.
Арбузы снятся мне! И дыни.

* * *

Понимаешь, ты... красивая,
в плоскостях любых осей,
но Земля — гнездо осиное,
и для ос я — фарисей.

Я в тебе заметил большее,
чем причина пожужжать
о неживимости Борджиа
на границе Курмыша.

Не считаются приличными
сны-заметки на полях,
там прописана опричнине
желтизна полос и блях.

А сейчас заметить хочется,
что тебя я не спасу:
те же краски, жало точится,
превратишься ты в осу.

А сейчас мне снова верится,
что — спасу, не зря — люблю
и пишу о цвете вереска
золотишком по углю.

ЕСЛИ АНГЕЛ ЧТО-ТО ДАЛ...

Если ангел что-то дал —
размышляй по-ангельски,
не пытайся примерять
на обычный прок.
И не суть, кто объяснит,
Шефнер или Анненский,

ипостась почти одна
у рассветных строк.

Если ангел что-то взял —
рассуждай по совести,
ни секунды не жалея
ни рублей, ни сил.
Может, надобна метла,
не крылом же сор мести!
Сам порядок наведи:
ангел попросил.

Если ангел улетел —
не спеши печалиться,
всем положено вершить
многие дела.
Заскучаешь — он с тобой
в интернете счатится,
и в ненастье не лишит
тёплого крыла.

Если ангел в зеркалах
часто отражается,
чаще, чем твоё лицо,
значит, ангел — ты.
Посмотри в окно и в чат,
кто и в чём нуждается,
от единственной любви
до второй метлы.

Елена ИВАХНЕНКО

г. Рыбинск

НЕБЕСНЫЕ ОДЕЖДЫ

Не снег идёт на крыши и тропинки —
Процессия торжественно идёт,
Как будто с неба каждая снежинка
Свой дар на землю бережно несёт.

Не чуда, но похожего чего-то
Изъезженная шинами земля
Ждала давно. И ждал усталый город.
И вот оно — в начале февраля:

Покуда не утоптан, не укатан
И не нарушен лёгонький покров,
Так чисто всё, нетронуто и свято,
И в снегопаде тонет шум шагов.

Наверное, опять на город грешный
Глядел Господь. Но нас не покарал,
А дал примерить белые одежды —
В самую невинность город наш убрал.

И люди, телевизор выключая,
Чтобы осталась в доме тишина,
Про Интернет забыв, про чашки с чаем,
Плечом к плечу теснятся у окна.

Вкушают наслаждение покоем,
Утерянное городом большим.
И к снегу — словно к небу — всей душою —
Всем тем, что в нас осталось от души...

...Белеет мир небесною одеждой,
Неспешный снег струится за окном.
Господь на город наш глядит с надеждой
И праведных опять считает в нём.

НА ОКРАИНЕ

Здесь, на окраине города
Избы в снега вросли.
Как островок отколотый,
Этот клочок земли.

По вечерам с работы я
Здесь прохожу пешком.
В сумерках избы кроткие
Дышат печным дымком.

Тропки едва протоптаны.
Редкий фонарь горит.
Слышно, как за воротами
Снег во дворе скрипит.

Словно в былом столетии
Я оказалась тут.
Окна глядят приветливо,
Словно меня и ждут.

Словно зовёт бесхитростно
Дом с кружевной резьбой,
Словно вот здесь и выросла
Я, с городской судьбой.

Вроде всё просто: вечером
Светят на снег огни...
...Жаль, что родных не встречу я.
Нет здесь моей родни.

Вдаль ухожу, и чудится —
Кто-то глядит вослед.
А оглянусь — на улице
Больше людей-то нет.

ВЕСЕННЯЯ ПОЧКА

Последний снег не весь растаял,
Ещё белеет средь полей.
А тёплый ветер пробуждает
Траву, уснувшую в земле.

А я — совсем как эта почка,
Что влагу талую пила
И под чешуйками листочки
С душистым цветом берегла.

Её весенний дождик моет,
Целует солнце горячо.
И скоро почка нам раскроет
Свой неразжатый кулачок.

А почка жаждет откровенья.
Пусть ждёт её и зной, и град.
Но ведь на то и день весенний,
Чтоб раскрываться, чем богат.

ПИСЬМО ИЗ АФГАНА

Вот письмо: «Любимая Танюша!
Долго от тебя ответа ждал.
После боя спать хочу. Но — слушай,
Как же о тебе я соскучал!

Знаешь, я, наверное, везучий:
Через месяц мне уже домой.
Для афганца очень редкий случай —
За два года — целый и живой.

Понял я, со взводом вдаль шагая,
Понял, едким порохом дыша,
Что меня от смерти сберегает
Только твоя верная душа.

Жди меня, осталось уж немного.
Не реви ночами, хорошо?
До свиданья, зайка.
Твой Серёга.
Всей родне твоей — привет большой

До свиданья. Сидя засыпаю.
Ты приснись, Танюшка, мне, приснись.
Много раз целую, обнимаю,
Как при встрече мы бы обнялись».

...Получила телеграмму Таня
Сразу вслед за маленьким письмом,
Что погиб Серёга там, в Афгане.
Вот и всё о Тане и о нём.

МИШКА, МИШЕНЬКА...

Раз бабулька говорливая
Речь со мною завела:
«Ах, какая же счастливая
Молодость моя была!»

Да, наряды небогатые,
И не слишком сытен стол.
Эх, года, года тридцатые,
Закадычный комсомол.

Мы гурьбой ходили, с песнями.
Заводила наш, комсорг,
Миша мой... Да неизвестно мне,
Где и как он сгинуть мог.

Гибли многие, безвинные...
В год... В какой? В тридцать седьмой...
В восемнадцать с половиною
Арестован Миша мой.

Мы сидели с ним на лавочке.
Современным не понять —
Называл меня он «лапочкой»,
А не смел поцеловать.

Мы же были-то безгрешными.
А его уже стерёт
В тот же вечер за черешнями
Страшный «чёрный воронок».

Предъявили красну книжечку,
«Едешь с нами» — говорят.

Увезли мово парнишечку,
Словно в чём-то виноват.

И не дали распрощаться нам.
Только крикнул на ходу:
«Не ищи меня. Вернусь — и сам
Если буду жив, — найду»

Да давно уж на погосте он.
Так вот жись-то и прошла:
Замуж вышла, деток растила,
А счастливой не была.

Закатилось моё солнышко.
Мишка... Мишенька... Милок!»
...И посыпались, как зёрнышки,
Слёзы бабкины в платок...

Надежда КУДРИЧЕВА

г. Ярославль

ДОЖДИ

Это осень скребётся сегодня в окошки
мягкой лапкой трёхцветной задумчивой кошки,
ей смешно, листопадно, и грустно немножко
оттого, что для кошки закрыто окошко.
А листве пополам, что в июле окошки
не откроют для радужной, ласковой кошки,
и летит к облакам стайей бабочек. Можно
распахнуть облака, если это не сложно?
Открывается в небушке тихо окошко,
приглашая компашку с танцующей кошкой.

КОСМОС

Я иду по земле, но скучаю по той
первозданной святой чистоте простоты,
где тихонько звезда говорит со звездой,
и кометы с планетами спорят на ты.

Там никто не сорит ни рублём, ни словом,
там великого космоса вечный простор,
и поёт над моим просветлённым лицом
ветер дивных невидимых сказочных гор.

Там цветы и цвета каруселью во мгле
лучших снов повторяют палитру шутя,
там нет лет и звенит серебром в хрустале:
— здравствуй, милое,жданое божье дитя.

ПИФАГОРИТСИЧЕСКОЕ

Тебе прощенья нет? Мне всё равно теперь,
когда ты потерял доверие и дружбу.
Поди через запрет — гляди открыта дверь,
ты только присмотришься, а кто несёт там службу?
Остановись. Акстись. А вспомнишь — преклонись,
и «Отче наш» читай — они исчезнут сами.
Припоминай обетованный май,
неуловимое лови цунами,
и легче лепестка лети сквозь все века,
исполнятся мечты и сбудутся поэмы.
Мой бывший друг, рука поэтская легка,
запретной темы нет, есть сказка теоремы.
Она и аксиома, мон ами.

КРЕСТОВСКИЙ ПАРК

Букет цветов, рука у лба.
Кого ты смотришь в той аллее?

Сто Лорелей о Галилее
рыдают. Нас зовёт труба
Архангела летящих звёзд.
Мой Лоэнгрин приехал снова,
и на ладони лист кленовый,
и скоро осень, свят и прост
ответ, который никогда
не прозвучит на тишь вопроса.
Мы аккуратно сеем просо
на дно вчерашнего труда.
Над отраженьем глыбы льда

Оксана САБУРОВА

г. Ярославль

ОСЕННЕЕ ЛЕТО

Осеннее лето без спросу пришло,
осталось со мной без запроса.
Вернётся когда-нибудь снова тепло,
и ляжет по городу косо.

Легонько над крышей всплывут облака
без хмари, тоски поднебесной.
Сейчас по-другому, но только пока:
почти беспроглядно и тесно.

Привыкнуть привыкну. Немного закис
мой мир одиночества прежний.
Набухшее небо торопится вниз,
и плачется всё безутешней.

А как же всё там, что за кромкой небес?
Я так ведь хочу улыбнуться...

Но давит холодного призрака вес —
от солнца — осколочек блюдца.

ШЕСТОЙ ДЕНЬ

Вечер окунулся в тёплый чай,
желтизна окрасила окно.
Некому в квартире отвечать,
и в стекле просвечивает дно.

Бьётся время тихое в виски
тихим стуком, заполняя тишь:
отпусти его ты, отпусти,
и счастливей станешь ты, глядишь...

Только вот в чем дело: не держу.
Он ушёл навечно, не прося
отпустить, и перешёл межу
от живых до мёртвых, вот и вся...

правда, вечер плещет через край,
остывает горькая вода.
Где-то там открытый мёртвым рай,
и к нему — разлитые года.

ДОЖДЬ ЛЕТИТ

Дождь летит от неба в ноги,
где-то балуются боги,
где-то капельки летят,

где-то сидя на треноге
дева-пифия в тревоге
среди струй забыла взгляд.

Всё напрасно, всё не точно,
всё прекрасно, всё порочно,
дым прибит водою вниз,

где оплаканная почва
исторгает многоточья
пробивающихся лиц.

Бьются капли громким звуком,
бьются капли звонко, глухо,
всё должно прийти, пройти.

Будет сыро, будет сухо,
будет хлебом, будет супом,
будет вкусно, не ахти.

Дождь обрушен с неба в ноги,
где-то балуются боги
и, пожалуй, хорошо

будет многим и немногим
раздолбаям, людям строгим
и — кому как суждено.

Любовь ФОМЕНКО
г. Переславль-Залесский

АНГЕЛ МОЙ
Все печали мои белым пологом
Кружевная метель замела —
Это мама моя белым облаком
На рассвете по небу прошла.

Дорогими знакомыми лицами
Снова полон родительский дом —
Это мама моя синей птицею
Незаметно взмахнула крылом.

До души прихватило, до донышка,
На коленях послушно стою, —
Это мама моя ясным солнышком
Обезболила душу мою.

Обойдя все невзгоды и битвы, я,
Проживу, никого не виня, —
Где-то рядом святою молитвою
Ангел мой охраняет меня.

ОШИБКА ПРИРОДЫ

Одуванчики... в октябре...
То — ошибка иль шутка природы?
Видно, месяц на смертном одре
Перепутал законы и коды.

А, возможно, шальная любовь —
Иль твоя, или чья-то чужая,
Нам о лете напомнила вновь,
В непогоду рассвет провожая?

Одуванчики... в октябре...
Свежий ветер — порывистый, юный.
Будто сердце моё на заре
Заскучало о жарком июне...

Среди серой потухшей травы
Одуванчиков жёлтые стаи —

Так близки мне, так дороги вы,
Словно мая странички листаю.

Одуванчики... в октябре?
Зачеркнув все земные стандарты,
Видно, месяц на смертном одре
Проиграл здравомыслие в карты...

* * *

Мои рассветы, ох, не допеты,
Полны закаты душистой мяты...
Умчалось детство за перекрёсток,
Туда, где сердцу легко и просто,

Где ветер с чёлки сорвёт росинки,
Касаясь шёлка моей косынки,
Где у колодца баян страдает,
Душа то рвётся, то замирает.

Напьюсь в колодце воды студёной,
Впитаю солнце душой бездонной.
Помою кринки, прикрою шторы,
Сниму косынку, и снова — в город...

Вернусь ли снова сюда, не знаю,
Где я другая, совсем другая,
Где не допеты мои рассветы,
Где пахнут мятой мои закаты...

РОМАШКА

Первый снег свалился с жёлтых листьев,
Зацепил игриво провода,
Наши души набело очистив,
Растворился в луже без следа.

А на клумбе белая ромашка —
Чей-то неразгаданный секрет,
Лепестки, как крылышки у пташки —
Мне взглянула солнечно вослед.

Первым снегом вымыты кудряшки —
Лепестки, подружка, береги...
Ах, ромашка, глупая бродяжка,
От любви отчаянно беги!

СВЕТОФОР

Осень — это я и ты,
Дар природы симпатичный...
Ярче взгляды и цветы,
Песен больше, чем обычно.
Это розовый простор,
Торжество любви бессонной...
Осень — это светофор:
Жёлтый, красный и зелёный...

Это листьев шумный бал,
Где сбываются надежды,
Это солнца пьедестал
И союз желаний нежных...
Это птиц прощальный хор,
Небосвод к утру ядрёный...
Осень — это светофор:
Жёлтый, красный и зелёный!

Осень — радуга дугой
И зимы несмелый ропот.
Осень — это, дорогой,
Расставаний тихий шепот.

«Причал»

Литературный журнал

... Это — я, твой приговор!
Это ты — мой непрощённый...
Осень — это светофор:
Жёлтый, красный и зелёный!

Олег ЛУКЬЯНЧЕНКО

г. Ростов-на-Дону

Олег Алексеевич Лукьянченко родился в 1948 году в Ростове-на-Дону. Окончил филологический факультет Ростовского университета, служил офицером в Советской армии (1971–1973), преподавал в Ростовском мореходном училище им.

Седова (1973–1982), работал в журнале «Политическая информация» (Смоленск, 1982–1983)), в газете «Вечерний

Ростов» (1983–1984), в Ростовском книжном издательстве (1984–2004).

Заместитель главного редактора (с 2005), главный редактор (с 2011) литературно-художественного журнала «Ковчег» (Ростов-на-Дону).

Автор многих книг и публикаций в отечественной и зарубежной периодике.

Отмечен премиями журналов «Знамя» (1994), «Ковчег» (2007). Член Союза российских писателей с 1991 года и Международной Федерации русских писателей с 2009 года.

ПОД САЛЮТОМ ВСЕХ ВОЖДЕЙ

Рассказы

Где прячется Москва

Когда мальцу стукнуло годика три, загадочные прежде значки-буквы стали сами по себе складываться в слова.

Впоследствии его уверяли, что вовсе не сами по себе, а он спрашивал у старших сестёр, и те объясняли: это «а», это «б» — и так вплоть до «я». Он снисходительно кивал, но про себя знал точно: взрослые сочиняют. Может, конечно, про какой-нибудь твёрдый знак и спрашивал, нелепая буква, ни одно слово с неё не начинается, как и с мягкого. Зато все остальные соединять выучился сам.

Буквы окружали мальчика со всех сторон: на улице, в магазинах, дома. Но дома, в книгах и газетах, выглядели чересчур мелкими и

наводили скуку. Он предпочитал разбирать вывески, транспаранты, магазинные ценники...

От этих последних, случалось, слюнки текли. Бывая постоянно, с нянькой или родителями, в гастрономе на углу своей улицы и Крепостного переулка, он запоминал, что его любимая, ароматная, нежно тающая во рту колбаска именуется «любительская», а сыр бывает трёх видов: «советский», «алтайский» и «швейцарский». Привычная же чёрная икра называлась почему-то «паюсная». Особенно манили взгляд «пикули» в малюхоньких стеклянных баночках, до того аппетитные, что хотелось сразу проглотить их все.

У входа в гастроном (все называли его просто «угловой») — лоток пирожковый: «с ливером — 50 коп.», «с повидлом — 40 коп.».

А рядом — самый манящий: с прохладной надписью «Мороженое». Из его дышащих ледяным паром глубин извлекались вафельные стаканчики:

Молочное — 95 коп.

Сливочное — 1 руб. 35 коп.

Пломбир — 1 руб. 95 коп. —

У-у, какой дорогой!..

Каждое приятно по-своему, но не может сравниться с тем, что бывает почему-то очень редко:

Фруктовое — 55 коп.

Никогда во всей последующей жизни не попадалось ему ничего вкуснее этих розовых брикетов, похожих в упаковке на палочки дрожжей...

Следующим по завлекательности чтением были афиши — театральные и киношные. Драмтеатр располагался в соседнем доме, а киношка — в горсаду через дорогу, так что далеко искать не приходилось.

Читать афиши было легко и приятно. От некоторых (ух ты: «Тарзан»! «Чапаев»! «Багдадский вор»! — мировые картиночки!)

заранее начинали чесаться кулаки и возбуждённо подрагивать колени. А Серёжка с того двора даже глупый стишок придумал, или не сам придумал, а за кем-то повторил:

*Пошёл в кино «Багдадский вор»,
А русский вор штаны упёр.*

Как это? Так прям в кино и стянул штаны? Или из дома спёр? Тогда он что ж — в кино без штанов пошёл?.. Чепуха на постном масле!

А ещё в кинотеатре по бокам от экрана кудрявым почерком выведены были две трудные надписи. Разбирал их малец так долго, что успел запомнить наизусть.

С одной из них он согласился:

Из всех искусств для нас важнейшим является кино.

А вот другая не понравилась:

***Кино в руках советской власти
представляет огромную неоценимую силу.***

Тут поначалу всё было неясно. Что за советская власть? Где у неё руки? И как можно в них взять кино?..

Потом малец сообразил: фильм ведь на экране появляется не сам по себе, а из луча, что в сапожной будке. Простые сапожные будки встречаются на улицах, здесь же какая-то особенная: в ней стрекочет хитрый аппарат, а в нём что-то крутится. Иногда оно перестаёт крутиться, экран гаснет, и тогда все вокруг начинают возмущаться: «Опять плёнку порвали сапожники!» Вот оно что! Значит, эту плёнку и берут в руки, чтобы зашить. Чем — понятно: малец знал, что толстые сапожные нитки называются дратва. Тогда получается, что сапожники это и есть советская власть?..

Спектакли притягивали меньше. Какая-то «Филумена Мартурано»... А это что за мур — «Пока солнце взойдёт, роса очи выест»?.. «Волки и овцы» опять же. Ходил с родителями смотрел — бузовый: ни волков, ни овец. Тоже, комедия называется! Комедия —это когда смешно. Хихикать малец начал ещё до того как

раздвинулся занавес: пока разбирал мелкий шрифт программки — от одних имён действующих лиц. Он таких и не слышал никогда: Меропия, Евлампия, Анфуса... и самое нелепое — Вукол. Его что — колоть будут? А про Меропию эту написали: «девица лет 65-ти». Ничего себе девица!

Но когда начался спектакль, стало вовсе не смешно, а очень даже скучно. Вуколу этому никто никаких уколов не делал, хотя он заслуживал: то и дело кланчил табачку.

Запомнились только три окна справа — те самые, что были раньше в другом спектакле, где тыкали в них руками и кричали: «В Москву! В Москву!» Получалось, что Москва пряталась где-то между стенами театра и мальцова дома; как она там умещается, понять было невозможно, но что именно там — подтверждал ещё и репродуктор, висевший как раз на смежной стене. Он каждое утро объявлял: «Говорит Москва! Передаём последние известия!»

И опять какая-то ерунда выходила: какие ж они последние, если их без конца повторяют?..

А после всё окончательно запуталось. Отцу подарили на день рождения пахнущую свежим лаком радиолу «Рекорд». Теперь можно было расстаться со старым надоевшим патефоном. Тот соглашался играть только если ему накручивали вставной ручкой тугую внутреннюю пружину. А у радиолы диск мог сам крутиться сколько хочешь — и слушай себе музыку пока не надоест!.. А когда надоест — перещёлкивай правую ручку влево: там плещутся волны, но не морские, а короткие, средние и длинные. Они называются «диапазоны». Длинные никому не нужны, на коротких всегда какие-то помехи, поэтому чаще всего родители включают средние. Вот на них-то и переселилась теперь из старого репродуктора Москва вместе с последними известиями. Выходит, она не между двумя стенами скрывалась?..

Что вообще такое Москва, он решил выяснить у дворовых ребят. Все они были старше мальчика: Вовка — на три, Колька — на шесть, а Сашка аж на десять лет. Услышав его вопрос, Колька ехидно ухмыльнулся:

— Могу тебе показать — сам увидишь... — и стал тянуть за уши вверх.

— Больно! — дёрнулся малец.

Сашка влепил Кольке подзатыльник, и тот выпустил из рук мальцовы уши.

— Москва — столица нашей родины, — объяснил Сашка. — В ней находится Кремль.

Вон оно что!.. Кремлей у мальчика было целых два: один — в виде пирамиды, на стержень которой надевались разноцветные деревянные колечки и сверху нахлобучивалась красная звезда, а другой — маленький пластмассовый со светящейся звёздочкой. И ещё один был, только нарисованный — на коробке маминых духов «Красная Москва».

Вот, значит, где она теперь прячется!

* * *

Впервые в этот необъяснимый город бывший малец попал восемнадцатилетним. И с тех пор, по разным поводам, в разном качестве, в разных точках его, бывал, наверно, десятки раз. Но свою Москву — так и не нашёл.

Она его, впрочем, тоже.

На ёлке у Нахпищеторга

Слова могли быть короткими, длинными и очень длинными, понятными и непонятными, а некоторые из непонятных еще и страшноватыми. Не обязательно, конечно, чтоб чем короче, тем понятней, но всё же длинные необъяснимыми оказывались чаще.

Старшие дворовые мальчишки гордились способностями мальчика. Уверившись в них сами, они бились об заклад с

приходящими из соседних дворов пацанами — и предлагали убедиться, как он прочитает вслух что-нибудь заковыристое и тугопроизносимое. Например, убористую надпись на спичечном коробке — какой-нибудь «Главтрестспичпром». Или на банке от рыбных консервов — «Азчеррыбснабсбыт». Малец снисходительно всё это уродство воспроизводил вслух, хотя мало что понимал. И ему представлялись замысловатые, но вовсе не пугающие чудища: какой-нибудь великан — сам из чугуна, а ножки спичечные. Или живой подъёмный кран, вертящий карусель из пустых жестянок, откуда капает томатный соус...

Пришлые, а среди них случались и блатного пошиба, проиграв пари, пытались взять реванш на свой лад. Мол, ежели этот шкет такой грамотный — пусть нам вот что прочитает: и мелом на заборе либо щепкой на рыхлом чернозёме клумбы чертили неприличные слова. Малец, конечно, все их знал, но дома у него никто этих слов не употреблял, и сам он, когда их слышал, испытывал отвращение. Поэтому произносить вслух категорически отказывался.

— Не можешь, не можешь!.. — подзуживали они.

— Могу, но не хочу, — не поддавался малец.

— А чего ж так? Слабо небось?

— Они воняют, — нашёл он однажды нужный ответ — и тем вызвал снисходительные смешки и своих и пришлых.

А бывали короткие слова, понять которые удавалось не сразу. Он долго ломал голову на висевшей поперёк улицы растяжкой:

НАРОД И ПАРТИЯ ЕДИНЫ!

И однажды мальчика осенило. Двери коридора его квартиры, общего ещё для двух, вели на просторный деревянный балкон, откуда во двор спускалась деревянная же лестница. На этом балконе в тёплые погожие вечера соседи устраивались играть в лото «по копеечке». Дядя Тиша вытаскивал из холщового мешочка

бочоночки с цифрами и называл их. Для некоторых у него были особые клички: 11 — «барабанные палочки», 77 — «кочерёжки», 90 — «дед девяносто лет»... А 33 — почему-то «голодный год». Что за год такой странный?.. Выигрывал тот, кто раньше других заполнял свои карточки с рядами цифр. И тогда он радостно выкрикивал: «Партия!» Вот ведь как легко всё объяснилось: загадочный транспарант обозначал соседей, играющих в лото. «Ваша семья — культурная, а соседи у вас — народ простой», — не раз повторяла нянька Евгения Дмитриевна.

К Новому году таинственным названием, не поддающимся разгадыванию, оставался один лишь Нахпищеторг. Зато лез он в глаза на каждом шагу. Взять тот же любимый лоток мороженщицы: внизу на нём, да ещё с добавлением каких-то цифр, — Нахпищеторг. Четырёхколёсная будка, развозившая по магазинам хлеб, — опять он же. Тележка с газводой — снова! Мало-помалу его вездесущность и необъяснимость начали пугать. Ну, не так чтоб уж очень, но как-то не по себе становилось. И вдруг мама приносит приглашение на новогоднюю ёлку — и не куда-нибудь, а в Клуб Нахпищеторга!.. И вот тут мальцу почему-то стало страшновато.

Повела его сестрица-восемиклассница. Выяснилось, что Нахпищеторг обитал совсем недалеко: чуть-чуть вверх по Крепостному переулку и десять шагов налево по улочке Мало-Садовой. И не сказочный терем их поджидал, а домишко одноэтажный. Внутри, правда, в зале, где ёлка украшениями сверкала, оказалось совсем не тесно. Там весело пахло иголками, мандаринами и Новым годом. Ёлка была хороша — под самый потолок. А розовощёкая Снегурочка водила с детками хоровод. Мальца приняли в кольцо, и он стал уныло подпевать словам постылой песенки:

*Срубил он нашу ёлочку**Под самый корешок...*

И при этом всё озирался, надеясь заранее увидеть Нахпищеторга, чтобы в случае чего удрать поближе к сестре. Вместо него появился Дед Мороз и стал требовать, чтобы все хором трижды попросили: «Ну-ка, ёлочка, зажгись». Голос Деда Мороза показался мальцу знакомым. Приглядевшись, он и в лице его, хоть и спрятанном под ватной бородой и такими же бровями, разглядел памятные черты. Да это же артист Пересветов, что в спектакле «Волки и овцы» играл Вукола!..

Малец и раньше подозревал, что Деда Мороза выдумали взрослые, а теперь утвердился в своей мысли. Только что сделанное открытие прямо-таки распирало его — и ему не терпелось поделиться им с другими. Дед Вукол фальшиво-радостным голосом пообещал всем послушным деткам щедрые подарки и, сделав паузу, принялся развязывать свой мешок.

Тут в тишине ожидания не слишком громко, но достаточно отчётливо прозвучал голосишко мальчика:

— И никакой это не Дед Мороз, а обыкновенный артист Пересветов.

Публика опешила. Детки раскрыли рты, а кто-то из взрослых, не выдержав, прыснул в кулак, вызвав нарастающий вал смешков, слившихся наконец в общий хохот. Разоблачённый Дед Мороз хохотал вместе со всеми, а малец, оказавшись вдруг в центре внимания, потерял из вида старшую сестрицу, растерялся и заревел. Он видел кругом чужие хохочущие физиономии, и ему почудилось, что вот сейчас-то и нагрянет сам Нахпищеторг, чтобы строго наказать виновника всеобщей суматохи...

* * *

Кончилось всё благополучно. Сестрица нашлась. Подарок из мешка мальцу достался. Чужие люди вовсе не сердились на него, а смотрели широко улыбаясь. Нахпищеторг же так и не появился. А

когда он дома спросил у мамы, кто же это всё-таки такой, выяснилось, что вовсе даже не человек и не чудище, а организация, торгующая пищевыми продуктами, и находится она в Нахичевани. А уж что такое Нахичевань, малец знал: он и жил-то вблизи переуллка, носившего это название.

Лысый и шевелюрый

Сначала вожди росли на клумбе.

Затем взялись пасти стадо слоников мал мала меньше на верхней крышке чёрного пианино.

А потом оказалось, что они и раньше прятались на кухне, маскируясь под заслонки от дымохода.

* * *

Малец иногда бывал задумчив и угрюм.

Но чаще — весел и смешлив.

Выросшие на клумбе в Первомайском саду, среди петуний и чернобривцев, рассмешили: он сразу заметил, что они вовсе не живые, а сделанные.

— Из чего? — спросил у отца.

— Из папье-маше.

— Значит, они тебе машут? Папье? Маше?.. — ну как тут не расхохотаться.

Оба приветственно махали из углов клумбы. Лысый — слева, шевелюрый — справа.

Искривлённые слова мальчика не удивляли. Он и сам любил ломать всем привычные. Его поправляли: нет такого слова — «шевелюрый».

Как же так: «шевелюра» есть, а «шевелюрый» нет? И он упорно повторял его, напирая на «р», напоказставляя, что, в отличие от большинства сверстников, безусловно произносит рычащий звук.

А ведь когда-то не то что на труднейшем «р», и в звуках попроще язык заплетался. Приходилось изобретать собственные слова. Так, из того, что ездило под окнами, гудящие машинки назывались — «би-би», запряжённая в подводу лошадка именовалась — «ляхаль», мотоциклы — «тяп-ляп», а велосипеды — «ляп-тяп». Впрочем, всё это очень давно, когда малец был совсем ещё крохой...

Если на клумбе вожди возвышались в полный рост, то на пианино попали всего лишь гипсовые бюстики. Их подарили отцу друзья на день рождения. Новое — и тоже забавное словечко. Похоже на «пестик». Пестиков-то в доме было целых два: жёлто-увесистый — от медной ступки и чахло-бледный — от фаянсовой. И малец моментально заметил, что лысая голова как раз и похожа на ударную часть фаянсового пестика. Но, конечно, толочь ею в ступке нельзя: сама может расколоться.

Так он предположил — а вскоре получил и подтверждение. Нянька Евгения Дмитриевна протирала тряпкой лысый бюстик, а тот возьми да и выскочи из её рук!.. И не просто раскололся, а разбился вдребезги.

Нянька поохала-попричитала, а потом шмякнула в кучу мелких осколков окурки из отцовской пепельницы в виде кленового листа и стала всё сметать в совок и высыпать в мусорное ведро. С окурками она всегда так управлялась. Малец поначалу удивлялся этой нянькиной причуде — чего б сразу их не выбросить в ведро? — а потом свыкся: у взрослых вообще много странностей.

Шевелюрый остался надзирать за слониками в одиночестве. Утрата лысого ничуть не огорчила мальчика — уцелевший нравился ему гораздо больше. И не только гладко уложенной прической, но и всем своим богатырским обликом.

Его портреты наблюдали за мальцом отовсюду: из витрин магазинов, со стен зданий, с праздничных плакатов в счастливые дни парадов и демонстраций. Особенно восхищала картинка из

детской книжки, где добрый вождь возносил к небу тающую от счастья пионерку. Он и сам мечтал очутиться в этих крепких и ласковых руках. Да и не он один, а, наверно, каждый ребёнок лучшей на земле Страны Советов!..

Но мечта не сбылась, потому что вдруг тревожным голосом зарокотало радио, и отец притянул к новенькому приёмнику «Рекорд», и предчувствие наступающей беды впилося в уши мальчика незнакомым зловещим словом: «чейнстокса». А вскоре тот же приёмник разразился навевающей тоску, ёкающей в животе музыкой, которую называли траурной; а наутро почтальон принёс газету в чёрной рамке, где они с отцом увидели фотографию лежащего вождя с прекрасным добрым лицом и такой родной шевелюрой.

— Будто спит — да, папа? — спросил он, хотя догадывался, что это какой-то особый сон.

— Да, — согласился отец, а мама села к пианино и стала играть что-то негромкое и печальное...

Но вдруг мелодию обрезал дверной звонок — и в квартиру вломилась пышно-круглая соседка что через стену; звали её Александрой Ивановной, а ещё уполномоченной...

— Великий вождь умер! — прорыдала она, всплеснув руками. — Всенародное горе! А вы тут бренчите.

— Да это же «Лунная соната»! — воскликнула, оправдываясь, мать.

— Всё равно прекратите!..

Когда соседка ушла, малец спросил:

— А он и правда умер?

Мать кивнула. Он точно ещё не знал, что это значит, но догадался: теперь любимый могучерукий человек никогда не поднимет его к небу, как ту счастливую пионерку. Его заинтересовали подробности:

— А когда?

— Вчера, в двадцать один час пятьдесят минут.

Слова матери озадачили: самого-то мальчика обычно отправляли спать в девять вечера.

— Ну почему же так поздно?.. — удивился он.

А примерно через неделю мальцу исполнилось пять лет и по этому случаю собрались гости с кучей подарков. В разгар веселья он, улепётывая от приятелей, примчался на кухню, с разбегу, хохоча, плюхнулся спиной на кушетку возле печки-голландки, на него с визгом навалилась куча мала. Отбиваясь от щипков и тычков и продолжая хохотать, он вдруг растолкал всех и замер, уставившись в потолок.

— Хватит! — прикрикнул на озорников. — Идите за стол.

Мальчишки ушли, а он неотрывно глядел на две заслонки дымохода... Как он раньше не замечал?! Это же портреты вождей! Те же бюстики, что торчали на верхней крышке пианино. Справа, ясное дело, шевелюрый: отверстие рукоятки на месте лица — ровненькое и целенькое кольцо. А слева, само собой, лысый — у него кольцо такое ж, но с широкой выщербиной на темечке...

* * *

Однажды, когда малец давно уже стал взрослым, он вспомнил свои детские фантазии и подумал: быть может, тем лишь и оправдано земное существование былых вождей, что в памяти ребёнка они остались печными заслонками?

Малиновый пирог

В столовой всегда пахло вкусно. Ну, там, по утрам — кашей молочной; в обед — борщом и котлетками; за ужином — больше всего клюквенным киселём. Но это были обычные, не праздничные запахи. Вот почему, когда малец увидел на законном карнизе это чудо, у него рука с ложкой остановилась на полпути до рта...

Там, за стеклом, взявшись неведомо откуда, лежал знатный кусок пирога с малинового цвета начинкой!

О тарелке с борщом было забыто. То есть он, конечно, дохлебал до самого доньшка, но то и дело посматривал на заветное окно: не унёс ли кто его лакомство? Почему он так сразу счёл пирог своей собственностью — объяснить смог бы вряд ли. Наверно, по праву первооткрывателя.

Из второго блюда осилил он лишь половину котлетки — весь остаток аппетита устремлялся лишь к вожделенному десерту. Но отправиться к намеченной цели он мог лишь после того, как все остальные дети из его отряда допьют компот, поднимутся по команде вожатой и проскандируют:

— За вкусный обед — спа-си-ба!..

Из существующих в родной стране лагерей малец знал только пионерские. Старшие сёстры каждый год там бывали и возвращались загорелыми и довольными. А вот ему первый же, куда он попал, перейдя во второй класс, не понравился ни капли. Раньше он никогда не расставался с родителями так надолго, а теперь каждое утро просыпался с рассветом и тосковал по дому, уставившись на голую лампочку над своей койкой. Никаких интересных занятий тут ему не нашлось: заправка постелей конвертом — воспитатель проверит, чтоб ни одной морщинки не было, хождение строем по территории и пение хором. Больше и вспомнить-то нечего! Вон сестрицы в своих лагерях каждый день в Чёрном море купались, а у него ни речки, ни даже захудалого пруда нет. Только и радости, что вечером кино крутили, да и то не всегда. Когда он стал постарше и побывал в других пионерлагерях, там жизнь кипела и веселья хватало с избытком, а вот с тем первым ему ну никак не повезло. И среди этой тоски зелёной так восхитил его и окрылил мечтой ощутить вкус домашней сладости — будто с неба упавший кусок малинового пирога.

Чтобы найти предлог улизнуть из строя, малец придумал «забыть» в столовой белую панамку. Вожатая отпустила его и велела явиться на площадку с летней эстрадой, где намечалась репетиция перед завтрашним итоговым смотром художественной самодеятельности. Он взял оставленную на стуле панамку, издали бросил взгляд на окно — пирог оставался на прежнем месте.

Чутко озираясь, малец прокрался вдоль стены столовой к желанной цели... Вот незадача! Росточку ему не хватило, чтоб дотянуться до карниза.

Тогда он побежал обратно в столовую: может, удастся открыть окно и достать пирог изнутри? Но там уже скоблила шваброй полы злющая уборщица — она так цыкнула на мальчика, что тот отскочил назад, как мячик от стенки.

Что же сделать?.. Найти какую-нибудь палку и ею столкнуть пирог вниз? Вряд ли удастся поймать его на лету одной рукой. Нет! Нужно соорудить подставку, чтобы крепко схватить добычу двумя руками. Из чего бы?..

Пройдясь по задворкам столовой, он подобрал несколько битых кирпичей, которые мальчишки с его двора называли «половинками». Поставил их одна на другую — чересчур шаткая опора: не устоишь, ляпнешься.

Тогда он сунулся с чёрного хода на кухню. Там ему сдавило дыхание едким чадом, он аж отшатнулся. Потом притерпелся, дышать стало чуток легче, и увидел, что из людей никого нет, а у стены разглядел приземистую деревянную табуретку. Это как раз то что требуется!

Табуретка оказалась тяжелой. Насилу дотащил он её до нужного места. Облегчённо выдохнул, взобрался на неё вначале коленями, затем выпрямился во весь рост — протянул руку к пирогу...

И чуть не свалился от нахлынувшего внезапно отвращения...

Пирог, его малиновый пирог, доставшийся ему как награда за упорство и находчивость!.. Какой ужас! Весь засохший, покрытый

ключьями плесени, издающий затхлую вонь. И только муравьям всё это нипочём: спуют по нему хлопотливо и целеустремлённо...

На репетицию он, конечно, опоздал, за что получил нагоняй от вожатой. В наказание ему пришлось исполнять самостоятельно песню, которую без него разучивал хор:

*То берёзка, то рябина,
Куст ракиты над рекой.
Край родной, навек любимый,
Где найдёшь ещё такой?..*

И хотя песня эта ему очень даже нравилась, он через силу, еле слышно, без всякой охоты гундосил её слова, всё ещё переживая горечь постигшего разочарования и обиду на весь белый свет...

Зато назавтра все огорчения были забыты напрочь. Потому что на отцовом «Москвиче» мальчика приехали навестить родители. И как раз попали на концерт, где хором исполнялась вчерашняя песня. И теперь малец выпевал её слова старательно и от всей души:

*Детство наше золотое
Всё светлее с каждым днём.
Под счастливою звездою
Мы живём в краю родном...*

Мама потом сказала, что его голос был слышнее всех. И что тётушка передала для него большую миску сладких пирожков.

Неужели с малиной? Нет, оказывается, с абрикосами. Так это ничуть не хуже!

На следующее утро малец проснулся рано-рано — ещё и звёздочки не все в розовеющем небе утонули. Даже во сне его не покидало ожидание чего-то до слёз радостного. А едва раскрыв глаза, сразу вспомнил: родители! Он потихоньку выбрался из постели и, как был, в одних трусишках, босиком, помчался по

росистой тропинке к полускрытой кустами дырке в заборе, пронырнул сквозь неё, перемахнул просёлочную грунтовку и через какую-то минуту оказался на опушке рощи возле знакомого «Москвичка» цвета кофе с молоком... Потянул за ручку заднюю дверцу, увидел домашнее зелёное шерстяное одеяло. Оно, как по волшебству, само приподнялось — малец юркнул в серёдку и... растаял в блаженстве.

* * *

Изо всех искорок испытанного в жизни счастья — эта осталась навсегда одной из самых светлых и жарких: он подбегает, дверца распаивается, а под зелёным шерстяным одеялом его ждут два самых любимых на земле человека — мама и папа.

ОЛЬГА АНДРЕЕВА.

г. Ростов-на-Дону

Ольга Юрьевна Андреева родилась в 1963 году в Николаеве.

Окончила институт инженерного транспорта в Днепропетровске в 1985 году. По профессии инженер-строитель. Работает проектировщиком автомобильных дорог. Публиковалась в альманахе «ПаровозЪ», журналах «Новая Юность», «Дети Ра», «Нева», «Ковчег», «День и ночь» и других. Автор восьми поэтических сборников. Лауреат конкурса «45 калибр» в 2013 и 2015 году. Финалист Прокошинской премии 2014 года. Лауреат конкурса «Эмигрантская лира» 2019 года. Дипломант конкурса «Русский Гофман» 2019 года. Член Союза российских писателей

О ЧЁМ ТЫ ГОРОД?

* * *

Август — прохладнее строже взрослее,
лето — уверенно-синего лада,
классика, шорты — примета плебея,
в ликах отчётливей дышит Эллада.

Август, оттаяли и продышали
место под солнцем — и место для солнца
в робкой вселенной. Деревья ветшают,
дарят плоды, никакой подтасовки.

Август — излишество, роскошь, награда —
страннику, пахарю, барду, поэту,
не изгоняют из райского сада,
со стервоточиной яблочко это...

Не умещаются плотные струи
в узкое горло большого кувшина,

не согласуются реки и руны,
не проглотившие боли аршина,

лето — не кончится, это же просто,
надо же верить судьбе хоть немного,
надо всего лишь уменьшиться ростом,
снизить чувствительность там, за порогом.

КРЫМ. НОВЫЙ СВЕТ.

Внутри Орла семь километров штолен,
заполненных шампанским «Новый Свет»,
а под горой вылизывают штормы
давно разбитый о скалу корвет.

А что плохого в глине и деревьях?
От волнорезов крымский бог хранит,
прекрасное морское побережье
пока не упаковано в гранит.

Коррупциозность жертвоприношений
не обузда произвол стихий.
Дракона Капчика хочу обнять за шею
и прошептать в ушко свои грехи.

О, Ты умеешь исчезать с радаров...
Но здесь, в раю, светлеют без борьбы
и заливная бархатистость карих,
и острый нож сверкнувших голубых.

В пушистом хвойном небе Меганомы
нелепо запрещать себе летать.
Моё перо умеет так немного —
не рунам можжевеловым чета,

не воздуху густому с пышной пенкой,
не треску сокрушительных цикад.
Балуется терракотовым оттенком
струящийся с балкона виноград.

Избави бог всё понимать буквально —
деревьев узелковое письмо,
вулкана гнев, земли перинатальный
фатальный бред, восторг нелепый мой.

Напомнишь — не твори себе кумира...
Не под слезу заточен этот стих.
Я разрабатываю эту плоскость мира,
но я при этом помню о других.

* * *

Как можно в поезде — читать?
Лечу, пьянея от цитат.
Вторичность слов — первичность — дня,
он весь сегодня — для меня,
он — из меня, за той чертой,
что маскирует немотой
пульс вечности, что птица влёт
и не заметив, проживёт.

Кто понял жизнь — тот не спешит.
Как тису нравится самшит,
как мимо тянется вокзал,
как верно то, что ты сказал.
А за окном горит стерня,
и это лишь начало дня,
туман, и в нём полмира спит,
и психоделика степи.

О чём ты, город? Ни о чём.
Гордишься старым кирпичом,
лохмотья лозунгов, реклам...
Ты не об этом. Может, храм
расскажет над бедламом крыш —
о чём растерянно молчишь,
и то, что ты имел в виду
в билетно-кассовом аду.

Как только пар сорвёт свисток,
поедем прямо на восток —
железный грохот эстакад
достал, как 25-й кадр.
Ямал по-русски — край земли,
там рельсы кончатся. Вдали
на белой простыни листа
очнувшись, вздрогнула звезда.

* * *

Ты моё наказание за Евин грех,
чем дышу ещё — тем плачу сполна.
Верить значит — знать, что прощают всех,
так не всё ли равно, чья была вина,
чья невинность — семь вёсен — один ответ,
семь дождей, да у радуги семь полос.
Понимают ли? А прощают — всех,
и весной-виной утро занялось,
не поймёшь, то ли новости, то ли рэп,
то ли кто-то в эфире сошёл с ума,
то ли я адаптировалась к игре,
то ли это Китежа терема...

* * *

Вот и снова Ивана Купала.
Прошлогодний костёр не затушен.
Мир трёхмерен? А блики на скалах,
монологи в районе макушки —
это как сосчитать? Знаешь, лето,
я когда-то умела быть точной,
и текучие формы предметов
не сбивали раскраской восточной.

Навалишенка... Ох, навалилось...
Поразила каньоном узорным,
растворила его в иллюзорном,
зыбком мшистом лесу.
Не свалилась
вниз с карниза — за это спасибо,
за резные пушистые глыбы.
Небо льётся, и льётся, и льётся
в пересохшее горло колодца.

По тропе живописной, с корнями,
научившей меня материться,
но корябаться бесперспективно —
вдоль реки, по неверному краю...
Это время разбрасывать камни —
как Серебряное копытце.
Что-то главное я упустила
в этой жизни. Потом наверстаю,

если стану листвой и травой —
будет время. Уйду с головой.

В МУЗЕЕ АХМАТОВОЙ

А в комнате царицы — рог вазы, холод печи,
овал зеркальной глади над сонным креслом.
Ещё прекрасный профиль судьбой не изувечен.
Поэту нужен — угол и только снится — дом.

Овал зеркальной глади луну в простом окладе
впускает каждый вечер погреться у огня —
заглядывай в тетради, но только, бога ради,
не пророни ни слова, не спрашивай меня.

Над узкою кроватью — рисунок Модильяни,
олень — хранитель писем на краешке стола.
Овал зеркальной глади не возвращает Ани,
серьёзной дикой девочки из Царского Села.

* * *

Функция этих балконов —
беречь старину,
смысла иного в них нет,
да они и не ропщут.
Так налетевшему ветру
былинку-струну
не отдаёт
в пух и прах разорённая роща,
так остаются на память
слова без корней,
только из суффиксов
с ролью утраченной неги,
так исчезают просветы вверх,
в глубине,
непроницаемо плотной
до первого снега.

Точку поставить — успеется.
Точка ловка,
зла и конечна —
щелчок на замке сундука,
выстрел контрольный —
растаю, сверну лепестки,
просто исчезну в рассвете
к исходу строки.

* * *

Я хочу стать немой. Только слышать, но не говорить,
и тогда уж никто ни о чём меня больше не спросит,
и тогда в оправданье не буду юлить и хитрить,
и косить под тихоню, и выглядеть важной и взрослой.

Я не буду любезничать по телефону и без,
буду взглядом отталкивать пустопорожние речи.
И в глазах моих будет смеяться восторженный бес,
и на глупый вопрос «почему» ничего не отвечу.

Всё, что я говорю — это, в сущности, блеф, ерунда,
а молчание — золото, амбра, медовая брага.
Мне и жестом ответить совсем не составит труда,
и зачем мне слова, если есть карандаш и бумага?

Только... петь иногда и молиться, читая стихи,
и шептать свои глупости там, где кончается вечер,
в твои уши, и детям прощать их смешные грехи —
лишь для этого нужен пока мне ещё дар русской речи...

Надежда КУСКОВА

г. Мышкин

МАЙСКИЙ ЖУК

От Даши пахло солнцем и радостью: она принесла из школы в спичечном коробке майского жука.

— Это мне Дима подарил. А я ему дала полтора рубля. Тоже в подарок.

Он усмехнулся насмешливо-ласково:

— Дорогой, дочка вышел у тебя жучок-паучок. Ну, неси быстрее свою покупку в комнату, пока мать не разделала нас под орех: деньги она тебе всё-таки на завтраки даёт. В кухне было открыто окно, и вместе с солнцем, в дом проникал запах молодых берёзовых листьев, сочной травы и пропитанной талой водой, разогретой земли.

Даша, сидя за обеденным столом, всё вытягивала тоненькую шейку, глядела на яркие, с блестящими листьями, берёзы у соседнего дома, пытаясь угадать, где прячутся сейчас майские жуки. Дашины тонкие и пушистые волосы на солнце тоже блестели и даже светились, создавая ореол. И он внезапно остро-болезненно пожалел дочурку:

— Майские жуки в сумерках начинают летать. Как-нибудь сходим вечером и наловим сколько твоя душа пожелает.

— Папа, ты лучше всех!

Даша чмокнула его в щёку где-то возле уха и выбежала — тоненькая и светлая, как солнечный лучик, как счастье, которого всю жизнь ждал. Он шёл потихоньку следом — всё-таки целое событие у второклашки, майский жук, поселившийся в спичечном коробке. Надо и отцу посмотреть.

Насельник маленького домика сидел тихо, не подавая признаков жизни.

— Да есть ли там кто? Может, мальчишки пустой коробок подсунули?

— Есть-есть, я его видела, он спит. Дима сказал, что он скоро проснётся.

И она приоткрыла коробок, показывая неподвижную, покрытую хитином тёмную голову и скрюченные лапки. Потом Даша делала уроки и всё прикладывала к розовому, просвечивающему на солнце ушку, коробок: вдруг в недрах его зашуршит? И клонила голову то в одну, то в другую сторону, тугие светлые косички ёрзали по спине. Жук не шуршал. Девочка пригорюнилась, смотрела недоумевающее и серьёзно, как маленькая старушка.

— Давай, дочка, выпустим его на вольную волю. Что же ему в темнице томиться. Ему и воздуха весеннего хочется хлебнуть, и листьев берёзовых поглотить. От них, от берёз-то, не убудет.

Не будешь же объяснять, что майский жук прекратил своё существование на земле ещё до того, как попал в руки к Даше — не поймёт. Впрочем, по-своему она о чём-то, кажется, догадывается.

Они вместе открыли обе створы окна в её узкой и длинной, как пенал, комнате, внизу изящно трепетали на ветру резными листьями два клёна — один побольше, проклюнулся два года назад сам, а второй совсем маленький, принесли вместе с Дашей от соседа через год. Как она серьёзно объяснила по дороге всем встречным: чтобы не скучно было расти клёну-малышу одному.

Даша открыла коробок с жуком, перевернула донцем вверх и для верности трянула — маленький жалкий комочек полетел вниз. Его мотало потоком воздуха — вот и весь полёт. И Даша прокричала вслед:

Лети, мой жук, лети!

Нет жалости, прости.

Лети, где облака

Берёзы и река!

— Это ты сама сейчас сочинила? — удивился он. Очень сильно удивился, что даже не спросил, а почему же жалости у Даши нет. Или для рифмы прибавила?

— Ты спишь? — раздался у двери резкий отчуждённый голос. Он вздрогнул, очнулся, открыл глаза. У двери Даша с пятилитровым баллоном воды в руке. Не та Даша, которую он только что видел в своих грёзах и остро-болезненно жалел. Взрослая — высокая, тонкая, с распущенными пушистыми волосами. Красавица.

— Да что-то обеспамятовал я. Забыл, что в больнице лежу.

И он с сожалением увидел в больничное окно всё то же мглистое серое небо, голые ветки ивняка и старую шиферную крышу соседней многоэтажки.

— Воды принесла, — так же неприветливо сказала дочь.

— Да, спасибо. Затруднил тебя. Но здешнюю, из-под крана, пить невозможно. Бог знает, чем пахнет.

Даша одна из всей его семьи навещает его в больнице, где он оказался с каким-то непонятым заболеванием: отказали ноги, болели кости, и всё время хотелось спать. С женой давно в разладе, хотя официально и не в разводе.

Да и Даша побудет минуту-другую у его постели — и на выход. Дома её дети ждут. Муж, кажется, четвёртый по счету. Но сегодня дочь задержалась. Посидела молча на стуле возле кровати как-то уж очень непонятно глядя на него. Лицо с правильными чертами, светлое, но неподвижное, без мимики. Глаза непроницаемые, холодные. А маленькая Даша, бывало, очень любила строить забавные и умильные рожицы, и серые глаза успевали рассказать всё до того, как она произносила первое слово.

Не заметил, как Даша ушла. Думал, насовсем. И обрадовался: очень устал, закрыл глаза, чтобы снова грезить о

былом. В полусне, в полуживости не так донимает боль... Но дочь вернулась. Оказывается, была в ординаторской, говорила с лечащим врачом, сходила и к главному.

— Завтра тебя в хоспис отправляют, — сообщила, как о деле решённом. — Там и жить, и умирать будешь.

Он молча закрыл глаза, и снова увидел маленькую Дашу, весенний счастливый день, и вспомнил то своё минутное озарение при виде падающего майского жука.

Когда служил в десантных войсках, то на первом году службы случилось несчастье: во время затяжного прыжка не раскрылся парашют у его друга Серёги. И он сверху с надеждой, а потом с ужасом увидел, как Серёга, похожий на маленькую нарисованную фигурку, стремительно приближается к земле, к месту своей катастрофы.

ГОЛОС БРАТА

— Ищи меня! — знакомый голос звучал откуда-то издалека — сверху, с чердака. И Нина, как была, в тапочках на босу ногу, торопливо, с бьющимся лихорадочно сердцем, побежала вверх по узкой с хилыми перилами деревянной лестнице, даже не гадая, как это брат Алексей оказался под самой крышей — наружная дверь задвинута не на один засов: вору последние годы, почти не останавливаемые милицией, обирают всё, что плохо лежит. Бывает и хозяина на тот свет умело, одним ударом отправят: не мешайся под ногами! Но никакого подвоха сейчас не было: это его, Алёшкин голос, только беспредельно тоскливый... И сестра закричала громко и надрывно:

— Иду!

Странно гулко раздался её ответ в пустом доме. На чердаке что-то большое и невидимое шумно вздохнуло и шевельнулось. Или показалось? Но зов-то ей не почудился? Его голос!

В густом сумраке чердака Нина не заметила старую мебель, больно стукнулась коленкой о торчащие вбок полозья поваленного кресла-каталки. Остановилась, вглядываясь. Вверху, на фоне тёмного рубероида молодо белели стропила. Тянуло знобко октябрьской сыростью: сквозь неплотно закрытый люк, ведущий на крышу, серела узенькая полоска неба. Скучно пахло пылью, старой мебелью.

Алёшкин одинокий голос не повторял свой призыв. И она, установив кресло на полозья, устало присела на сидение из плетёных, местами разодранных прутьев. Задумалась. Жил брат недалеко от Нининой деревни — на железнодорожной станции. Сорок минут езды на автобусе. Но навещал редко и на короткий срок. Да и в это время говорили мало, не бередили друг другу душу расспросами. В последние годы брат держал дистанцию, не желал при встречах рассказывать о личном, об обидах и горестях. А побед не было. Не было их в последнее десятилетие. И поэтому Лешка больше слушал, улыбаясь одними губами. И у Нины щемило сердце — подсказывало, что более несчастных людей на свете не так уж и много...

Жена Алексея несколько лет назад уехала в соседний город нянчиться с первым долгожданным внуком, бросила одного, напоследок, обронив:

— Я выходила замуж за председателя крупного преуспевающего колхоза, а не за охранника частного предприятия.

Через неделю подогнала к дому машину с грузчиками, и так же, не разжимая губ, объявила:

— Телевизор и холодильник забираю.

Выгребла всё, что можно было увезти. И кресла для отдыха на маленьких колёсиках, и стол кухонный. Постояла в раздумье у шкафа-купе. Но он, здоровый, накрепко был прикручен к стене... Отошла нехотя, опираясь на палку. Несмотря на физическую немощь — маленькая, решительная, злая...

Алексей слова не сказал в ответ. Он понял давно, что его переживания и мысли мало интересуют жену Алё — из наивной девушки с круглым лицом и пухлыми губами в начале их совместной жизни, она как-то очень уж быстро превратилась в ухватистую и оборотистую бабёнку без возраста, ко всему равнодушную, кроме своих нужд. Его молчание хорошо бы поняла сестра Нина, тоже *молчуха*, повторяющая в критических ситуациях довольно неказистую, но не лишённую смысла фразу:

— Если нужно что-то объяснять, то не нужно ничего объяснять.

Алексей стоял в прихожей, скрестив руки на груди, смотрел, как жена разоряет их гнездо, лицо её теперь было почему-то не круглым, а вытянутым вперёд, как у маленького хищного зверька, и улыбался. Старался — насмешливо и презрительно. Но и жалость, если бы жена взгляделась — тоже увидела в ясных глазах мужа.

...Ах, Нина хорошо сейчас представила эту картину, хотя не видела Алин наезд, и печальную истину установила по рассказам Алёшкиной соседки, да по нечаянным обмолвкам брата.

И снова не с крыши, а откуда-то из дальней дали, прерывая её раздумья, слабо, еле слышно позвал братишка младший:

— Ищи меня!

Нина легко вскочила, заметалась по чердаку, в углах, у крыши, скопилась тьма, и что-то большое, как ей показалось, снова вздохнуло и поворочалось, поэбилось, пугая.

— Вот ещё, бояться в своём доме — только этого не хватало, — сердито взбодрила она себя.

А ноги, предательски подрагивая в коленках, несли уже по лестнице вниз. На спуске, торопясь, перелетела сразу через две ступеньки, и чуть не упала, но ухватилась за перила, устояла. Только ногу в лодыжке подвернула. Прихрамывая и морщась от боли, подошла к окну.

В тусклом свете уличного фонаря грузной мышью проскочила соседка, завхозиха из детского садика. Как всегда, с неподъёмными сумками, в недрах которых покоились «остатки продуктов», не попавшие ребятишкам на стол. Глаза бы не глядели!

Нина бежала с чердака, конечно, не затем, чтобы, любоваться из окна на разъевшуюся соседку, или греться в кровати под невесомым одеялом из лебяжьего пуха. Но что делать, тоже ещё не знала, даже натягивая на себя джинсы, накидывая куртку на плечи, запирая входную дверь...

Сейчас ей братишка представлялся не высоким внушительным мужчиной, перевалившим на вторую половину жизни, а маленьким мальчиком, укушенным в переносицу разъярённой пчелой. Глаза опухли, заплыли. И — было такое в детстве — Нина водила терпеливого, не плачущего, ослепшего малыша два дня за руку, очень жалея... Но набил-таки Алешка за это время себе синяков и шишек!

Старенькие «Жигули» девятой модели будто её ждали, стояли во дворе, не загнанные в гараж. Включила зажигание, выехала на шоссе. Руль был послушен рукам, а дорога пустынна. На секунду Нине стало весело и бесшабашно, как в юности. Какая-то большая тяжёлая птица низко перелетела над дорогой, едва не ударившись о лобовое стекло. Блестел мокрый асфальт, свет фар выхватывал тёмные, тонкие ветки берёз, с всблескивающими дождевыми капельками. За берёзами угадывался глухой лес, сменившийся частым мелколесьем на месте бывшего колхозного поля. Сбоку мелькнул размытый туманом силуэт церкви без купола и колокольни...

Нина приспустила боковое стекло — ворвался влажный запах прелой листвы, осенней свежести, тумана, съедающего очертания дальнего поворота. За ним темнело в сером едва наступающем рассвете большое село с двумя огоньками. Глянула на часы, скоро восемь... Это когда же деревня так долго спала? Не

доезжая до домов, свернула на неровную дорожку из железобетонных плит и притормозила у длинного полуразрушенного здания.

Нина удивлялась себе — что тут смотреть в старой разрушенной ферме для коров? И всё же потянула за железную скобу тяжёлые ворота, отметив: крыши местами нет, а ворота, как новенькие. Никому, значит, оказались не нужны. Раздался характерный скрежет заржавевших петель, Помедлив, шагнула внутрь, и тут же снизу раздался злобный писк. Она чуть было не закричала от страха и омерзения — из-под ног шурша выскочила огромная крыса.

Бежать! Но ноги к месту приросли. В неясном свете, как рябь на воде, шевелилось на полу полчище крыс — целая крысоферма. Какие-то жуткие звуки — похрюкивания, тяжелого дыхания, шелеста, скрежета говорили о том, что здесь кипит другая жизнь, опасная для человека и мерзостная. Дрожащей рукой потянулась к скобке, и наткнулась на что-то шерстнатоое, и даже, ей показалось — в ладонь сквозь перчатку вонзилось острые зубы...

«Леша, спаси!», — в отчаянии позвала Нина брата. И выскочила на волю. Как в кошмарном сне увидела и на крыше своих «Жигулей» ещё несколько больших серых тварей. Самая крупная крыса, показалось Нине, внимательно смотрела на неё, чуть приподнимая верхнюю губу и скаля мелкие зубы в отвратительной улыбке.

И тут на Нину накатило бешенство, придавшее силы. Схватила палку с дороги и с воинственным диким криком, который сам рвался из груди, пошла на врагов. Крысы тяжело запрыгали в стороны. Краешком сознания отметила, что угрожающая ей тварь, самая разъяренная, широкозадая — спрыгнула последней, И всё оглядывалась на человека, нехотя убегала.

Успокаиваясь, Нина села в машину, и тут только заметила над домами огромный столб огня, прикинула: там немного на отшибе, должна стоять колхозная контора. Час от часу не легче! Вырулила на дорогу, въехала в туманное безлюдное село.

Она не ошиблась, горела контора, и никто не тушил пожар. Только два человека, по виду местные, в резиновых сапогах и защитного цвета телогрейках, мужчина и женщина стояли в отдалении и смотрели на огонь. Женщина недовольно и подозрительно взглянула на Нину, когда та выскочила из машины.

— Почему нет пожарных? — спросила Нина первое, что напрашивалось.

— А ты откуда взялась такая? — вопросом на вопрос ответила местная.

— Я сестра того председателя, при котором строили и ферму, и контору, и мастерские, и ещё много чего.

— А...— зевнула равнодушно местная. — Тот председатель давно отсюда уехал, да и колхоза-то нет уже, земля продана.

— И документы горят, — в тон ей отозвалась Нина. — Чужой дядя скупил за бесценок паи земельные у простаков, а теперь — концы в огонь! — Лицо её казалось бескровным в сером свете утра, и только всполохи пожара бросали на него розовые отсветы.

Ответила машинально, а попала в точку, одним прыжком объёмистая тётка подскочила к маленькой Нине:

— Поезжай, подобру-поздорову, — пискнула она тоненьким от злобы голосом. — Без тебя справимся! И пожарных вызовем, и понятых!

Нина с омерзением и страхом увидела, что лицо её визави, искаженное злобой, начинает вытягиваться вперёд, подозрительно становясь похожим на морду твари, недавно ей угрожавшей. Сколько их развелось — шагу не ступить!

Отъехала Нина недалеко, стала за селом, позвонила в пожарную часть, потом ждала на пустынной дороге, сама не зная

«Причал»

Литературный журнал

зачем: если и потушат пожар —ничего уже не спасёшь. Но ждала...
И всё звучал внутри её печальный зов:

— Ищи меня!

...Умер братишка три дня назад, ему бы ещё жить да жить. И
работать! Где же ей, как не здесь, искать его следы на земле?

Татьяна ШУМИЛОВА

г. Рыбинск

Родилась в 1961 году в Рыбинске. Окончила рыбинскую среднюю школу № 43, затем историко-филологический факультет ЯГПИ им. К. Д. Ушинского по специальности «Русский язык и литература». После института три года работала в школе с. Вошиково Пошехонского района, затем в школе № 43 Рыбинска учителем русского языка и литературы. Публиковалась в местных и областных газетах, в коллективных сборниках. В 2010 году вышел сборник стихов «Мой остров».

ВИСОКОСНЫЙ ГОД

ВРЕМЯ РАЗБЕРЁТСЯ

Кто кого чему учил?
Время разберётся...
Сколько пролито чернил?
И ещё прольётся?

Кто кому был ученик?
Кто кому — учитель?
Чьей душой подавлен крик?
Чья пуста обитель?

Сколько, чьих шагов — за грань?
Чьи мудры порядки?
Кто безумным сердцем дань
Платит без оглядки?

Кто кому обманщик стал?
В чьей игре без правил?
Кто взошёл на пьедестал?
Кто кого прославил?

Чья свеча горит, остыв?
Время разберётся...
Кто живёт, покуда жив,
Счастлив, чем придётся...

УПЛЫВАЮ...

Я куда-то уплываю...
Нет опоры под ногой.
Рухнул мост последней сваей...
Но ни тот и ни другой

Не забил тревогу берег,
Просто думают: плыву.
И не чувствуют потери -
Я на помощь не зову.

Но всё дальше уплываю...
Отступают облака,
Мне такое открывая,
Что не верится пока.

Зацепиться бы за что-то,
Но несёт меня вода...
И сбиваюсь я со счёта,
Повторяя небу — Да!

УЛИЧНЫЙ ФОНАРЬ

Фонарь был до назойливости жёлт
За тоненькой прозрачной занавеской.
Он думал с непосредственностью детской,
Что в поздний час порядок стережёт...

Он видел, как вошла она во двор,
И цвет плаща и зонтика запомнил.
И, уличной решимости исполнен,
Он к тёмному окну направил взор.

В неровном свете собственных лучей
Увидел всюду книги в беспорядке.
Не раз его тревожили загадки
Чужих нерасколдованных ночей.

И, ослеплён докучливым дождём
Напополам с колючей снежной крошкой,
Он всё же позавидовал немножко
Живущему за сумрачным окном.

Тому, кто, так забавно хлопоча,
Спешил раскрыть хрустящий мокрый зонтик
И в свете фонаря, как в позолоте,
Снимал косынку с женского плеча.

* * *

Я хочу обнять тебя! Услышать!
Бросить все дела — какой в них прок?
Разве можно быть друг другу ближе?
Разве у любви не долгий срок?

Я хочу, взбежавши на крылечко,
Обернуться и попасть в капкан
Рук твоих, сквозного ветра легче
Сбивших с плеч дразнящий сарафан.

Я хочу сказать, что так оплошно
Отложить пыталась на потом.

Поправимо всё ещё, возможно.
Сколько красок в воздухе густом!

Сколько жизни в нём! И сколько света!
Столько в сердце сил! На целый век!
Всё готова я вернуть. И лето
Только начинает свой разбег.

Я хочу обнять тебя! Услышать!
Я спешу, забросив все дела.
Вот уже...

Немого склепа тише
Мир, где я так счастлива была.

ВИСОКОСНЫЙ ГОД

Долго, всю ночь, до восхода
Снова мело.
Груз високосного года
Лёг тяжело.

Время подвесило гири
Каждому дню.
Мне — по прохладной квартире,
Вам — авеню.

Мне ещё целую вечность —
Глухонемой.
Вам сквозь неонову млечность —
Плеск за кормой.

Даже апрель без просвета
Снегом метёт.

Год без весны... И без лета?..
Пасмурный год.

ДОМОЙ

К дому зимним вечером
Сокращаю путь.
Жутко. Делать нечего —
Лес не обогнуть.

Ухнул филин жалобно
В гулкой тишине.
Даже сердце сжалось, но
Веселей вдвойне

Представлять ветвей узор
Лапой колдуна,
Позабыв, что этот вздор
Сам пугливей сна.

Вырвавшись из цепких чар,
Я спешу домой.
Прочно где-то лунный шар
Упакован тьмой.

Сунув ноги в валенки,
Темноту браня,
Ты к калитке старенькой
Ждать идёшь меня.

В тёплом доме сторожем
Светится окно.
Это было всё уже...
Только так давно.

Геннадий ГУСАЧЕНКО

г. Бердск, Новосибирская обл.

ОГНИ ПАТТАЙИ

*«Зло причиняет себе, кто ручается
за постороннего, а кто ненавидит
ручательство, тот безопасен»*

Книга притчей Соломоновых. 11.15.

Паттайя-сити...

Прекрасный, тихий город на юге Таиланда, утопающий в тропических цветах и пальмах. Три ряда длинных улиц, в виде подковы обогнувших Сиамский залив, вытянулся он вдоль морского побережья. Величественно-монументально высятся белые небоскрёбы гранд-отелей, фешенебельных ресторанов, супермаркетов, жилых зданий. Сверкают в ослепительных лучах экваториального солнца золочёные буддийские храмы и статуи. Здесь полно головокружительных аттракционов. В вольерах ферм жадному взору туриста предстают слоны и тигры, кобры, удавы, крокодилы. В огромных аквариумах плавают акулы, скаты, мурены, гигантские черепахи. Днём чистые песчаные пляжи переполнены отдыхающими из многих стран мира. А в ночные часы, когда спадает жара, и зной сменяется влажной духотой, разноязычной речью оглашаются питейные, увеселительные, игровые, массажные заведения, площадь Дельфинов, магазин-гигант Ройял Гарден Плаза, пеший Уолкинг-стрит, ночной рынок, стриптиз-шоу.

В разноцветье бегающих рекламных огней, радужным светом которых залита ночная Паттайя, толкаются негры в белых туниках, протискиваются сквозь толпу гуляющих чопорные японцы в строгих чёрных костюмах, галдят неутомонные китайцы, одетые, словно инкубаторные цыплята, в одинаковые жёлтые футболки, важно выступают индусы в чалмах и бритоголовые непальские ламы в монашеских одеяниях. Мелькают красные турецкие фески и арабские тюрбаны, широкополые мексиканские

сомбреро. Форсят татуировками и космами длинных волос европейцы. В ярких шортах и мятых потных майках с надписями типа: «I am blue», с серьгой в одном ухе, важно, будто надутые индюки, вышагивают американцы. Выразительными жестами и завораживающими улыбками приглашают клиентов тайские девушки — ночные «бабочки», многие из которых трансвеститы.

Носятся по городу «тук-туки» — автомобили такси, с брезентовым верхом и лавками вдоль бортов. Вход в низкий салон, открытый приятно освежающему ветерку, по ступенькам сзади. Снуют на скутерах, мопедах, мотоциклах с прицепами приветливые, жизнерадостные тайские торговцы, предлагают сувениры — изделия народного промысла: деревянных слоников, ремни и кошельки из крокодиловой и змеиной кожи, жемчужные ожерелья, подвески из морских ракушек, а также экзотические кушанья: жареных тараканов, акулю печень, омаров, крабов, лангуст, креветок, осьминогов.

Паттайя-сити...

Прибежище российских воротил бизнеса, скупающих здесь недвижимость. Уголовники всяких мастей, предприниматели-жулики, мошенники, скрывающиеся от преследования в России по закону, обосновались в Паттайе. Неплохо устроились в роскошных квартирах, открыли свои кафешки, лавчонки, турфирмочки.

Паттайя-сити...

Сказочное место в миролюбивом королевстве Таиланд. Райский уголок для приятного, беззаботного отдыха. В дневное время изумрудная гладь лагуны белеет парусами яхт, пенящими воду катерами, таскающими за собой на длинных фалах парашюты с экстремалами. Ночью Сиамский залив озаряется бесчисленными огнями большегрузных судов, пассажирских теплоходов, морских трамваев и неоновых реклам города, отражённых тёмно-зеркальной поверхностью моря. Они вспыхивают, флуоресцируют, сверкают, переливаются, загадочно

перемигиваются, увлекают в ночные клубы, где много шумной музыки, танцев, веселья и любви.

...Вилла гендиректора торговой компании «Steel», занимающейся поставками стали в Таиланд, на самом берегу Сиамского залива. Морские волны с шумом прибоя набегают на мраморные ступени террасы, увитой бело-розовыми цветами магнолий и орхидей. В кресле-качалке, в тени пышной кокосовой пальмы, наслаждался утренним бризом господин Анри Жевьен, хозяин этого царственного великолепия архитектуры и природы, искусно выраженного художником-дизайнером.

Господин Анри Жевьен лишь под утро вернулся из ночного клуба и теперь, подрёмывая, нежился в горячих лучах. «Как хорошо, что есть на земле местечко не проходящего лета с вечнозелёными пальмами, — думалось ему, — где можно спрятаться от жгучих сибирских морозов, от прокурора и налоговой инспекции... Ха-а! Свой бизнес в Паттайе! Фамилию и гражданство поменял! Француз Анри Жевьен! Круто! Не найдут ни майор Евдокимов, ни братки, которых нагрел на махинациях с бензином...»

Анри Жевьен, он же Николай Метёлкин, выпил чашечку кофе, съел кусочек ананаса и блаженно вытянул ноги. Хорошо-то как! Ни тебе узких фарватеров... Ни мелей... Ни рыбаков, осаждающих его танкер с канистрами, баками, цистернами... Ни вечной дрожи в коленках: «А вдруг поймают, возьмут с поличным... Кто стучит в дверь? Уж не за мной ли милиция?» Всё сейчас у него шито-крыто... Деньги за аферы с бензином отмыты в швейцарском банке... Переведены в доллары... В тайские баты... Теперь к нему не подкопаешься... Бизнесмен Анри Жевьен! Генеральный директор компании «Стил»!

Глаза прикрылись веками... Руки, лежащие на подлокотниках кожаного кресла, выточенного из тика, незаметно ощутили дубовую твердь рукояток штурвала на ходовом мостике танкера. Кресло-качалка превратилось в гулкую палубу судна,

раскачиваемого речными волнами...

...С наступлением сумерек танкер «Бахметьевск», громыхнув цепями, бросил якоря посреди реки. Мощный винт, вспенивая воду за кормой, помогал судну противостоять встречному течению, удерживал на одном месте. Гул грохочущих дизелей оглашал залитые половодьем береговые заросли тальников, эхом отдавался в таёжных склонах. Дрожала нагретая июльским солнцем палуба. Волны били в борт нефтеналивного судна, сотрясали корпус.

Уже совсем стемнело, когда двое мужчин притащили на корму упирающегося изо всех сил человека. Его рот был заклеен липкой лентой, руки схвачены сзади наручниками, а на шее болталась верёвка с петлёй. Топовый огонь на мачте тускло освещал мрачную картину ужасной драмы, которая вот-вот должна была разыграться на юте танкера. Судя по тому, что к ногам мычащего человека привязали двухпудовую гирию, должно было случиться что-то страшное и непоправимое. Об этом говорило перекошенное животным страхом лицо жертвы.

Один из двоих, парень в матросском тельнике с засученными рукавами, с рыжеватыми кудряшками под беретом, курил сигарету в ожидании злодейской расправы над беспомощным человеком. Другой, в морской фуражке с белым чехлом и в кителе с погончиками капитана, попыхивал трубкой, негромко и с расстановкой говорил речь. Начал он с извинений и покашливаний.

— Ты, конечно, извини, Борис... Мне очень жаль, что электрик Васин, за которого ты поручился, оказался стукачом... В сложившейся ситуации вижу один выход: отправить тебя на дно к рыбам... Чтoб тем, кто не умеет держать язык за зубами, послужило уроком... Думаешь, нам хочется это делать? Но пойми, Борис, нас правильно. Твой протеже засветился в компании опера угро майора Евдокимова. Наши ребята видели Васина в кабинете этого рьяного сыщика, на рыбалке вместе с ним... О чём они там мило беседовали, Борис? Догадаться нетрудно. Полагаю, не только о

поклёвке и погоде... Скорее, о том, как мы сливаем бензин из нашего танкера в ёмкости рыбаков... За полцены... Им хорошо... И нам навар... А теперь, Борис, финита ля комедия... И всё из-за твоего Васина... Не к ночи будь он помянут... Твой приятель, понятно, растрепал оперу, как ты перекачивал горючку в цистерны наших компаньонов по бизнесу... Возьмут тебя следаки за жабры, раскрутят и весь наш дружный экипаж отправится на лагерные нары... Так не лучше ли тебе спрятаться на дне? От Васина мы вчера избавились. Вкололи ему бычьую дозу наркоты... Ревел белугой, не давался... Загнулся как таракан под дихлофосом. Экспертиза покажет: передозировка... Сейчас твой черёд, Борис. Поручился за него под за залог — платить надо по полной. Ведь как советует мудрый Соломон, говоря о залоге: «Возьми платье его, так как он поручился за чужого; и за стороннего возьми от него залог». Глава двадцать, стих шестнадцать... Хотя, тебе эти знания уже ни к чему... Я предлагал тебе, Борис, дать залог в сто тысяч «зелёных»... Ты отказался... Сказал, что ручаешься за Васина головой... Слово надо держать. Верно, Крыж?

Коренастый, крепко сбитый матрос, нетерпеливо слушавший долгую тираду капитана, с готовностью кивнул. Схватился за цепочку, ограждавшую проход между леерными стойками, подпихнул к нему гирю.

— Может, пора его за борт, Николай Дмитриевич? На камбузе кофе стынет... И фильм угарный по телеку идёт...

Капитан предупредительно поднял руку.

— Погоди, Крыж... Я ещё не закончил диалог...

Он раскурил потухшую трубку и сказал так, будто не было перед ним человека с удавкой на шее и с гирей на ногах.

— Волна разгулялась... Трудно будет толкачу швартовать баржу к нашему борту... Ты проверил шланги, Крыж?

— Так точно, господин капитан...

— Теперь вместо Бориса будешь заведовать запорным вентилем... И доля твоя увеличится...

— Спасибо, Николай Дмитриевич...

Человек в наручниках мычал заклеенным ртом, бессильно дёргался, задыхался в удавке, наброшенной на шею и примотанной к лееру. Глаза его, широко открытые, молили о пощаде, но капитан не замечал их, занятый трубкой. Пыхнул дымком, продолжил убийственную речь.

— Знаю, Борис, что если тебе сейчас разлепить рот, — со спокойной неторопливостью говорил он, — ты начнёшь оправдываться, просить прощения. Но веры к тебе у меня уже нет... Сам посуди: что будет с командой «Бахметьевска», если опер Евдокимов с твоей подачи раскопает хищение бензина? Нас всех повяжут, Борис... Ты уж постой там, на дне, подумай хорошенько, взвесь все «за» и «против», почему Васин снюхался с майором Евдокимовым? Не с твоей ли подачи, Борис? Помнится, в пьяном угаре ты грозился всех сдать... Тебя обидели при дележе? Нет, не обидели... У нас каждый честно получает свою долю согласно занимаемой должности... Верно, Крыж?

Матрос подобострастно кивнул и вынул нож. Церемония бессмысленных нравоучений ему порядком наскучила.

— Вот видишь... А ты поручился за Васина головой... Должок придётся вернуть, Борис... Ты подставил всех нас... Мне, право, очень жаль... Ты был хорошим мотористом... Этого никто не отрицает... Кстати, я сообщил диспетчеру порта, что ты ушёл в город за пивом и не вернулся. Мы вышли в рейс, получается, без тебя... Пусть ищут... А здесь, Борис, под килем сорок пять метров... Кто найдёт тебя на такой глубине? Да и в голову никому не придёт искать тебя здесь... Нам улики не нужны... Ну, ладно... Авось, свидимся на том свете... Скоро буксир подойдёт за халявным топливом для иномарок. Загоним тонн шестьдесят, и пока не улягутся страсти, притухнем на время... А всё из-за тебя, Борис... Из-за твоего ручательства... Пасут нас... Бывай... Извини... Некогда читать лекции о любви и дружбе... Буксир с баржей на подходе...

На манер римских кесарей капитан опустил большой палец книзу, и матрос одним взмахом ножа отрезал удавку от леера. Сбросил цепочку ограждения и толкнул несчастного за борт. Увлекаемый тяжёлой гирей, моторист, стоя, с лёгким всплеском, мгновенно ушёл в воду. Крыж деловито набросил леерную цепочку на крючок.

— Ну, так я пойду, Николай Дмитриевич?

— Зайдёшь ко мне после того, как отвалит буксир... За вознаграждением, — сказал капитан, отправляясь в ходовую рубку.

Матрос Крыжовников, насвистывая марш тореадора, заторопился на камбуз, где пахло горячим кофе, слышался смех, и стучали костяшки домино. Откуда-то из фиолетового мрака расплывчатым призраком выполз чёрный силуэт речного толкача с баржей-бензовозом. В свете прожектора сноровисто работали речники. Пришвартовали баржу, быстро перекинули на неё толстый гофрированный шланг, и Крыжовников открыл вентиль. Пенистая струя бензина упруго ударила в пустую цистерну, зазвенела внутри, наполняя её. Когда бензин, перекачанный с танкера, достиг горловины огромной пузатой ёмкости, Крыжовников закрутил задвижку. С буксира на палубу танкера перебрался человек в куртке с наброшенным на голову капюшоном и с кейсом в руке. Легко взбежал по трапу, поднимаясь в капитанскую каюту.

— Здесь вся сумма... Будете пересчитывать? Нет? — выкладывая деньги на стол, — сказал он. И обеспокоенно бросил:

— К пристани Ольховой не подходите... Возможна засада... Кто-то настучал в полицию, что в Ольховой вы сливаетесь...

— Разобрались... Больше не настучат... Но несколько рейсов придётся сходить без навару...

Буксир и баржа опять растворились в темноте.

«Бахметьевск» выбрал якоря, прибавил винтам оборотов и ходко двинулся вверх по реке. Миновал Ольховую к большому разочарованию сотрудников полиции, затаившихся в прибрежных

кустах в ожидании перекачки украденного бензина.

— Кто-то предупредил капитана «Бахметьевска», что мы стережём их, — досадливо покусывал травинку майор Евдокимов. — Эх, Васин... И угораздило тебя сесть на иглу... Или тебя посадили на неё... Выясним... Накроем эту шайку-лейку, не сегодня, так завтра... Как пить дать, накроем...

Капитан «Бахметьевска» Николай Метёлкин был другого мнения, прямо противоположного намерению оперуполномоченного уголовного розыска майора полиции Евдокимова.

— Врёшь... Не возьмёшь, — вслух размышлял он, складывая деньги в сейф-тайник, вмонтированный в книжный шкаф. Одну пачку крупных купюр откинул в сторону. Накрыл её фуражкой, когда в дверь каюты постучали.

— Войдите, — коротко сказал капитан, закрывая сейф книжной полкой. Вошёл матрос Крыжовников. От него несло бензином, как от неряшливого шофёра.

— Твоя доля, Крыж... Ты отличный парень... И толковый матрос... С понятием... Слушай меня во всём, и будешь купаться в деньгах... Предлагаю стать моим зятем... Дочка у меня засиделась в девках... Женись... Придём в порт, я вас познакомлю... Принеси чаю с лимоном... И не забудь постирать мне носки...

Предупреждённый о засаде полиции и готовящихся проверках, Метёлкин решил не рисковать и прекратить воровство бензина из танков «Бахметьевска». Временно... До лучших времён, которые так и не наступили. Против команды «Бахметьевска» и других экипажей, уличённых в хищениях и перепродаже бензина, возбудили уголовное дело.

Метёлкин не стал дожидаться ареста. Добыл фальшивый паспорт гражданина Франции Анри Жевьена. Прихватил чемоданчик с долларами и в одно дождливое утро проснулся в салоне «Боинга» от грохота его колёс, бегущих по взлётно-

посадочной полосе аэропорта Бангкок.

...Он вздрогнул, слышав за спиной стук гета — деревянных японских сандалий. И самолётное кресло вмиг стало качалкой на террасе его роскошной виллы.

— Тебе чего, Сато?

Синий шёлк кимоно прошуршал широкими ниспадающими рукавами.

— Анри-сан... К вам господин Крыжовников, — учтиво кланяясь, доложил дворецкий Сато Ямакава.

— Кажется, я задремал, Сато... Коньяк подай и скажи зятю... Пусть войдёт...

— Слушаюсь, господин Анри-сан...

Сато с поклоном удалился, унося в белых перчатках кофейный сервиз из тончайшего китайского фарфора. Скоро возвратился с серебряным подносом, на котором поблескивали бутылка армянского коньяка и хрустальная рюмка в золотом обрамлении.

Вошёл невысокого роста толстяк в тёмных очках, в пятнисто-оранжевых шортах и в белой футболке с изображением слона — символа Таиланда. На лысеющей голове с прядями рыжеватоседых волос бейсболка с длинным козырьком.

— Доброе утро, Николай Дмитриевич! — с заискивающей улыбкой поздоровался он.

— Здорово, Крыж! — не отрываясь от кресла и не подавая руки, ответил гендиректор компании «Стил». — Опять денег в долг пришёл просить? Думаешь, если женился на моей дочери, то я отвалю тебе тысячу баксов, и ты опять просадишь их в казино? Не надейся, зятёк...

Сато налил в рюмку коньяк.

— Не для себя прошу, Николай Дмитриевич! — брату хочу помочь... Турфирму он открыл... Здесь, в Тайланде... Мы же с вами давно знакомы, Николай Дмитриевич... Вместе начинали на «Бахметьевске»... Я — матросом... Вы — капитаном...

— Много воды утекло с тех пор в той реке, по которой мы ходили на том славном танкере... Я компанию создал за это время... Ты срок отмотал... О своей семье беспокойся, а не о чужой... О жене, дочуре моей... Пора бы вам уже сделать меня дедушкой...

— Брат мне тоже не чужой... Раскрутится, вернёт долг... Могу за него поручиться.

— Ты, Крыж, забыл про моториста, который поручился за приятеля... За Васина, который сдал всю нашу команду и тебя в том числе... Из-за того поручительства мы все лишились навару, а ты, Крыж, схлопотал семерик.... Поверил я тогда мотористу на слово, взял его дружка на судно... А что получилось?

— Брату я верю...

— Вижу, не читал Библию, которую я передал тебе в зону... Иначе не стал бы сейчас ручаться за кого-то... А что сказал мудрый Соломон? «Не будь из тех, кто дают руки и поручаются за долги». Книга притчей, глава двадцать два, стих двадцать шесть... Уразумел? Нельзя ни за кого ручаться... —

Слово даю: верну долг! Вот рука моя!

Метёлкин-Жевьен протянутую руку зятя оставил без внимания. Одним глотком опорожнил рюмку с коньяком, заел ананасом. Сато поднёс трубку из тика, украшенную витиеватой резьбой тайского умельца. Бывший капитан «Бахметьевска» раскурил её, и попыхивая дымком, рисуясь, с пафосом, сказал:

— А вот тебе другая притча Соломонова: «Человек малоумный даёт руку и ручается за ближнего своего».

И для убедительности добавил:

— Глава семнадцать, стих восемнадцать...

— Так вы... Так ты дашь денег? — теряя терпение, выкрикнул Крыжовников.

— Под залог, Крыж... Что ты дашь в залог? Ведь у тебя ничего нет... Ты всё спустил за карточным столом в казино...

— Какой ещё залог, к чертям собачьим?! Вы, что, не верите

мне, па-па? — с ехидцей, насмешливо спросил Крыжовников — После того, как повязали всю нашу братву за афёры с бензином, я отсидел своё... От звонка до звонка... Как запахло жареным, ты слинял за кордон, бросил меня и свою семью... И не помог мне выкрутиться или хотя бы скостить срок... Нанять хорошего адвоката... Нет, дорогой папаша... Не забыл я того моториста, который всё ещё тычком стоит на дне реки... И Васина тоже, уколотого по твоему приказанию... Одной удавкой мы с тобой повязаны... И только я один знаю, кто ты есть на самом деле. Может, посидишь на старости лет на киче, па-па? — Ладно... Не кипятись... Всё же ты зять мне... Сколько просишь, Крыж? — уже миролюбивым тоном произнёс тесть. Заметно волнуясь, щёлкнул пальцами, и Сато наполнил рюмку коньяком. Выпил, заел кусочком ананаса, собираясь с духом. — Так сколько, Крыж?

— Миллион баксов... И ни доллара меньше...

Гендиректор компании «Стил» взял курительную трубку, но она выпала у него из рук. Сато услужливо поднял, подал:

— Пожалуйста, господин Анри-сан...

Пытаясь успокоиться, он пыхнул сизоватым дымком, закашлялся.

— Это грабёж, Крыж... У тебя хватка акулы...

— У меня был хороший учитель... Так я жду... Может быть, мне позвонить в полицию, господин капитан? Или как вас теперь называть? Месье Жевьен? Трясущими руками Метёлкин-Жевьен достал из-за пазухи чековую книжку и выписал счёт. На миллион долларов. Вырвал драгоценный листок, не решаясь отдать зятю. Он понимал, что от этого невзрачного на вид банковского бланка зависела сейчас его судьба и жизнь. Он ещё не знал, каким образом, но в любом случае этот миллион ставил его в тупик. Не отдать — париться в тюрьме всю оставшуюся жизнь. Отдать — лишиться всего... Раздумывал, медлил и, наконец, не глядя на зятя, отдал ему чек.

— Вот... На яхту копил... Хотел вам подарить... В долг даю...

Потом отдашь... Ты обещал...

— Непременно... Верну сполна, — нетерпеливо сглотнул слюну Крыжовников. Выхватил чек, пробежал глазами: так, сумма, роспись — всё в порядке... Сунул листок в карман, многозначительно глянул на Сато. И тотчас из рукава кимоно блеснул большой шприц с длинной иглой. Дворецкий вонзил её хозяину в спину. Метёлкин охнул, раскрыл рот, хватая воздух, навалился на столик. Зазвенели осколки разбившейся бутылки, запахло разлившимся коньяком.

— Скорее в машину его! — распорядился Крыжовников и со злом пнул лежащего тестя. — У, гад! Столько лет унижал меня... Носочки ему постирай! Крыжом звал!

Вдвоём они забросили бесчувственного гендиректора компании «Стил» в багажник «Лэнд-крузера», и поехали на окраину Паттайи. В колючих зарослях кактусов остановились, прислушались. Тихо. Выволокли из машины грузное тело Метёлкина, ещё спящего после сильной дозы снотворного, сцепили ему руки за спиной, заклеили скотчем рот.

Дворецкий достал бутерброды, термос с чаем.

— Подождём, пока стемнеет... — сказал он.

Метёлкин пришёл в себя на крокодиловой ферме. Осознал ужас своего смертельного положения и стал на колени. «Только не это!» — говорили его глаза, готовые выскочить из орбит. Он бился головой о деревянную изгородь загона, стараясь прикончить себя прежде, чем его бросят туда. Разбивал в кровь лицо, мычал, в то время как его зять равнодушно произносил язвительную речь.

— Ты меня извини, па-па... Но ты думаешь, я женился на твоей чучундре из-за пылких чувств? Ошибаешься, па-па... Нужна мне твоя чувырла... Пусть её пьяный папуас любит... Или орангутанг африканский... Денежки мне нужны были... Поделим с твоим дворецким. И не Ямакава он вовсе, а Хабибулин Ахат... Из Казани родом... Под япошку молотил... Так у нас задумано было... Ждали, когда ты лимончик свой накопишь... Дождались... По

пятьсот штук на рыло выйдет... Не хило, правда, господин капитан? А про брата я шнягу прогнал... Мне самому эти денежки сгодятся...

Бывший матрос танкера «Бахметьевск» похлопал бывшего своего капитана по дряблой щеке и обернулся к Хабибулину, махавшему перед мордами крокодилов ошипанной курицей, подвязанной к шесту.

— Раздраконь этих тварей посильнее, чтобы они схавали его без остатка... Нам улики не нужны... Ведь так, па-па?

Хабибулин расхохотался, отбросил пустой шест.

— Они и так злые... Их неделю не кормили... Не успел курицу поднести, как сразу сглотили её...

— Может, не нужно в наручниках бросать? Не прокакается потом крокодил, который сожрёт его...

— Какое нам дело до здоровья крокодила, — безразличным тоном ответил бывший дворецкий бывшего хозяина. — Хватит нюни разводить, Анри-сан... Крокодилы ням-ням хотят... — рассмеялся он, с трудом удерживая бьющееся в конвульсиях тело.

— Да, папаня... Должок обещанный я тебе возвращаю... На! Получай! Вот тебе, вот...

Крыжовников зло пнул тестя, которого все эти годы терпеливо называл на «Вы».

— Библию мне в лагерь прислал... Свинья! Нет бы денег передать... Колбасы, сала, масла, чаю... Священным Писанием попотчевал! Чтобы я притчи Соломоновы читал... Ума набирался... Да видал я их кое-где! И у меня, и у Ахата уже паспорта другие... Мы — граждане Соединённых Штатов, да будет тебе известно... Он — Смит Уоррен. А я — Джон Бэккер... Я знаю, па-па, что если тебе открыть рот, ты начнёшь визжать и просить не бросать тебя к этим чудовищам... Мне очень жаль, но пойми правильно: нет лучшего способа избавиться от человека, чтобы от него не осталось никаких следов... Ушёл ты вчера в ночной клуб и до сих пор не вернулся... И уже никогда не вернёшься... Да и кто тебя будет искать на этой

вонючей ферме? В грязном болоте среди сотни зубатых хищников? Ты же поданный Франции! Анри Жевьен! Уразумел? Тогда, давай, вперёд! Не поминай лихом, па-па! Некогда мне читать тебе лекцию о любви и дружбе... Нам ещё в аэропорт надо... Поскорее линять отсюда...

Крыжовников и Хабибулин подхватили изогнувшееся в предсмертной судороге трепещущее тело и перебросили через загородку, в темноту южной ночи, покрывшей болото. Оно шлёпнулось в мутную жижу, где тесно, бок к боку громоздились, наползая друг на друга, грязно-серые, огромные крокодилы. Отвратительные пресмыкающиеся заворочались, завозились, захлопали широкими, зубастыми пастями, вырывая один у другого долгожданную и столь лакомую добычу...

...Авиалайнер компании «US airlines» «Боинг-757», уверенно набирая высоту, поднимался всё выше к облакам, в далёкую Америку, унося на своих крыльях безжалостных убийц. Там их ждала не менее трагическая участь. Они пока не знали о том, что расплата их будет ещё более ужасной, а если бы узнали вдруг, предпочли бы выпрыгнуть из самолёта или упасть вместе с ним в океан.

А в Паттайе-сити горели, сияли огни. Радужно переливались на чёрной, ночной глади Сиамского залива. Искрились разноцветными брызгами. Манили вновь и вновь приезжать в этот приветливый, гостеприимный, сказочно-прекрасный город на юге доброго королевства Таиланд.

«Очарованный странник» № 3.

БАНАЛЬНОСТЯМ

Не покидаю острой кручи я,
Гранит сверкающий дроблю.
Но вас, о старые созвучия,
Неизменяемо люблю.
Люблю сады с оградой тонкою,
Где роза с грезой, сны — весны
И тень с сиренью-перепонкою
Как близнецы сопряжены.
Влечется нежность за безбрежностью
Все рифмы — девы — мало — жен!
О, как их трогательной смежностью
Мой дух стальной обворожен!
Вас гонят... Словно дети малые
Дрожат мечта и красота...
Целую ноги их усталые,
Целую старые уста...
Создатели домов лучиночных,
Пустых, гороховых домов,
Искатели сокровищ рыночных
Одни боятся вечных слов.
Я — не боюсь. На кручу сыпкую
Возьму их в каменный приют,
Прилажу зыбкую им зыбку я.
Пусть отдохнут! Пусть отдохнут!

З. Гиппиус.

ЛИСОДЕВА

Как ты похожа сегодня в профиль на шельму лисицу!
Но отчего же твой завтрак — скумбрия и геркулес?
Ах, понакрала бы яиц: курицы стали носиться
И наутек — через поле, через канаву и в лес!
В поле теперь благодатно: там поспевают картофель,
Розовая земляника, гриб набухает в лесу.
Вспомни, забывшая травы, что у тебя лисопрофиль.
Вспомни, что ты каждым вскидом напоминаешь лису.
В рыжей лукавой головке чувствую хитрости лисьи
(Вот еще что: на лисицу очень похожа лиса!..)
Взор твой крылат, но пристало ль грезить лисице
О выси:
Это едва ли удобно — аэроплан и лиса?!

Игорь Северянин.

1913. Веймар.

Я надену колпак дурацкий
И пойду колесить по Руси,
Вдыхая запах кабацкий;
Будет в поле дождь моросить.
Будут ночи сырые, как баржи,
Затерявшиеся на реке,
Я забуду слова все и даже
Рану на груди и руке.
Хохот звонкий, шершавый и колкий
Заглушит шум веток и трав.
Будут выть голодные волки,

Все добычи свои сожрав.
В деревнях ли, в пустынной дороге,
Поглупев от болей своих,
Я смеяться буду много
И выкрикивать смешной стих.
Веселитесь, смейтесь безбольно,
Укреплю свой дурацкий колпак,
Полуночью ж дорогой окольной
Возвращусь на свой жаркий чердак.

Рюрик Ивнев.

ЛЮБОВЬ В ТРАМВАЕ

Влюбленность — осенью. Прощенье — в мае.
Улыбки — вечером. А утром — слезы.
В садах — галантности. Любовь — в трамвае.
В гробу — торжественность. К венцу — плерезы.

Тоска — застывшая в улыбке странной.
В сверканьях пошлости — огонь незримый.
В угаре города толпою пьяной
Цветок растоптанный, цветок любимый!

М. Струве.

*

*

*

Октябрь в начале. Вновь студено,
Снег пляшет белый свой балет,
А я слагаю триолет
Под жаркой лампою зеленой.

Как снега я люблю балет!
Ведь Вы сказали в месяц ноны:
«Мне кажется, что Ваши стоны
Лишь снега тающий балет!»

Димитрий Крючков.

Полусумрак вздрагивал. Фонари световыми топорами
Разрубали городскую тьму на улицы гулкие.
Как щепки, под неслышными ударами
Отлетали маленькие переулки.

Громоздились друг на друга стоэтажные вымыслы.
Город пролил крики, визги, гульные брызги.
Вздыбились моторы и душу вынесли
Пьяную от шума, как от стакана виски.

Электрические черти в черепе развесили
Веселые когда-то суеверия — теперь трупы;
И ко мне, бронированному позой Цезаря,
Подкрадывается город с кинжалом Брута.

Вадим Шершеневич

25 сентября 1913.

Москва

ВИЗАНТИЯ

Порфиры, мантии и митры, и короны,
И грамоты царей с печатью золотой,

«Причал»

Литературный журнал

И ценным жемчугом усыпанные троны,
И пышная парча с серебряной каймой.
Блеск ослепительный придворных церемоний,
Вельмож, сановников, монахов длинный рой,
И мира, и цветы, и ладан, и иконы,
И алый балдахин над царскою четой.
Повелевавшие царями фаворитки,
Кроваво-жутких драм и заговоров свитки,
И сети тонкие раскинутых интриг, —
Все сбросило веков заржавленные цепи,
Все манит, все влечет в былом великолепии,
Как желтые листы полуистлевших книг.

Кн. Шахназарова

«Очарованный странник». 1914 год. Санкт-Петербург

Точка зрения

Борис ЗОРЬКИН

г. Сочи

КУДА Ж НАМ ПЛЫТЬ?..

Мир, в котором мы живём, в ближайшие десятилетия ждут чрезвычайно трудные времена. Признаки предстоящих потрясений видны уже невооружённым глазом. Это истощение энергоресурсов, крах мировой экономики, невиданного масштаба природные катаклизмы, дефицит пресной воды, новые виды войн (гибридные, биологические и т. п.), перенаселённость планеты, эпидемии (с которыми не способна будет своевременно справиться медицина), а то и вообще что-либо полуфантастическое, например, воздействие на нашу жизнь инопланетян...

Россия, как и другие страны, явно не готова достойно встретить подобные вызовы Времени. Политическая ситуация в стране складывается, как кубик Рубика. Идеи носятся в воздухе и выбирают себе жертвы. Плачевное положение дел в РФ во многих сферах известно всем, кто проявляет хотя бы малейший интерес к жизни своего Отечества, и перечислять все беды не имеет смысла. Напомню только один факт: по данным Росстата за последние двадцать лет русских людей в РФ стало на семь миллионов меньше. Думающим россиянам уже ясно, что капитализм, в который шулерски затащили Россию, ведёт её к катастрофе. Убить прошлое нельзя, будущее — можно.

Чтобы избежать подобного развития событий и выйти на дорогу прогресса, у нас есть только один путь: вернуться к строительству социализма. Однако в ближайшие годы этого не произойдёт по целому ряду причин.

Крупная буржуазия, получившая орудия и средства производства, которые были созданы несколькими поколениями советских людей, эту собственность и баснословные прибыли

просто так не отдаст трудящимся. Уровень эксплуатации будет постоянно возрастать путём продолжающейся инфляции, снижения реальной заработной платы, введения новых налогов, штрафов и т. д. И не надо здесь строить никаких иллюзий, как это делает, например, псевдокоммунист Геннадий Зюганов и его сторонники.

Кроме того, необходимо честно признать, что примерно половина трудящихся не хочет сегодня строить социализм. Каждый из них надеется в конечном итоге «вписаться в рынок» и стать хотя бы мелким буржуа.

В советские годы в подавляющем своём большинстве герои искусства и литературы жили и действовали не ради своих личных интересов, а во имя общественного счастья. И такой подход к творчеству способствовал формированию «нового советского человека». Но И. В. Сталин понимал, насколько сильна мелкобуржуазная психология у многих людей, и учитывал это в ходе социалистического строительства. Именно по этой причине в годы его правления в соответствии с советскими законами функционировали и индивидуальные предприниматели, и артели. Всего в этом «министерстве» работало около шести миллионов человек, которые производили предметы народного потребления (мебель, приёмники, замки и т. п.). Их продукция составляла 10-11% ВВП страны. После смерти Сталина, волюнтарист Хрущёв в основном ликвидировал этот «сектор» в экономике и тем самым нанёс существенный ущерб делу строительства социализма в СССР.

После реставрации капитализма в РФ выросло уже два поколения. В подавляющем большинстве эти люди имеют весьма смутное знание о жизни в СССР при социализме. Их представления «отравлены» злобными пропагандистскими мифами буржуазных СМИ и ограничены рассказами родителей, бабушек и дедушек, которые были представителями рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. Старшее поколение не по рассказам, а «вживую» может сравнивать жизнь народа в СССР и в новой России. Если

рассматривать бытие широких слоёв трудящихся, то сравнение, безусловно, не в пользу буржуазной РФ.

При этом не нужно забывать, что представители старшего поколения жили в эпоху, когда КПСС, вступив в последнюю стадию своего гниения, фактически продолжала отбирать власть у советов всех уровней, то есть у народа. Чего стоит только один расстрел рабочих в Новочеркасске в июне 1962 года.

Однако вместе с этим политические и экономические принципы советской власти, заложенные В. И. Лениным и И. В. Сталиным, продолжали функционировать: равноправие независимо от происхождения, национальности и вероисповедания, бесплатное жильё, образование и медицина, качественные продукты питания, своевременное пенсионное обеспечение, и т. д., и т. п.

Когда в 1973 году я окончил вуз и начал свою трудовую деятельность, мне бросилось в глаза вот что: из числа моих друзей, приятелей и знакомых, которые отличались умом, честностью и порядочностью, никто не попал на работу в партийные, советские и комсомольские органы; зато всякая «шелупонь» туда проникала. И это не случайно. После смерти И. В. Сталина существенно изменилась и кадровая политика, и в эти органы набирали в основном будущих горбачёвых и ельциных.

А когда в 1977 году я начал служить оперуполномоченным Назрановского РО КГБ Чечено-Ингушской АССР и в ходе агентурно-оперативной деятельности стал регулярно получать недоступную для рядовых граждан информацию о положении дел в республике, то перед глазами открылось много неприглядных картин общества «зрелого» социализма. Приведу лишь один пример.

Однажды мы узнали (для оперативных работников подобных тайн не существует), что начальник нашего отделения бесплатно взял (фактически украл) в автотранспортном предприятии новый двигатель с коробкой передач для своего

личного автомобиля. Сотрудники отделения сразу же (без согласования с председателем КГБ ЧИ АССР генерал-майором Белозёровым В. И.) провели партийное собрание и исключили начальника из партии. Однако по команде генерала бюро Назрановского райкома партии наше решение отменило и заменило исключение из партии строгим выговором с занесением в учётную карточку. С должности начальника районного отделения КГБ провинившийся сразу же был снят и с понижением отправлен для прохождения дальнейшей службы старшим оперуполномоченным в Наурское РО КГБ ЧИ АССР. А мы в глазах руководства стали выглядеть «бунтовщиками», которых в одном коллективе оставлять было опасно. В течение года всех нас «раскидали» по другим подразделениям...

Этот и другие примеры, на которых не хочу останавливаться, свидетельствовали о том, что мелкобуржуазная психология (дать обществу поменьше, а взять побольше), как ржа железо, разъедала не только партийно-советских работников, но и представителей (как называли тогда чекистов) «вооружённого отряда партии». И это не удивительно. С приходом к власти Н. С. Хрущёва, «чистки» в КПСС прекратились, «суды чести» для крупных чиновников канули в Лету, партийные работники регулярно стали получать конверты (и с этих денег не платили ни налогов, ни партвзносов), и т. д.

В то время многие наши соотечественники с завистью смотрели на европейцев и американцев, живущих в обществе, где в магазинах было обилие качественной одежды и обуви, сотни сортов колбасы и сыра. А у нас присутствовал дефицит предметов народного потребления, очереди были постоянным спутником советских людей и т. п. —отсюда появлялось и такое большое количество недовольных социализмом. К этому обязательно следует добавить, что старшее поколение не могло получить от государства больше материальных благ ещё и по той причине, что шла холодная война, и львиная часть государственного бюджета

вынужденно расходовалась на армию и оборонную промышленность.

И вот уже прошло тридцать лет, как мы оказались в новой реальности, где нас ежедневно окружают «свинцовые мерзости нашей жизни». И как же в этих условиях ведёт себя основная масса рабочих, крестьян и интеллигенции? Изучает труды классиков марксизма-ленинизма? Пытается вникнуть в историю Советского Союза и понять причину краха социалистической идеи на практике? Или, может, упивается чтением произведений лучших советских писателей? Увы, ничего этого нет.

И при этом народ безмолвствует. Одни боятся, как бы не было ещё хуже, другие считают, что от них ничего не зависит, третьи «тонут» в болоте своих проблем и вызывают о помощи, четвёртые от отчаяния впали в апатию... А может быть, творческая интеллигенция подхватила упавшее знамя борьбы за дело рабочего класса? Глядя на многочисленные телевизионные шоу, этот вопрос даже задавать как-то неприлично. У подавляющего большинства представителей нашей творческой интеллигенции убеждения умещаются в формате денежной купюры. И совершенно справедливо Николай Зиновьев в своём стихотворении «Интеллигенция» дал её такую характеристику:

*Пусть не всегда была ты стойкой
И горькую пила украдкой,
Но всё-таки была прослойкой,
А нынче стала ты прокладкой.*

«Как ни тяжело это осознавать, но шелест зелёных купюр, вид блестящих автомобилей и не исчезающие с экранов голые груди и задницы оказались сильнее самых правильных идей, а когда народ из великого множества материальных и духовных потребностей выбирает для себя классическое требование рабов: «Хлеба и зрелищ!» — тогда самыми востребованными писателями оказываются главным образом те из них, кто может выплеснуть на страницы

*своих книг максимальное количество крови, водки или спермы»
(Николай Переяслов).*

За последние тридцать лет «качество» россиян существенно изменилось. Это уже совсем не тот народ, который строил заводы и фабрики, возводил электростанции, выиграл Великую Отечественную войну и в кратчайшие сроки восстановил разрушенное хозяйство, создал ядерный щит, первым в мире покорил космос и стоял в очереди за книгами Юрия Бондарева и Константина Симонова.

Хочет ли такой народ снова строить социализм?

За прошедшие четверть века в России появилось полсотни политических партий. Но ни одну из них нельзя отнести к разряду «партии нового типа», то есть к такой партии, которая в условиях сегодняшнего дня смогла бы организовать рабочих, крестьян и трудовую интеллигенцию на борьбу за свои политические и экономические права. Ни в одной из этих партий нет ярких личностей, которые готовы отдать свои жизни делу рабочего класса. Поэтому так и хочется прибегнуть к иронии: современная партия нового типа — это партия, которую возглавил новый тип.

Есть, правда, у нас несколько действительно марксистских партий (Рабочая партия России, Российская коммунистическая рабочая партия и др.), но они, к сожалению, больше похожи на религиозные секты и не играют почти никакой роли в жизни РФ. Они малочисленны, не имеют сильных лидеров, не берут на вооружение большевистскую тактику борьбы и не учитывают настроений широких слоёв населения. А эти настроения обуславливают и поведение этих самых «широких слоёв». А каким образом проявляется это поведение в политической жизни? Прежде всего пассивностью, несмотря на всё возрастающую неприязнь к правящей партии «Единая Россия».

Буржуазная власть даже не допустит до выборов в Государственную Думу ни одну партию, которая стоит на платформе марксизма-ленинизма. И подтверждением такого

вывода является, например, такой факт. В 2014 году в Министерство юстиции РФ были поданы документы для государственной регистрации Объединённой коммунистической партии (ОКП), и вскоре эта партия получила отказ в регистрации. Причина отказа Минюста — «использование партией коммунистической символики, красного знамени и гимна «Интернационал»».

Другими словами, многочисленных побед (которые были в СССР под красным знаменем) в РФ быть не должно, они запрещены законом. Запрещена (не на словах, а на деле) стремительная модернизация промышленности, рост ВВП 8-10% как в сталинские годы, бесплатное обучение и медицинское обслуживание и т. д.

Запрещён справедливый призыв «Вставай проклятьем заклеймённый, весь мир голодных и рабов!» В соответствии с российскими законами должен быть «мир голодных и рабов», и буржуазное государство будет определять их количество. Сегодня, по заявлению буржуазной власти, их численность определена в 22 млн. человек, а завтра «лимит» может быть законодательно увеличен, ибо *«правовая система в государстве — это воля господствующего класса, возведённая в закон»* (В. И. Ленин).

*Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землёй имеем право,
А паразиты — никогда!*

Эти призывы, звучащие в тексте «Интернационала», расцениваются как экстремистские и тоже считаются преступными. Власть открытым текстом уже предупредила трудящихся: теперь все природные богатства принадлежат не им, а узкому кругу лиц.

Читаешь «Интернационал» — и складывается впечатление, что он написан не сто пятьдесят лет назад, а сегодня:

*Презренны вы в своём богатстве,
Угля и стали короли!*

*Вы ваши троны, тунейдцы,
На наших спинах возвели.*

*Заводы, фабрики, палаты —
Всё нашим создано трудом.*

*Пора! Мы требуем возврата
Того, что взято грабежом.*

Обращает на себя внимание тот факт, что ролики с «Интернационалом» в ютубе прослушали уже миллионы наших соотечественников. А те комментарии, которые пишутся в последнее время, звучат всё угрожающе... Это для власти, безусловно, сигнал.

Если в ближайшее время Россия изберёт путь, который предлагают социал-демократы (у нас это КПРФ и её союзники), материальное положение трудящихся несколько улучшится, но иллюзий строить не стоит. Страна так и останется в статусе придатка Запада, так как власть по-прежнему будет в руках буржуинов.

Даже если В. В. Путин под давлением трудящихся и решится на такой шаг (что маловероятно), олигархи не позволят ему этого сделать. Мы двадцать лет наблюдаем, как президент пытается «переформатировать» нашу компрадорскую буржуазию в национальную, но все его «телодвижения» в этом направлении по большому счёту терпят фиаско. У наших олигархов (да и представителей буржуазии «рангом» ниже) слишком глубоко на Западе «увяз коготок», так что придётся и «всей птичке пропасть».

Будущее теряет свою привлекательность по мере его приближения. Скорее всего, в самые ближайшие годы политический курс нашей власти не изменится. В этом случае повторится 1905, а там рукой подать и до 1917 года, ибо Россия продолжит оставаться «слабым звеном» капиталистической системы. Безусловно, такого развития событий никто не хочет, но

«Причал»

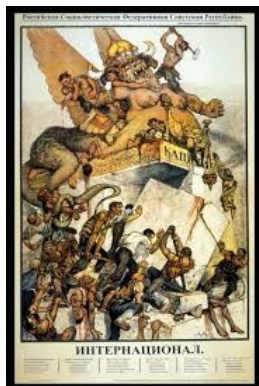
Литературный журнал

«времена не выбирают, в них живут и умирают» (Александр Кушнер).

«Мы это дело начали. Когда именно, в какой срок, пролетарии какой нации это дело доведут до конца, — вопрос несущественный. Существенно то, что лёд сломан, что путь открыт, дорога показана» (В. И. Ленин).

Вспышка революционных настроений в 1917 году была вызвана разорительными последствиями первой мировой войны. История неповторима даже в своих повторениях. Что послужит толчком для новой «вспышки», никто не знает. Пока мы только наблюдаем, что империализм как высшая и последняя стадия капитализма продолжает затягивать «узлы» всё новых и новых противоречий по всему миру, развязать которые мирным путём навряд ли удастся.

Из поступков народов складывается поступь Истории, — поэтому рано или поздно народ скажет своё слово. Этого как огня боится наша буржуазия. И власть будет делать всё, чтобы «электорат» не превратился в граждан своего Отечества, потому что именно в такие моменты Истории появляются Минин и Пожарский, Ленин и Сталин.

НЕ ОЗЛОБЛЯЙТЕ ЧАСОВОГО ПОДОЗРЕНИЕМ!

(из воспоминаний Гаррия Бонифатьевича Табуреткина)

— Пал Назарыч, ответьте мне на один вопрос: почему у нас, в нашей огромной стране, ничего ни хрена никогда нет?

— Потому и нет, что огромная. Вон, Голландия — страна маленькая. Поэтому в ней всё и есть...

(из фильма Юрия Мамина «Фонтан»)

По окончании возрастов младенчества и следующего за младенчеством детства и вступлении в пору зрелой, но ещё до конца не сформировавшейся юности, Гаррий Бонифатьевич (тогда ещё просто Гарька) был призван на исполнение своего священного гражданского долга — службу в рядах Вооружённых Сил горячо любимой Родины-матери. Проходила она (служба, а не мать) в городе С. Рязанской области, в артиллерийской части резерва главного военного командования. Что, естественно, возлагало и налагало дополнительные ум, честь и совесть нашей эпохи. А также огромную ответственность в свете последних решений и исторических постановлений.

Несмотря на некоторые мелкие недостатки, подлянки, пакости и прочие откровенные безобразия, армейская служба Гарьке в целом нравилась. Были в ней положительные моменты — и было их немало. Например, в солдатской столовой в корм часто давали любимое гарькино блюдо — перловую кашу, заправленную

или тушёной (ему больше нравилась говяжья) или рыбными консервами в масле, а на заправку — компот из сухофруктов, в котором попадались даже изюм и курага (сушёные, но от этого не менее вкусные и калорийные. С которых только и остаётся, что взбрыкивать). Ради справедливости нужно сказать, что такой рацион нравился у них в части только двоим — ему, Гарьке, и его сослуживцу, уроженцу то ли нанайских, то ли ногайских бескрайних степей Салды Балды Кербабая, великолепному пареньку, верному другу, достойному сыну своего кербабаявского народа и их же одноименных природных ландшафтов. А Гарьке такой рацион нравился ещё и потому, что воодушевлял его и вдохновлял на свершения, в том числе и служебные. Особенно если после его поглощения приходилось тренироваться в прохождении парадным шагом по плацу с одновременным исполнением задорных строевых песен. Как то: «Выходила на берег Катюша...», «Там где пехота не пройдёт и бронепоезд не промчится...», «Солдат молоденький, в пилотке новенькой. Зашытник мирной стараны!», «И снится нам не рокот космодрома, а трава у дома...» и прочие выдающиеся произведения военно-песенного искусства. Радость объяснялась тем, что музыкального слуха у Гарьки отродясь не было, зато с младенчества он обладал оглушительным голосом. Поэтому петь любил и этой любви никогда не скрывал. Чем вызывал презрительное к себе отношение со стороны ничего не понимающих в музыке сослуживцев и подлинное восхищение своего верного единомышленника Салды Балды Кербабая.

Ещё одной несомненной любовью было хождение в караулы, где Гарьке давали настоящий боевой автомат, заряженный настоящими боевыми патронами. А непосредственно перед выходом на охрану объекта напоминали, что согласно Уставу гарнизонной и караульной службы он, находясь на посту, не имеет права есть, спать, отправлять естественные надобности, а также

подпускать к себе и вверенному ему охраняемому военному имуществу никого постороннего без сопровождения разводящего или министра обороны. Если же эти посторонние всё же попытаются приблизиться без выше названных разводящего или министра обороны, то он, Гарька, после окриков «Стой, кто идёт!», «Стой, стрелять буду!» и выстрела вверх имеет полное, закреплённое Конституцией право открыть огонь на поражение — и даже если он кого сдуру и застрелит, то ему за это ничего не будет (в том смысле, что не будут драть и сажать в тюрьму). А будет даже наоборот: вынесение поощрения за образцовое исполнение гарнизонной и караульной службы и постановление его, Гарьки, всем в пример.

Объяснявшие ему такие тонкости, конечно же, не знали, что Гарька воспринимает подобные указания буквально, поэтому однажды чуть было (чуть!) не перестрелял выездную комиссию из вышестоящего штаба, когда эта комиссия вздумала проверять караульных без сопровождения всё тех же разводящего или министра обороны. А дело было так.

Эта выездная комиссия, состоявшая из двух майоров и одного подполковника, приехала в часть якобы для проверки её боеготовности, боеспособности, боекомплектности и состояния хранимого на её территории военного имущества (пушки и прочие военные орудия. А также шинели, портянки, сапоги и прочее). А на самом деле — попить водочки, попариться в баньке, порыбачить и вообще отдохнуть от жён, детей и той повседневной тоскливой рутины, которой они были окружены в своём вышестоящем штабе. (Необходимое пояснение, а также уточнение: автор этих строк ни в коей мере не собирается осуждать эту троицу за устроенные показуху и увлечение банным помывом и алкогольными напитками. Обыкновенные, совершенно нормальные мужики со своими совершенно нормальными, стандартными, маленькими мужскими даже не слабостями, а радостями. Кроме того, показуха,

лицемерие и халява есть наши незыблемые, ещё со времён Советской власти, достижения и завоевания, и отменять их никто не собирается. Да если только хоть кто-нибудь хоть только попробует на них покуситься, то — и я в этом совершенно уверен! — случится такое, о чём даже подумать страшно, а не то, что говорить и писать).

И поначалу вся эта якобы проверка якобы боевитости и без якобы показушности шла тихо, мирно, аккуратно — но в один из приятных вечеров, когда майоры и подполковник не рассчитали дозу и упились в зюсю, их потянуло на свои полководческие подвиги. А именно: проверить, как в части несётся и кудахчет караульная служба. Они приняли на дорожку ещё по стакану, снова закусили только сегодня выловленными и аппетитно пожаренными окунями и пошли проверять. И первым на их героическом полководческом пути оказался именно он, Гарька (вторым должен был стать Салды Балды Кербабаяев. Должен, но не стал. Почему — сейчас поймёте.).

И вот идут, значит, эти красавцы, по территории, отпускают громко и возмущённо в адрес пока неведомого им караульного скабрёзные шуточки и гневливые реплики — и тут из-за орудия выскакивает Гарька с воинственной мордой, воинственным взглядом и автоматом наперевес. «Стой, кто идёт?».

— Вы где были, товарищ караульный? — игнорируя вопрос, заорал подполковник. — Мы прошли уже половину охраняемой территории! Вы проспали вероятного противника! Может, даже диверсанта!

— Стой, стрелять буду! — продолжает Гарька.

— Я те выстрелю! — продолжил бушевать подполковник. — Я тебе так выстрелю — портки не отстираешь!

Гарька в ответ передёрнул затвор, поднял автомат дулом вверх и выстрелил.

— Вались, блидва, на землю, а то щас всех вас здесь положу! — заорал он своим страшным голосом и автомат на троицу направил. Вот тут, наконец, эти генералиссимусы поняли, что парень не шутит. И палец его на спусковом крючке не просто лежит, а пляшет. И ничего ему за их бесславную гибель не будет. Потому что действует этот подлец строго по уставу. Хотя им-то тогда какая на хрен будет разница, по уставу или от себя, когда он из них сейчас дуршлагов наделает?

И бесстрашные полководцы дружно грохнулись наземь. И грохнулись, прямо скажем, очень неудачно, прямо в пролитую накануне каким-то распизь... раздолбаем именно здесь, на этом самом месте, соляру. Но где уж тут разбирать, соляра это или колбаса, когда на тебя ласково смотрит выходное отверстие?

Лежали они недолго: на выстрел прибежала тревожная группа во главе с тем самым законным разводящим. Гарьку с караула сняли, а утром, на построении подполковник, одетый в чистый, явно с чужого плеча мундир, скрипя зубами и дико вращая глазами, вынес ему благодарность за образцовое ведение караульной службы. И Гарька ответил «Служу Советскому Союзу!», и браво вскинул руку к козырьку. И больше остальных сослуживцев за него радовался прекрасный парень и верный его товарищ Салды Балды Кербабаев, до поста которого те раздолбаи-генералиссимусы дойти так и не успели.

Прошли годы. Прежний Гарька превратился в Гаррия Бонифатьевича, уважаемого человека, члена общества, приёмщика стеклотары в приёмном пункте, расположенном на улице Гагарина, между японским баром «Суши-куюши» и венерической лечебницей. Он часто приглашаем пионерами (или как их сегодня...?) на свои торжественные пионерские мероприятия, в частности собрания в честь 23 февраля — Дня защитника Отечества, куда всегда ходит с удовольствием,

поскольку видит в этих встречах важную воспитательную миссию. Однажды, чтобы разбавить скуку и казёнщину мероприятия, он захотел рассказать этот случай о вывалявшихся в соляре комиссионных полководцах, но по пути на трибуну к нему подошёл совершенно незаметный мужчина в стандартном костюме неброского цвета и сказал совершенно стандартным голосом всего два слова: «не надо». Чего не надо, попытался было включить дурака Гаррий Бонифатьевич, но мужчина на уловку не купился и повторил: «не надо». И исчез из его, Гаррия Бонифатьевича, поля зрения.

Вывод: скромнее надо быть, товарищи! И в своих воспоминаниях соображать, что можно, а чего действительно не надо. Дабы не подрывать основы, устои, стандарты и прочие достижения, ко всему этому прилагающееся. А то в противном случае всем нам такие вот незаметные и совершенно стандартные запросто могут устроить полные салды и окончательные балды. И тогда все мы со своими героическими воспоминаниями враз и хором откербаемся.

